

008
1718

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Національний аерокосмічний університет
ім. М.Є. Жуковського
«Харківський авіаційний інститут»

Н.І. Парафійник, А.Є. Прилуцька

УКРАЇНСЬКА І ЗАРУБІЖНА КУЛЬТУРА

Частина I
Теорія культури

ХРЕСТОМАТІЯ

Українська і зарубіжна культура. – Ч.І. Теорія культури. / Н.І. Парамон, А.Є. Прилуцька. – Хрестоматія. – Харків: Нац. аерокосмічний ун-т «Харк. авіац. ін-т», 2002. – 202 с.

Хрестоматія складається з двох частин: «Теорія культури» і «Історія української та світової культури». У першій частині наведено праці провідних зарубіжних і вітчизняних культурологів, істориків, філософів, літературознавців, мистецтвознавців. Розглянуто різні теорії культури, культурологічні школи та концепції, закономірності й основні етапи розвитку світової і української культури.

Для студентів технічних вузів, викладачів культурології, а також усіх тих, кого цікавлять проблеми розвитку національної та світової культури.

Рецензенти: д-р філос. наук, проф. Я.М. Білик,
д-р філос. наук, проф. М.В. Дяченко

ПЕРЕДМОВА

Становлення і організація освіти, що гармонійно поєднує фундаментальну загальнонаукову і спеціальну підготовку студентів щодо духовного, етико-естетичного та громадянського розвитку їх особистості, а також перехід на нові організаційні та методичні принципи викладання соціогуманітарних дисциплін роблять необхідною принципову зміну ролі та місця культурології в системі вищої освіти.

Курс «Українська і зарубіжна культура» сприяє формуванню наукового світогляду студентів, а також загальноосвітнього, фахового та культурного рівня майбутнього спеціаліста. Вивчення курсу дає уявлення про різноманітність і самобутність різних культур, допомагає зрозуміти системний зв'язок усіх складових культури – мистецтва, етнології, наукового знання, всіх форм духовних і матеріальних цінностей.

Сьогоднішній студент технічного навчального закладу в майбутньому може й не стати інженером, змінити свою професію, але за будь-якої умови щоденно протягом всього життя йому належить вести «діалог культур» в найширшому розумінні цього поняття.

Саме життя потребує від спеціаліста рішення не ізольованих пізнавальних і практичних задач, а комплексних, які знаходяться на перехресті різних галузей наукового знання та сфер соціокультурної практики.

Засвоєння культурних багатств минулого виконує важливу інтеграційну функцію в життєдіяльності кожної спільноти, гармонізує життя людей, пробуджує у них потребу широкого і глибокого осягнення світу. Культура впливає на працю, побут, дозвілля, менталітет і спосіб життя як всього суспільства, так і окремої людини.

В наш час культура відіграє все більшу роль у формуванні та зміцненні громадянського суспільства, розвитку творчих здібностей людини. Як відомо, нехтування загальнолюдськими цінностями та надбаннями пояснюється браком духовної культури.

Сходження суспільства до нових вершин суспільного розвитку потребує насамперед звернення до культурного потенціалу, набутого людством за час його існування. Ні соціальний процес, ні самовдосконалення особистості неможливі без залучення до духовних скарбниць народів світу.

Курс «Українська і зарубіжна культура» передбачає висвітлення проблем розвитку культури українського народу в контексті зарубіжної культури, а також аналіз культур у їхньому взаємозв'язку.

Розширити культурний кругозір студентів, залучити їх до зацікавленого вивчення досягнень світової та вітчизняної культури, розвинути творчі задатки молодого людини, допомогти їй у вільному визначенні сучасного динамічного світу покликана хрестоматія з курсу «Українська

і зарубіжна культура».

До хрестоматії ввійшли праці провідних зарубіжних і вітчизняних культурологів, істориків, філософів, літературознавців, мистецтвознавців. Хрестоматія складається з двох частин: «Теорія культури» та «Історія світової і української культури».

Перша частина присвячена проблемам теорії культури і знайомить студентів з культурними школами і концепціями, культурологічними підходами і методами, з цілою плеядою культурологічних імен.

В ній наведено тексти праць М. Бердяєва, О. Шпенглера, Й. Хейзинга, К. Юнга, Ф. Ніцше, З. Фрейда, О. Тофлера, К. Ясперса та інших відомих представників європейської культурологічної думки. Вона містить і тексти українських вчених Г. Сковороди, І. Франка, М. Драгоманова, Л. Українки, В. Винниченка, І. Лисяка-Рудницького, І. Нечуя-Левицького, І. Огієнка та інших, які відображають своєрідність культурологічних концепцій українських вчених, знайомлять з особливостями української культури. Перед кожним оригінальним текстом подано коротку біографічну довідку про автора.

У другій частині хрестоматії розглянуто основні етапи становлення світової культури, починаючи з первісної і закінчуючи її сучасним станом. Спеціальний розділ присвячено вивченню історії розвитку і особливостей української культури. Введено тексти, які знайомлять з побутом, звичаями, релігійними віруваннями, мистецтвом, архітектурою, філософськими поглядами різних народів.

Укладачі будуть вдячні читачам за змістовні доповнення і пропозиції, спрямовані на вдосконалення хрестоматії, і сподіваються, що вона надасть суттєву допомогу студентам при вивченні курсу «Українська і зарубіжна культура».

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ
БЕРДЯЕВ
Микола Олександрович
(1874 – 1948)

Російський філософ, публіцист. У 1922 р. був висланий із Радянської Росії. Виступав за відродження духовної православної культури в протилежність бездуховній машині цивілізації. Слідом за Шпенглером розвивав поняття «культура» і «цивілізація».

Основні культурологічні праці – «Смисл творчості» (1919), «Воля до влади» (1922), «Про культуру» (1923), «Криза мистецтва» (1918), «Людина і машина» (1933).

О КУЛЬТУРЕ

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности... От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко развитой, более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля. Культура переходит в цивилизацию. Демократия неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подьемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован уравнивательным процессом... Культура и цивилизация – не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура – благородного происхождения. Ей передан иерархический характер культа. Культура имеет религиозные основы. Это нужно считать установленным с самой позитивно-научной точки зрения. Культура символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре реалистически, а не символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществленных божественных тайн. Цивилизация не имеет такого благородного происхождения. Цивилизация всегда имеет вид *parvenu* (с франц. – выскочка). В ней нет связи с символикой культа. Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический. Цивилизация идет снизу вверх, путь

ее буржуазный и демократический. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся. Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т.п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуальна, как культура Египта, Вавилона, Греции и т.п. Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудие.

Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода благодать священства. Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, преданная культура, не имеет преданий, стесняется этого своего положения. Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера. Все в ней новенькое, все приспособлено к удобствам сегодняшнего дня. В культуре происходит великая борьба вечности со временем, великое противление разрушительной власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально. Ей дорого увековечение, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников. Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскрешению. В этом отношении величайшим образцом культуры религиозной является культура Древнего Египта. Она вся была основана на жажде вечности, жажде воскресения, вся была борьбой со смертью. И египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней. Современная цивилизация не строит уже пирамид и не дорожит тем, чтобы памятники ее имели тысячелетнюю прочность. Все быстротечно в современной цивилизации. Цивилизация, в отличие от культуры, не борется со смертью, не хочет вечности. Она не только мирится со смертоносной властью времени, но и на этой смертоносности временного потока основывает все свои успехи и завоевания. Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках. Цивилизация футуристична. В цивилизации есть хамизм зазнавшегося рагвену. Этот хамизм сообщается и культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной.

В культуре действуют два начала – консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало по существу враждебно культуре, антикультурно. Культура немыслима без иерархической преемственности, без качественного неравенства. Революционное же начало враждебно всякому иерархизму и направлено на разрушение качеств. Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе ее утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна... Вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей никакой преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков. Идея такой новой революционной культуры есть *contradictio in adjecto* (с лат. – противоречие в определении)...

Демократическим путем не могут создаваться «науки» и «искусства», не творятся философия и поэзия, не появляются пророки и апостолы. Закрывание аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников. Придется духовно существовать мертвым капиталом прошлого, отрицая и ненавидя это прошлое. И сами источники культуры в прошлом все более и более теряются, отрыв от них все более и более углубляется. Вся европейская культура большого стиля связана с преданиями античности. Настоящая культура и есть античная греко-римская культура, и никакой другой культуры в Европе не существует...

Всякая культура имеет периоды своего цветения, своего высшего подъема. В начале развития культуры – варварства, в конце этого развития – упадничество. Варварство и упадничество с противоположных концов угрожают культуре. Всякая культура исчерпывает себя, иссякает и склоняется к упадку. На вершине своей культура отрывается от онтологических своих основ, отделяется от жизненных своих истоков, утончается и начинает отцветать. Осень культуры – самая прекрасная и утонченная пора. Поздние цветы культуры – самые изысканные ее цветы. В это время в культуре достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность. Раздвоение упадочной культуры открывает многое, закрытое для более цветущих и здоровых культурных эпох. Эпохи утонченного декаданса культуры не так бесплодны, как это представляется на первый взгляд: в них есть и свое положительное откровение. Цветущая органическая целостность не дает знания противоположностей, она пребывает в одном и счастливо не знает другого. Слишком большое усложнение и утончение культуры нарушает эту целостность, выводит из счастливого неведения противоположностей. В искусстве, в философской мысли, в мистической настроенности раскрываются две полярные бездны. Приобретается

более острое знание и добра и зла. Но воля к жизни, к ее устройению и развитию не имеет прежней цельности. Появляется утонченная усталость. Нет уже веры в прочность культуры в этом мире, в достижимость совершенства и красоты цветущей культуры. Возрастает недовольство этим миром, тоска по мирам иным. Культура внутренне перегорает. В ней образуются материалы для нового мира, готовится новое откровение, новое пришествие...

В культуре всегда действовали два начала – классическое и романтическое, и в разные эпохи преобладало то одно, то другое начало и создавало преобладающий стиль культуры. Греция явила высочайшие образцы культуры классической. Но и в Греции была уже культура романтическая. После Ницше невозможно этого отрицать. Классическое и романтическое переплетаются, борются друг с другом и взаимодействуют. Классическая культура есть культура имманентная, осуществляющая совершенство в пределе, замкнутое и завершенное совершенство на земле. Она стремится к строгим формам, не допускающим прорывов, в ней не раскрываются беспредельные дали. Романтическая культура есть культура с трансцендентальными прорывами, осуществляющая совершенство в беспредельности, размыкающая и не допускающая совершенства на земле. Формы ее не столь строги, и в ней всегда есть прорывы, всегда раскрываются за ней беспредельные дали. Классическая культура не знает иного мира за своими пределами и ничего не говорит о нем. Романтическая культура вся есть о мире за пределами, вся устремлена к совершенству в вечности и безмерности. Христианская культура по принципу своему романтична, а не классична, хотя принцип классицизма в ней действует как одно из вечных начал. Классическая культура означает довольство культурой. Это довольство невозможно в христианском мире. Христианский мир заболел трансцендентной тоской. И тоска эта отпечаталась на его культуре. Совершенство на земле, в культуре для этого мира невозможно... Совершенная культура так же невозможна, как невозможно и совершенное общество. Совершенство возможно лишь в ином мире, в ином плане, в благодатном, а не природном порядке. Культура имеет религиозные основы, она полна религиозной символики, и в ней не достигаются онтологически реальные результаты. Наука и искусство, государство и семья, право и хозяйство – не последние реальности бытия, не онтологические достижения познания и красоты, власти и любви, общения людей и регулирования природы, а лишь знаки, лишь символы этих реальных достижений. Невозможна и низка совершенно безрелигиозная культура, но невозможна и онтологически религиозная культура. Культура явилась дифференциацией культа, она явилась уже в результате выделения из храма, отделения от религиозного центра. И процесс секуляризации культуры – неотвратимый и роковой процесс. Секуляризация и есть внутренняя траге-

дия культуры... Культура религиозна по своему происхождению и религиозна по своему заданию...

Давно уже на вершинах культуры начался кризис культуры. В самых утонченных плодах культуры чувствуется недовольство культурой, недостаточность культуры, болезненный в ней надлом, искание путей к бытию сверхкультурному.

Кризис культуры и искание нового бытия, превышающего культуру, совершается в том избранном меньшинстве, которое познало культуру до конца и изжило пути культуры, в высшем культурном слое... Для огромного большинства никакого кризиса культуры не существует. Огромное большинство должно еще приобщиться к культуре и пройти пути ее. Кризис культуры по характеру своему есть кризис аристократический, а не демократический...

Поистине, кризис культуры совершается иерархически, как и все, что подлинно, а не призрачно в мире совершается... Кризис культуры совершается в глубинном измерении, а не в измерении плоскостном... Кризис этот есть острое переживание и острое сознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоизмеримости между культурой и бытием, между культурой и творчеством. Когда культура доходит до своих пределов, до последних утончений и усложнений своих проблем, начинают сознавать, что высшие достижения культуры не есть новое бытие, новая жизнь, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом, с творческим заданием...

Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его. Необходимо изжить пути культуры, чтобы выйти за пределы культуры, к высшему творческому бытию. Лишь на вершинах культуры творческое дерзновение может разбить цепи культуры, приковывающие к этому миру. Есть еще путь святости, путь, для немногих существующий. Но и этот путь есть путь высшей культуры духа. Он лежит в глубочайшей основе христианской культуры. Два явления выходят за пределы канонических норм культуры – святость и гениальность. Но святость и гениальность – величайшие явления духовной культуры, истинные ее двигатели. Человечество обречено культуре... Высшая культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура. Это и говорит об иерархическом строе культуры. Высшие цели мировой и исторической жизни связаны с тем, что понятно и существенно нужно лишь немногим. Но этим нужным и понятным лишь немногим духовно держится весь мир и вся история. В культуре есть эзотерика и экзотерика. Понятное лишь на высших ступенях имеет существенное значение для самых низших ступеней. Философия нужна для техники. Кризис культуры совершается на самых высших ступенях творческой жизни. Но это имеет мировое значение. Сверху идет духовная волна до самого низа... Так под-

ходим мы к апокалипсису культуры.

Бердяев Н.А. Письмо тринадцатое «О культуре» // Философия неравенства. – М., 1990. – С. – 247 – 261.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ И ВОЛЯ К КУЛЬТУРЕ

1. В нашу эпоху нет более острой темы и для познания и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, о их различии и взаимоотношении. Это – тема об ожидающей нас судьбе... Шпенглер признавал цивилизацию роком всякой культуры. Цивилизация же кончается смертью. Тема эта не новая; она давно нам знакома... Наиболее значительные русские мыслители давно уже познали различие между типом культуры и типом цивилизации и связали эту тему с взаимоотношением России и Европы. Все наше славянофильское сознание было проникнуто враждой не к европейской культуре, а к европейской цивилизации. Тезис, что «Запад гниет», и означал, что умирает великая европейская культура и торжествует европейская цивилизация, бездушная и безбожная... Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в России только и возможна еще культура на религиозной основе, подлинная духовная культура...

...Явление Ницше связано с острым сознанием этой роковой для западной культуры темы. Тоска Ницше по трагической, дионисической культуре – есть тоска, возникающая в эпоху торжества цивилизации. Лучшие люди Запада ощущали эту смертельную тоску от торжества мамонизма в старой Европе, от смерти духовной культуры – священной и символической – в бездушной технической цивилизации. Все романтики Запада были людьми ранеными, почти смертельно, торжествующей цивилизацией, столь чуждой их духу... Устремленность людей Запада к былым культурным эпохам или экзотическим культурам Востока означает восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию, но восстание слишком утонченного, упадочного, ослабленного духа. От надвигающегося небытия цивилизации люди поздней, закатной культуры бессильны перейти к подлинному бытию, бытию вечному, они спасаются бегством в мир далекого прошлого, который нельзя уже вернуть к жизни, или чуждого им бытия застывших культурных миров Востока.

Так подрываются основы банальной теории прогресса, в силу которой верилось, что будущее всегда совершеннее прошедшего, что человечество восходит по прямой линии к высшим формам жизни. Культура не развивается бесконечно. Она несет в себе семя смерти. В ней заключены начала, которые неотвратимо влекут ее к цивилиза-

ции. Цивилизация же есть смерть духа культуры, есть явление совсем иного бытия и небытия....

2. Во всякой культуре после расцвета, усложнения и утончения начинается иссыкание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, к практической организации жизни, в сторону все большего ее расширения по поверхности земли. Цветение «наук и искусств», углубленность и утонченность мысли, высшие подьемы художественного творчества, созерцание святых гениев – все это перестает ощущаться как подлинная, реальная «жизнь», все это уже не вдохновляет. Рождается напряженная воля к самой «жизни», к практике «жизни», к могуществу «жизни», к наслаждению «жизнью», к господству над «жизнью». И эта слишком напряженная воля к «жизни» губит культуру, несет за собой смерть культуры... Слишком хотят «жить», строить «жизнь», организовывать «жизнь» в эпоху культурного заката. Эпоха культурного расцвета предполагает ограничение воли к «жизни», жертвенное преодоление жадности к жизни. Когда в массах человеческих слишком распространяется жадность к «жизни», тогда цель перестает полагаться в высшей духовной культуре, которая всегда аристократична, всегда в качествах, а не в количествах. Цель начинают полагать в самой «жизни», в ее практике, в ее силе и счастье. Культура перестает быть самоценной, и потому умирает воля к культуре. Нет более воли к гениальности, не рождаются более гении. Не хотят уже незаинтересованного созерцания, познания и творчества. Культура не может оставаться на высоте, она неизбежно должна спускаться вниз, должна падать. Она бессильна удержать свою высшую качественность. Начало количественное должно ее одолеть. Происходит социальная энтропия, рассеяние творческой энергии культуры. Культура срывается и падает, она не может вечно развиваться потому, что не осуществляет целей и задач, зародившихся в духе творцов ее.

Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Культура не есть осуществление, реализация истины жизни, добра жизни, красоты жизни, могущества жизни, божественности жизни. Она осуществляет лишь истину в познании, в философских и научных книгах; добро – в нравах, бытии и общественных установлениях; красоту – в книгах стихов и картинах, в статуях и архитектурных памятниках, в концертах и театральных представлениях; божественное – лишь в культуре и религиозной символике. Творческий акт притягивается в культуре вниз и отяжелевает. Новая жизнь, высшее бытие дается лишь в подобиях, образах, символах... Где же сама «жизнь»? Реальное преображение как будто бы не достигается в культуре. И динамическое движение внутри культуры с ее кристалли-

зованными формами неотвратно влечет к выходу за пределы культуры, к «жизни», к практике, к силе. На этих путях совершается переход культуры к цивилизации.

...Культура всегда была великой неудачей жизни. Существует как бы противоположность между культурой и «жизнью». Цивилизация пытается осуществлять «жизнь»... Все станет в ней техническим, технической будет и философская мысль... В этом – трагедия культуры и трагедия цивилизации.

3. Во всякой культуре на известной стадии ее развития начинают обнаруживаться начала, которые подрывают духовные основы культуры. Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной. Древнейшая из культур – культура Египта – началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями. Но в самой культуре обнаруживается тенденция к разложению своих религиозных и духовных основ, к низвержению своей символики. И культура античная, и культура западноевропейская переходит через процесс «просвещения», которое порывает с религиозными истинами культуры и разлагает символику культуры. В этом обнаруживается роковая диалектика культуры. Культуре свойственно на известной стадии своего пути как бы сомневаться в своих основах и разлагать эти основы. Она сама готовит себе гибель, отделяясь от своих жизненных истоков. Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Из стадии «органической» она переходит в стадию «критическую».

Чтобы понять судьбу культуры, нужно рассматривать ее динамически и проникнуть в ее роковую диалектику. Культура есть живой процесс, живая судьба народов. И вот обнаруживается, что культура не может удержаться на той срединной высоте, которой она достигнет в период ее цветения, ее устойчивость не вечна. Во всяком сложившемся историческом типе культуры обнаруживается срыв, спуск, неотвратимый переход в такое состояние, которое не может уже быть наименовано «культурой»... Воля к могуществу во что бы то ни стало есть цивилизаторская тенденция в культуре. Культура бескорыстна в своих высших достижениях, цивилизация же всегда заинтересована. Когда «просвещенный» разум сметает духовные препятствия для ис-

пользования «жизни» и наслаждения «жизнью», когда воля к могуществу и организованному овладению жизнью достигает высшего напряжения, тогда кончается культура и начинается цивилизация. Цивилизация есть переход от культуры, от созерцания, от творчества ценностей к самой «жизни», искажение «жизни», отдание себя ее стремительному потоку, организация «жизни», упоение силой жизни. В культуре обнаруживается практически утилитарный, «реалистический», т.е. цивилизаторский, уклон. Большая философия и большое искусство, как и религиозная символика, не нужны более, не представляются «жизнью». Происходит изобличение того, что представлялось высшим в культуре, верховным ее достижением... Перед судом реальной «жизни» в эпоху цивилизации духовная культура признается иллюзией, самообманом еще не освобожденного, зависимого сознания, призрачным плодом социальной неорганизованности. Организованная техника жизни должна окончательно освободить человечество от иллюзии и обманов культуры; она должна создать вполне «реальную» цивилизацию. Духовные иллюзии культуры поражены были неорганизованностью жизни, слабостью ее техники. Эти иллюзии исчезают, преодолеваются, когда цивилизация овладевает техникой и организует жизнь. Экономический материализм – очень характерная и типичная философия эпохи цивилизаций. Это учение выдает тайну цивилизации, обнаруживает ее внутренний пафос... В цивилизации неизбежно господствует экономизм; цивилизация по природе своей технична, в цивилизации всякая идеология, всякая духовная культура есть лишь надстройка, иллюзия, не реальность. Призрачный мир всякой идеологии и всякой духовности изобличен. Цивилизация переходит к «жизни», к организации могущества, к технике, как подлинному осуществлению этой «жизни». Цивилизация, в противоположность культуре, не религиозна уже по своей основе, в ней побеждает разум «просвещения», но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация, в противоположность культуре, не символична, не иерархична, не органична. Она – реалистична, демократична, механична. Она хочет не символических, а «реалистических» достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров. В цивилизации... коллективный труд вытесняет индивидуальное творчество. Цивилизация обезличивает. Освобождение личности, которое как будто бы цивилизация должна нести с собой, смертельно для личной оригинальности. Личное начало раскрылось лишь в культуре. Воля к мощи «жизни» уничтожает личность. Таков парадокс истории.

4. Переход культуры в цивилизацию связан с радикальным изменением отношения человека к природе... Эра цивилизации началась с победоносного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между че-

ловеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинить себе природу... Человек переходит к овладению природой, к организации жизни, к повышению силы жизни... Человек окончательно удаляется от природы в процессе технического овладения природой и организованного властвования над ее силами. Организованность убивает органичность. Жизнь делается все более и более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека, на все стороны ее деятельности. Цивилизация имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу. Она прежде всего технична, в ней торжествует техника над духом, над организмом. В цивилизации само мышление становится техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более и более технический характер... В цивилизации побеждает начало специализации, в ней нет духовной целостности культуры. Все делается специалистами, от всех требуется специальность.

Машина и техника порождены еще умственным движением культуры, великими ее открытиями. Но эти плоды культуры подрывают ее органические основы, умерщвляют ее дух. Культура обездушивается и переходит в цивилизацию. Дух идет на убыль. Качества заменяются количеством... Познание, наука превращаются в средство для осуществления воли к могуществу и счастью, в исключительное средство для торжества техники жизни, для наслаждения процессом жизни. Искусство превращается в средство для той же техники жизни, в украшение организации жизни. Вся красота культуры, связанная с храмами, дворцами и усадьбами, переходит в музеи, наполняемые лишь трупами красоты. Цивилизация – музейна, в этом единственном связь ее с прошлым. Начинается культ жизни вне ее смысла. Ничто уже не представляется самоценным. Ни одно мгновение жизни, ни одно переживание жизни не имеет глубины, не приобщено к вечности. Всякое мгновение, всякое переживание есть лишь средство для ускоряющихся жизненных процессов, устремленных к дурной бесконечности, обращено к всепожирающему вампиру грядущего, грядущей мощи и грядущего счастья. В быстром, все ускоряющемся темпе цивилизации нет прошлого и нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее. Цивилизация – футуристична. Культура же пыталась созерцать вечность. Это ускорение, эта исключительная устремленность к будущему созданы машиной и техникой. Жизнь организма более медлительна, темп не столь стремительный. В цивилизации жизнь выбрасывается изнутри вовне, переходит на поверхность. Цивилизация эксцентрична. Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни. Цели жизни представляются иллюзорными, средства признаются реальными... Культура есть лишь средство для техники

жизни. Соотношения между целями и средствами жизни перемешиваются и извращаются. Все для «жизни», для ее нарастающей мощи, для ее организации, для наслаждения жизнью. Но для чего сама «жизнь»? Имеет ли она цель и смысл? На этих путях умирает душа культуры, гаснет смысл ее. Машина получила магическую власть над человеком, она окутала ее магическими токами. Но бессильно романтическое отрицание машины, простое отвержение цивилизации как момент человеческой судьбы, как опыт, умудряющий дух. Невозможна простая реставрация культуры. Культура в эпоху цивилизации всегда романтична, всегда обращена к былым религиозно-романтическим эпохам. Это – закон. Классический стиль культуры невозможен среди цивилизации...

5. Цивилизация – «буржуазна» по своей природе... Дух цивилизации – мещанский дух... он не любит вечности. «Буржуазность» и есть рабство у тлена, ненависть к вечному... Индустриально-капиталистическая система... была... явлением истребления духовности. Индустриальный капитализм цивилизации был истребителем духа вечности, истребителем святынь. Капиталистическая цивилизация новейших времен убивала Бога, она была самой безбожной цивилизацией... В культуре религия была символической, в цивилизации религия стала прагматической... Цивилизация... прагматична... Бог религиозных откровений. Бог символической культуры давно уже ушел из капиталистической цивилизации, и она ушла от него. Индустриально-капиталистическая цивилизация... механична, она создает лишь царство фикций... Труд перестает быть духовно осмысленным и духовно оправданным и восстает против всей системы...

...Ничего нельзя понять статистически, все должно быть понято динамически... Империализм – техническое порождение цивилизации. Империализм не есть культура... В индустриально-капиталистическую эпоху саморазлагающегося империализма и возникающего социализма торжествует цивилизация, но культура склоняется к закату. Это не означает, что культура умирает. В более глубоком смысле – культура вечна. Античная культура пала и как бы умерла. Но она продолжает жить в нас как глубокое наслоение нашего существа. В эпоху цивилизации культура продолжает жить в качествах, а не количествах, она уходит в глубину. В цивилизации начинают обнаруживаться процессы варваризации, огрубления, утраты совершенных форм, выработанных культурой... В цивилизации иссякает духовная энергия, угашается дух – источник культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие. Цивилизация родилась из воли человека к реальной «жизни», к реальному могуществу, к реальному счастью в противоположность символическому и созерцательному характеру

культуры. Таков один из путей, ведущих от культуры к «жизни», к преобразению жизни, путь технического преобразования жизни. Человек должен был пойти этим путем и раскрыть до конца все технические силы. Но на пути этом не достигается подлинное бытие, на пути этом погибает образ человека.

6...Цивилизация не есть единственный путь перехода от культуры с ее трагической противоположностью «жизни» к преобразению самой «жизни». Есть еще путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия. В исторической судьбе человечества можно установить четыре эпохи, четыре состояния: варварство, культура, цивилизация и религиозное преобразование. Эти четыре состояния нельзя брать исключительно во временной последовательности; они могут сосуществовать, это – разные направленности человеческого духа. Но одно из этих состояний в ту или иную эпоху преобладает... В культуре христианство было по преимуществу символично, оно давало лишь подобия, знаки и образы преобразования жизни; в цивилизации оно стало по преимуществу прагматичным, превратилось в средство для возрастания процессов жизни, в технику духовной дисциплины... Религия не может быть частью жизни, загнанной в далекий угол...
...У русских всегда было недовольство культурой, нежелание создавать срединную культуру, удерживаться на срединной культуре...

Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре (из книги «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы») // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990. – С. 73 – 84.

ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

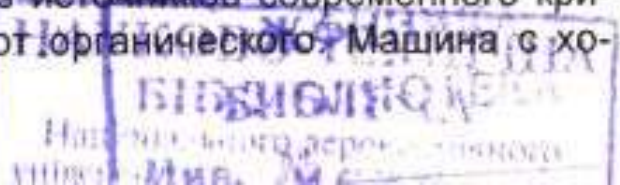
...Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры. В сущности, человек не может быть последовательным и окончательным атеистом...

...Современный человек верит в могущество техники, машины, иногда кажется, что это единственное, во что еще верит... Человек потрясен и подавлен могуществом техники, перевернувшей всю его жизнь. Человек сам ее создал, она продукт его гения, его разума, его изобретательности, она детище человеческого духа. Человеку удалось расковать скрытые силы природы и использовать их для своих целей, внести телеологический принцип в действие сил механико-физико-химических. Но овладеть результатами своего дела человеку не удалось. Техника оказалась сильнее самого человека, она подчинила его себе. Техника есть единственная сфера оптимистической веры современного человека, самое большое его увлечение. Но она же

приносит человеку много горечи и разочарований, она порабощает человека, ослабляет его духовность, угрожает ему гибелью. Кризис нашего времени в значительной степени порожден техникой, с которой человек не в силах справиться... Техника оторвала человека от земли, она окончательно разрушила патриархальный строй... Долгое время технику считали наиболее нейтральной сферой, религиозно безразличной, наиболее удаленной от вопросов духовных и потому невинной. Но это время прошло, хотя и не все это заметили. Техника перестала быть нейтральной. Вопрос о технике стал для нас духовным вопросом, вопросом о судьбе человека... Техника... имеет космогоническое значение, она создает совершенно новую действительность... Человеку удалось создать новый мир. Машина не есть механика. В машине присутствует разум человека, в ней действует телеологический принцип. Техника создает атмосферу, насыщенную энергиями, которые были ранее скрыты в глубине природы. И человек не уверен, что он в состоянии будет дышать в этой новой атмосфере... Техника дает в руки человека страшную, небывалую силу, которой может быть истреблено человечество... Уже одна истребительная техника войны, грозящая почти космической катастрофой, ставит духовную проблему техники во всей остроте. Техника есть не только власть человека над природой, но и власть человека над человеком, власть над жизнью людей. Техника может быть обращена на служение дьяволу. Но именно поэтому она не нейтральна... Техника, порожденная духом, материализует жизнь, но она не может способствовать и освобождению духа, освобождению от сращенности с материально-органической жизнью. Она может способствовать и одухотворению.

Техника означает переход всего человеческого существования от организма к организации... Организм рождается, а не творится человеком, он есть порождение природной, космической жизни, в нем целое не слагается из частей, а предшествует частям и определяет их жизнь. Техника отрывает человека от земли, переносит в мировые пространства, дает человеку чувство планетарности земли. Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности. В технический период цивилизации человек перестает жить среди животных и растений, он ввергается в новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теплоты, нет горячей крови. Власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни, душевного тепла, уюта, лирики, печали, всегда связанной с душой, а не с духом. Техника убивает все органическое в жизни и ставит под знак организации все человеческое существование. Неизбежность перехода от организма к организации есть один из источников современного кризиса мира. Не так легко оторваться от органического. Машина с хо-

лодной жестокостью отрывает дух от сращенности с органической плотью, с растительно-животной жизнью. И это прежде всего сказывается в ослаблении чисто душевного элемента в человеческой жизни, в разложении целостных человеческих чувств. Мы вступаем в суровую эпоху духа и техники. Душа, связанная с органической жизнью, оказалась очень хрупкой, она сжимается от жестоких ударов, которые ей наносит машина, она истекает кровью, и иногда кажется, что она умирает... Но дух может противиться этому процессу, может овладеть им, может вступить в новую эпоху победителем. Это есть основная проблема... Никогда принцип технической организации не был господствующим и всеобъемлющим, всегда многое оставалось в состоянии органическом, растительном. Организация, связанная с техникой, есть рационализация жизни. Но человеческая жизнь не может быть окончательно и без остатка рационализирована, всегда остается иррациональный элемент, всегда остается тайна. Универсальный принцип рационализации получает возмездие. Рационализация, не подчиняющаяся высшему духовному началу, порождает иррациональные последствия... Универсальная рационализация, техническая организация... порождает утрату старого смысла жизни, тоску, склонность к самоубийству. Человек увлечен созданной им техникой, но сам он не может превратиться в машину. Человек – организатор жизни, но сам он в глубине своей не может быть предметом организации, в нем самом всегда остается элемент органический, иррациональный, таинственный... Возврат к прежнему, к органическому быту... невозможен. Да и... нежелателен... И остается только духу творчески определить свое отношение к технике и к новой эпохе, овладеть техникой во имя своих целей... Дух может быть организатором, он может владеть техникой для своих духовных целей, но он будет сопротивляться превращению его в орудие организаторского технического процесса. В этом трагедия духа.

...Процесс технизации, механизации и процесс массовой демократизации ведет к перерождению культуры в техническую цивилизацию, вдохновленную материалистическим духом...

Технический и экономический процесс современной цивилизации превращает личность в свое орудие, требует от нее непрерывной активности, использование каждого мгновения жизни для действия... Удушение созерцания есть удушение огромной части культуры, с которой связана ее вершина и цветение, – мистики, метафизики, эстетики...

Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 485 – 499.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА (Проблема социологии и метафизики техники)

I.

...Вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры... Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви. Человек жаждал чуда... И вот техника производит настоящие чудеса... Техника есть дело инженеров. Она дает усовершенствования жизни... Техника умножает блага жизни...

Технику можно понимать в более широком и в более узком смысле. *Techne* – значит и «индустрия» и «искусство». *Techne* – значит «фабриковать, создавать с искусством»... Техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил... Но в [нашем веке] достижения количества заменяют достижения качества, свойственные технику-мастеру старых культур. Шпенглер... определяет технику как борьбу, а не орудие. Но... техника всегда есть средство, орудие, а не цель. Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в... области духа...

Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели. В культуре всегда есть два элемента – элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее. Романтизм есть реакция природно-органического элемента культуры против технического ее элемента... Он восстает против преобладания технической формы над природой. Возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы... Жажда возврата к природе есть воспоминание об утраченном рае, жажда возврата в него... Техническая эпоха требует от человека фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь становится выше человека.

Можно установить три стадии в истории человечества – природно-органическую, культурную в собственном смысле и технически-машинную... Человек культуры все еще жил в природном мире, который не был сотворен человеком, который представлялся сотворенным Богом. Он был связан с землей, с растениями и животными... Люди культуры, как ни далеко они ушли от природной жизни, смотрели еще на небо, на звезды, на бегущие облака. Созерцание красот природы

есть даже по преимуществу продукт культуры. Культуру, государство, быт любили понимать органически, по аналогии с живыми организмами. Процветание культур и государств представлялось как бы растительно-животным процессом. Культура полна была символами, в ней было отражение неба в земных формах, даны были знаки иного мира в этом мире. Техника же чужда символики, она реалистична, она ничего не отображает, она создает новую действительность, в ней все присутствует тут. Она отрывает человека и от природы и от миров иных.

...Организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организация же совсем не рождается и рождает. Она создается активностью человека, она творится, хотя творчество это и не есть высшая форма творчества. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным рождается, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет, развивается. Механизм, созданный организационным процессом, составляется из частей, он не может расти и развиваться, в нем целое не присутствует в частях и не предшествует частям. В организме есть целесообразность, имманентно ему присущая, она вкладывается в него Творцом или природой, она определяется господством целого над частями. В организации есть целесообразность совсем другого рода, она вкладывается в нее организатором извне. Механизм составляется с подчинением его определенной цели, но он не рождается с присущей ему целью. Часы действуют очень целесообразно, но эта целесообразность не в них, а в создавшем и заведшем их человеке. Организованный механизм в своей целесообразности зависит от организатора... Новая природная действительность, перед которой ставит человека современная техника, совсем не есть продукт эволюции, а есть продукт изобретательности и творческой активности самого человека, не процесса органического, а процесса организационного. С этим связан смысл всей технической эпохи. Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные.

И вот трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуется ему. Тайна грехопадения – в восстании твари против Творца... Прометеевский дух человека не в силах овладеть созданной им техникой, справиться с раскованными, небывалыми

энергиями. Мы это видим во всех процессах рационализации в техническую эпоху, когда человек заменяется машиной. Техника заменяет органически-иррациональное организовано-рациональным. Но она порождает новые иррациональные последствия в социальной жизни... Машина совсем не повинуется тому, что требует от нее человек, она диктует свои законы. Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы; машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать... Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие... Организация имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину...

II.

...Действительность, раскрывающаяся в искусстве, носит характер символический, она отображает идейный мир. Техника же создает действительность, лишенную всякой символики, в ней реальность дана тут, непосредственно...

Техника имеет космогоническое значение, через нее создается новый космос... В природе неорганической машин не существует, они существуют лишь в мире социальном. Эти организованные тела появляются не до человека, как тела неорганические, а после человека и через человека. Человеку удалось вызвать к жизни, реализовать новую действительность...

...Техника так же двойственна по своему значению, как все в этом мире. Техника отрывает человека от земли, она наносит удар всякой мистике земли, мистике материнского начала, которая играла такую роль в жизни человеческих обществ... Смысл технической эпохи прежде всего в том, что она заканчивает теллурический период в истории человечества, когда человек определялся землей не в физическом только, но и в метафизическом смысле слова. В этом религиозный смысл техники. Техника дает человеку чувство планетарной земли, совсем иное чувство земли, чем то, которое было свойственно человеку в прежние эпохи...

...Техника обладает страшной силой реализации, и она дает острое ощущение разрушения древнего космоса с землей в центре. Это меняет, революционизирует весь быт современного человека. И результат получается противоречивый и двойственный в отношении к человеку. Человек испугался, когда раскрылась бесконечность пространств и миров, он почувствовал себя потерянным и униженным, не центром вселенной, а ничтожной, бесконечно малой пылинкой. Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров, в которую брошена земля, но она дает человеку и чувство его собственной мощи, возможности овладения бесконечным миром, в ней есть титанизм человека. Человек впервые делается наконец царем и господином земли, а может быть, и мира. Радикально изменяет-

ся отношение к пространству и времени. Прежде человек примыкал к матери-земле, чтобы не быть раздавленным пространством и временем. Теперь он начинает овладевать пространством и временем, он не боится отделиться от земли, он хочет улетать как можно дальше в пространство. Это, конечно, признак возмужалости человека, он уже как будто не нуждается в заботах и охране матери. Это делает борьбу более суровой – обратная сторона того, что техника делает жизнь более удобной. Всегда есть эти две стороны в технике: с одной стороны, она несет с собой удобства, комфорт жизни и действует размягчающе, с другой стороны, она требует большей суровости и бесстрашия.

Старые культуры овладели лишь небольшим пространством и небольшими массами... Это есть аристократический принцип культуры, принцип подбора качеств. Но старая культура бессильна перед огромными количествами, она не имеет соответствующих методов. Техника овладевает огромными пространствами и огромными массами. Все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу в эпоху господства техники... Принцип техники демократический. Техническая эпоха есть эпоха демократии и социализации, в ней все становится коллективным, в ней организуются коллективы, которые в старых культурах жили растительной, органической жизнью... Техника дает человеку чувство страшного могущества, и она есть порождение воли к могуществу и к экспансии... Технизация жизни разрушает красоту старой культуры, старого быта. Массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично-массовым, лишенным образа.

III.

...Машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека, и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. Так, можно сказать, что старая культура была опасна для человеческого тела, она оставляла его в пренебрежении, часто его изнеживала и расслабляла. Машинная, техническая цивилизация опасна прежде всего для души. Сердце с трудом выносит прикосновение холодного металла, но не может жить в металлической среде. Для нашей эпохи характерны процессы разрушения сердца как ядра души... Техника наносит страшные удары гуманизму, гуманистическому мирозерцанию, гуманистическому идеалу человека и культуры. Машина по природе своей антигуманистична... Техника менее опасна для духа, хотя это на первый взгляд может удивить... Мы живем в эпоху техники и духа, не в эпоху душевности. Религиозный смысл современной техники именно в том, что она все ставит под знак духовного вопроса, а потому может привести и к одухотворению. Она требует на-

пряжения духовности.

Техника перестает быть нейтральной, она давно уже не нейтральна, не безразлична для духа и вопросов духа... Техника убийственно действует на душу, но она вместе с тем вызывает сильную реакцию духа... Техника делает человека космиургом. По сравнению с орудиями, которые современная техника дает в руки человека, прежние его орудия кажутся игрушечными. Это особенно видно на технике войны... Во всем техника дает в руки человека страшную силу, которая может стать истребительной. Скоро мирные ученые смогут производить потрясения не только исторического, но и космического характера. Небольшая кучка людей, обладающая секретом технических изобретений, сможет тиранически держать в своей власти все человечество... Но когда человеку дается сила, которой он может управлять миром и может истреблять значительную часть человечества и культуры, тогда все делается зависящим от духовного и нравственного состояния человека, от того, во имя чего он будет употреблять эту силу, какого он духа. Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом, в конце концов религиозным вопросом.

IV.

Власть техники в человеческой жизни влечет за собою очень большое изменение в типе религиозности... Религиозная жизнь делается более личной, более выстраданной, т.е. определяется духовно... Техническая цивилизация по существу своему имперсоналистична, она не знает и не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтобы человек был личностью. И личности необыкновенно трудно удержаться в этой цивилизации. Личность во всем противоположна машине. Она прежде всего есть единство в многообразии и целостность, она из себя полагает свою цель, она не согласна быть превращена в часть, в средство и орудие. Но техническая цивилизация, но технизированное и машинизированное общество хотят, чтобы человек был их частью, их средством и орудием, они все делают, чтобы человек перестал быть единством и целостью, т.е. хотят, чтобы человек перестал быть личностью. И предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, технизированным обществом, борьба человека и машины. Техника всегда безжалостна ко всему живому и существующему. И жалость к живому и существующему должна ограничить власть техники в жизни.

Машинизм... прежде всего извращает иерархию ценностей, и восстановление иерархии ценностей есть ограничение власти машинизма. Эта проблема не может быть решена возвратом к старой душевной структуре и к старой природно-органической действительности... Появляется новый человек, с новой душевной структурой, с новым образом... Машинизм хотел бы заменить в человеке образ и подобие Божие образом и подобием машины. Это не есть создание нового че-

ловека, это есть истребление человека, исчезновение человека, замена его иным существом, с иным, не человеческим уже существованием... Новый человек, который окончательно порвет с вечностью, окончательно прикрепится к новому миру, которым должен овладеть и подчинить себе, перестанет быть человеком, хотя и не сразу это заметит. Происходит дегуманизация человека. Ставится вопрос: быть или не быть человеку, не старому человеку, который должен преодолевать, а просто человеку...

...Не машина, а человек виновен в страшной власти машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился. Проблема должна быть перенесена извне внутрь. Духовное ограничение власти техники и машины над человеческой жизнью есть дело духа, дело самого человека, зависит от напряжения его духовности. Машина может быть великим орудием в руках человека, в его победе над властью стихийной природы, но для этого человек должен быть духовным существом, свободным духом. В мире происходит процесс дегуманизации, дегуманизации во всем. Но в этой дегуманизации повинен сам человек, а не машина. Машинизм есть лишь проекция этой дегуманизации...

...В своей исторической судьбе человек проходит разные стадии, и всегда трагична эта судьба. Вначале человек был рабом природы, и он начал героическую борьбу за свое охранение, независимость и освобождение. Он создал культуру, государства, национальные единства, классы. Но он стал рабом государства, национальности, классов. Ныне вступает он в новый период. Он хочет овладеть иррациональными общественными силами. Он создает организованное общество и развитую технику, делает человека орудием организации жизни и окончательного овладения природой. Но он становится рабом организованного общества и техники, рабом машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек. Но в новых и новых формах ставится проблема освобождения человека, овладения духом природы и общества...

Бердяев Н.А. Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 499 – 523.

ФРОММ Еріх (1900 –1980)

Німецько-американський філософ, етик, соціолог, психолог, психоаналітик, представник і засновник неофрейдизму. У 1933 р. емігрував з фашистської Німеччини до США. Відкинув біологізм Фрейда і переглянув символіку несвідомого. Він змістив акцент з придушення сексуаль-

ності на конфліктні ситуації, які мають соціокультурні причини, ввів поняття «соціальний характер», дослідив тенденцію розвитку західної культури, відзначив її деперсоналізацію, дегуманізацію, відчуження, споживчий характер.

Основні роботи: «Втеча від свободи» (1941), «Людина для себе» (1947), «Забута мова» (1951), «Душа людини» (1964), «Революція надій» (1968), «Мати чи бути» (1976) та ін.

РЕВОЛЮЦІЯ НАДЕЖДЫ

Технотронное общество, возможно, и станет системой будущего...

Каковы руководящие принципы этой системы?...

Она запрограммирована по двум принципам, направляющим усилия и мысли всех занятых в ней. Первый принцип заключается в следующем: нечто должно быть сделано, коль скоро это технологически возможно... Этот принцип отрицает все ценности, развитые гуманистической традицией. Данная традиция гласит, что нечто следует сделать, коль скоро это нужно человеку для того, чтобы он рос, радовался, мыслил, или потому, что это прекрасно, хорошо, истинно. Если однажды принять принцип, по которому нечто должно быть сделано, раз это технически возможно, то все прочие ценности развенчиваются, а технологическое развитие превращается в основу этики.

Второй принцип – максимум производительности и выпуска продукции. Требование максимальной производительности приводит в качестве следствия к требованию минимальной индивидуализации. Считается, что социальная машина работает эффективнее, если индивиды урезаны до чисто количественных единиц, личность которых можно выразить на перфокарте. Такими единицами легче управлять с помощью бюрократических правил, поскольку они не создают ни проблем, ни трений. Чтобы достичь подобного результата, людей надо лишиться индивидуальности и научить идентифицироваться не с самими собой, а с корпорацией.

Фромм Э. Психоанализ и этика. – М., 1993. – С. 242 – 243.

ТОФФЛЕР Олвін (1928 р.)

Американський публіцист, футуролог, соціолог, автор одного із варіантів концепції постіндустріального суспільства, «надіндустріальної цивілізації». Він звертає увагу на прямий взаємозв'язок між розвитком техніки і способом життя, його цінностями: рівень технічного розвитку обумовлює тип суспільства та культури, ця залежність має хвилеподібний характер.

Основні праці: «Футурошок» (1970), «Третя хвиля» (1980), «Раса, влада і культура» (1986) та ін.

ФУТУРОШОК

Происходящее ныне, судя по всему, – нечто более масштабное, глубокое и значительное, чем промышленная революция.

Среди историков и археологов, социологов и экономистов, психологов и представителей других научных дисциплин крепнет убежденность в том, что многие социальные процессы ускоряются, причем стремительно, с головокружительной быстротой.

Процесс образования городов, рост потребления человеком энергии, экономический рост стран и т.п. вызваны техническим прогрессом.

Ускорение внешнее преобразуется в ускорение внутреннее... Для того чтобы избежать шока от столкновения с будущим, человек должен стать несравненно более приспособленным и пластичным, чем когда-либо. Ему предстоит изыскать совершенно новые способы сохранения жизненной устойчивости, потому что прежние его устои – религиозные, национальные, общинные, семейные и профессиональные – трещат ныне под ураганным напором ускоряющегося темпа перемен.

Ускорение темпов жизни рождает ощущение эфемерности. Эфемерность – это новое качество «скоротечности» повседневной жизни, ощущение мимолетности и непостоянства всего, сегодня более глубокое и острое, чем когда-либо раньше.

В прошлом идеалом были прочность и долговечность. Что бы ни создавал человек – пару ботинок или собор, – он направлял всю свою творческую энергию на то, чтобы дело его рук служило максимально долгий срок... Теперь господствует принцип – «использовал – выбросил».

Происходит неизбежная эфемеризация отношений человека с вещами.

С приближением к супериндивидуализму отношения людей друг с другом приобретают все более временный характер. Люди, так же как вещи и места, проходят через нашу жизнь, не задерживаясь, во все убыстряющемся темпе. Чаще всего мы вступаем с окружающими нас людьми в поверхностные, деловые отношения... В сущности, мы распространяем принцип «использовал – выбросил» на человека...

Средняя продолжительность отношений с другими людьми становится короче. Дальнейшая урбанизация – лишь одна из целого ряда сил, толкающих нас в сторону «эфемеризации» наших отношений друг с другом... Другой такой силой является возрастающая географическая мобильность.

Страны, приближающиеся к супериндивидуализму, резко повышают производство «психоэкономической» продукции. Твигги, «бит-

лы», Джон Гленн, Джек Рубин, Эйхеман, Жан-Поль Сартр – тысячи «известных личностей» появляются на подмостках истории. Реальные люди, многократно увеличенные и спроецированные в наше сознание средствами массовой информации, они внедряются в виде живых образов в мозг миллионов людей, никогда не встречавшихся с ними, никогда с ними не говоривших и не видевших их в лицо... Мы вступаем с этими «заместителями» в отношения точь-в-точь так же, как с друзьями, соседями, коллегами.

Точно то же самое можно сказать и о вымышленных персонажах, чьи образы проникают в наше сознание со страниц книг и журналов, с театральной сцены, теле- и киноэкранов. Все эти люди – «заместители», реальные и вымышленные, занимают в нашей жизни важное место, служат для нас образцами поведения, разыгрывают для нас роли и ситуации, позволяя нам делать из этого выводы для нашей собственной жизни. Хотим мы того или не хотим, мы извлекаем из их поступков уроки жизни. Мы учимся на их удачах и ошибках. Они дают нам возможность «примерить» различные роли или жизненные стили, избежав неприятных последствий, к которым могли бы привести подобные эксперименты в реальной жизни. Все ускоряющееся течение через сознание потока «людей-заместителей» у многих реальных людей, которым не удается найти подходящий для себя стиль жизни, приводит к неустойчивости склада индивидуальности, характера, психики... Имеет место не просто коловращение реальных людей и вымышленных персонажей, а все ускоряющееся в нашем мозгу обращение образов и структур образов...

Результатом этой бомбардировки образами является ускоренное отмирание старых представлений, убыстрение интеллектуальной переработки понятий и появление острого ощущения непостоянства самого знания...

Если первый ключ к пониманию нового общества – это идея быстротечности, эфемерности, то вторым таким ключом является новизна. Будущее предстанет перед нами как нескончаемая вереница диковинных происшествий, сенсационных открытий, невероятных конфликтов и сногшибательных новых дилемм... Выпустив на свободу силы новизны, мы толкаем людей в объятия необычайного, непредсказуемого. Тем самым мы поднимаем проблемы адаптации на новый и опасный уровень. Ибо недолговечность и новизна образуют опасную смесь... После того как рост изобилия и дальнейшая эфемеризация безжалостно подрубят под корень исконное стремление владеть собственностью, потребители так же сознательно и страстно начнут коллекционировать ощущения и впечатления, как они раньше собирали вещи...

Третий фактор исторического кризиса адаптации – разнообразие. Автоматизация широко раскрывает двери для бесконечного, поистине ошеломляющего разнообразия... Готов ли человек иметь дело с воз-

росшим выбором доступных ему продуктов материального и культурного производства? Близится время, когда выбор, вместо того чтобы раскрепощать личность, станет настолько сложным, трудным и дорогостоящим, что превратится в свою противоположность. Грядет время, когда выбор обернется избытком выбора, а свобода – отрицанием свободы.

Человек, стремящийся обрести чувство принадлежности, установить с другими людьми социальные связи, отождествить себя с определенной группой, ведет поиски в изменчивой среде, где все объекты, к которым он мог бы присоединиться, находятся в быстром движении. Ему приходится выбирать среди движущихся целей, число которых увеличивается... Все возрастающее число случаев психического расстройства, невроза и просто потери душевного равновесия в нашем обществе красноречиво говорят о том, что многим людям сейчас уже трудно выработать разумный, цельный и достаточно устойчивый личный стиль...

Зачастую кажется, что наше общество трещит по швам... Семья, школа, корпорация, церковь, сверстники, средства массовой информации и мириады субкультур – все они рекламируют весьма отличные друг от друга совокупности ценностей... Мы ищем героев или мини-героев в качестве образца для подражания... Поиски себя, своей индивидуальности вызваны не предполагаемым отсутствием выбора в «массовом обществе», а как раз избытком и сложностью выбора... Однако, когда разнообразие сочетается с эфемерностью и новизной, общество на всех парах устремляется к историческому кризису адаптации.

При всей высокой приспособляемости человека, при всем его героизме и выносливости, он остается биологическим организмом, «биосистемой», способной функционировать, как и все такие системы, только в определенных рамках... Шок от столкновения с будущим – болезнь, порождаемая переменами, – может быть предотвращен. Но для этого необходимо принять решительные социальные и даже политические меры. Как бы ни старались отдельные люди отрегулировать ритм своей жизни, какие бы психологические костыли мы им ни предлагали, как бы мы ни преобразовывали систему образования, общество в целом по-прежнему будет напоминать собой бешено крутящуюся карусель, поскольку мы не возьмем под контроль сам процесс стремительного ускорения потока перемен...

Речь идет не об остановке технического прогресса с помощью стоп-крана. Проблемы техники нельзя решать исключительно в рамках техники... Нельзя же позволить, чтобы техника творила с обществом все, что хочет...

Урбанизация, этнический конфликт, миграция, рост населения, преступность – можно назвать тысячу других областей, в которых на-

ши усилия обуздать стихию перемен выглядят все более неудачными... Результаты социальной политики становятся случайными и трудно предсказуемыми. В этом и заключается политический смысл столкновения с будущим...

Сегодня, когда со всех сторон поступают все новые доказательства того, что общество вышло из-под контроля, доверие к науке падает. Как следствие этого мы видим бурное возрождение мистицизма. Вокруг началось повальное увлечение астрологией.

В моду вошли дзен-буддизм, йога, спиритические сеансы и колдовство. Создаются культы вокруг поисков дионисийских радостей, способов внеязыковой и даже внепространственной коммуникации. Нас уверяют, что «чувствовать» важнее, чем «мыслить», как будто между тем и другим существует противоречие. Экзистенциалистские оракулы, присоединяясь к хору католических мистиков, психоаналитиков школы Юнга и индуистских «учителей» гуру, прославляют мистическое и эмоциональное в противовес научному и рациональному...

Хотим ли мы предотвратить столкновение с будущим, или поставить под контроль рост народонаселения, покончить с загрязнением окружающей среды или прекратить гонку вооружения – ни в одном из этих случаев мы не можем допустить, чтобы решения глобальной важности принимались непродуктивно, небрежно, беспланово. Оставаться безучастными ко всему этому – значит совершать коллективное самоубийство.

(Существуют различные названия книги на русском языке: "Столкновение с будущим", "Шок от будущего", "Футурошок").

Тоффлер О. Столкновение с будущим // Иностранная литература 1972. – № 3. – С. 132 – 136.

МАНХЕЙМ (МАНГЕЙМ) Карл (1893 – 1947)

Німецький філософ, соціолог культури. У 1933 році емігрував до Великобританії. Досліджував проблеми молоді, виховання, освіти, зміни поколінь та їх світоглядів, динаміку культури, духовне життя масового суспільства, проблему інтерпретації «духовних утворень», теорії та знання в руслі філософії культури.

Основні праці: «Діагноз нашого часу» (1941), «Ідеологія і утопія» (1929), «Проблема інтелігенції. Демократизація культури» (1993), «Essays on Sociology of Culture» (1956) та ін.

ДИАГНОЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

...Проблема молодежи в современном обществе имеет два аспекта, которые можно сформулировать следующим образом: что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь.

Здесь я попытаюсь дать ответ только на первый вопрос: в чем значение молодежи в обществе, какой вклад может она внести в жизнь общества...

...В рамках общества мы не можем формулировать потребности молодежи абстрактно, мы должны делать это с учетом нужд и потребностей данного общества...

Социологическая функция молодежи в обществе

Первая проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в следующем: стабильно ли значение молодежи в обществе? Очевидно, нет. Существуют общества, где пожилые люди пользуются большим уважением, чем молодые. Так было, например, в Древнем Китае. В других же обществах, как, например, в США, человек после сорока лет считается слишком старым для работы и требуется только молодежь. Общества различаются не только по престижу молодых людей, но и в зависимости от того, объединена ли молодежь в группы или движения, которые влияют на ход событий. Перед первой мировой войной в Германии возникло стихийное молодежное движение, которое не поддерживалось и не поощрялось официальными группами и институтами, управляющими страной. В Англии тогда не было подобной организации молодежи, в то время как во Франции она была, но в меньшем масштабе. В России, нацистской Германии, фашистской Италии и Японии сегодня существуют созданные государством монополистические организации молодежи, носящие милитаристские черты. Ни в Англии, ни в каких других демократических странах нет ничего подобного. Проблема состоит в том, что хотя всегда есть новое поколение и молодежные возрастные группы, тем не менее вопрос их использования зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества. Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность. Наилучшее подтверждение этого тезиса мы имеем в сегодняшней ситуации военного времени, когда выживание каждой страны определяется мобилизацией ее скрытых ресурсов. Победа зависит от использования каждого безработного, от применения женского труда в промышленности и получения прибыли от капитала... В так называемых нормальных условиях этот резерв является скрытым, в случае же внезапного кризиса или при необходимости перестройки основных позиций выживание организма зависит от способности бы-

строй и правильной мобилизации этих скрытых ресурсов.

Нетрудно угадать, в каких обществах наибольший престиж имеют пожилые люди, а обновляющие силы молодежи не объединены в движение и остаются лишь скрытым резервом. Я полагаю, что статичные общества, которые развиваются постепенно и при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Они сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи. Образование в таких обществах сосредоточено на передаче традиции, а методами обучения являются воспроизведение и повторение. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными духовными резервами молодежи, поскольку не намерено нарушать существующие традиции.

В противоположность таким статичным, медленно меняющимся обществам динамические общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью. Они организуют и используют свои жизненные ресурсы, нарушая установившийся ход социального развития. В этом отношении разница существует только между обществами, добивающимися изменений с помощью реформ и революций. И в том, и в другом случае это должна быть молодежь. Пожилое и среднее поколение может только предсказать характер грядущих изменений, творческое воображение этих поколений можно использовать для формирования новой политики, однако новой жизнью будет жить только молодое поколение. Оно будет воплощать в жизнь те ценности, которые старшее поколение признает лишь теоретически. Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на первый план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам.

...Консервативные и реакционные движения также могут организовать и увлечь молодежь. Если мы утверждаем, что молодежь – оживляющий посредник в социальной жизни, то целесообразно было бы указать на те ее элементы, которые, будучи мобилизованы и интегрированы, помогут обществу начать сначала.

С нашей точки зрения, одним из таких элементов помимо духа авантюризма, которым молодежь обладает в большей степени, является тот факт, что она еще не полностью включена в *status quo* социального порядка. Современная психология и социология молодежи учат, что ключ к пониманию менталитета современной молодежи надо искать не только в развитии. В конце концов этот параметр универсален и не ограничен ни местом, ни временем. С нашей точки зрения, решающим фактором, определяющим возраст половой зрелости, является то, что в этом возрасте молодежь вступает в общественную

жизнь и в современном обществе впервые сталкивается с хаосом антагонистических оценок. Доказано, что примитивные общества не знали интеллектуальных конфликтов молодежи, поскольку там не было существенных расхождений между нормами поведения в семье и в обществе в целом. Более конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство – естественный результат ее неопытности. Для нашего анализа важно не столько конфликтное самосознание молодежи, сколько тот факт, что молодежь смотрит на конфликты современного общества как бы извне. Именно поэтому она является зачинателем любых изменений в обществе.

Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию. До наступления половой зрелости ребенок живет в семье и его взгляды формируются в соответствии с эмоциональной и интеллектуальной традицией семьи. В период юношества он вступает в первые контакты с соседским окружением, обществом и некоторыми сферами общественной жизни. Подросток находится, таким образом, не только биологически на стадии брожения, созревая, но и социологически попадает в новый мир, обычаи, привычки и система ценностей которого отличаются от того, что он знал раньше. То, что для него вызывающе ново, воспринимается взрослыми как нечто привычное и само собой разумеющееся. Такое проникновение в общество извне заставляет молодежь симпатизировать динамичным социальным движениям, которые выражают недовольство существующим положением вещей по совершенно иным причинам. У молодежи еще нет закрепленных законом интересов, ни экономических, ни ценностных, имеющих у большинства взрослых людей. Этим объясняется тот факт, что в юности многие действуют как ревностные революционеры или реформаторы, а позднее, получив постоянную работу и обзаведясь семьей, переходят в оборону и выступают за сохранение *status quo*. На языке социологии быть молодым означает стоять на краю общества, быть во многих отношениях аутсайдером. И действительно, отличительной чертой старшеклассников и молодых студентов является отсутствие закрепленной законом заинтересованности в существующем порядке – они еще не сделали своего вклада в экономическую и психологическую структуру. С моей точки зрения, эта позиция аутайдера – гораздо более важный фактор, определяющий открытость и склонность к изменениям, чем биологическое созревание. Кроме того, она совпадает с позицией других групп и индивидов, по другим причинам оказавшихся на краю общества, таких, как угнетенные классы, люди свободных профессий – поэты, артисты и т.д. Эта позиция аутайдера представляет собой, конечно, лишь возможность, которую правящие круги могут подавить либо мобилизовать и интегрировать в движение.

Подытожим результаты нашего исследования: молодежь – важная часть скрытых резервов, присутствующих в каждом обществе. Социальная структура определяет, будут ли эти резервы и какие из них мобилизованы и интегрированы в функцию. Подросток – эта та общественная сила, которая может осуществить различные начинания, потому что он не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и не обладает закрепленными законом интересами ни экономического, ни духовного характера. И наконец, статичные и медленно изменяющиеся традиционные общества обходятся без мобилизации и интеграции этих ресурсов, даже скорее подавляют их, в то время как динамичные общества рано или поздно должны активизировать и даже организовать их.

Основные выводы

...Скрытые силы нации могут быть мобилизованы, только если они интегрированы. В статичном обществе наступление зрелости может проходить незаметно; молодежь вовсе не должна достигать настоящей интеграции с помощью объединяющей цели и на нее не возлагается определенная историческая функция в обществе. Динамичное же общество не может обойтись без одухотворения своих стремлений. И если молодежь, которая будет жить при новом порядке и распространять его идеи, не будет по-настоящему захвачена ими, то социальная реконструкция будет всего лишь набором новых правил, не рассчитанных на понимание их людьми. Если молодежь действительно должна стать проводником новой идеи, то необходима национальная молодежная политика...

...Молодежное движение, понимание того, что молодежь должна быть одним из важнейших факторов строительства нового мира, выражают динамичный характер современного общества, мобилизующего все свои ресурсы на служение новому общественному идеалу...

Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 441 – 456.

ФЕЙБЛМАН Джеймс Керн (1904 р.)

Американський філософ культури. Розглядає культуру як систему цінностей і прикладну онтологію. В праці «Теорія людської культури» виділяє сім основних типів культури: допервісний, первісний, воєнний, релігійний, цивілізаційний, науковий і постнауковий.

Основні культурологічні ідеї викладені в праці «Теорія людської культури» (1946).

ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Типы культуры

А. Существование культурных типов

...Влияние культуры на индивида имеет большее значение, чем другие факторы, такие, как раса, социальное наследие и т.п., которые столь высоко оценивались в традиционной этнологии...

...Человеческий индивид купається в атмосфере культуры. Это не означает, что влияние культуры на человека абсолютно; вовсе нет. Культура может накладывать отпечаток на все, что есть человек, и на все, что он совершает, будучи включенным в культуру, но при этом существуют ничтожные индивидуальные отличия, остающиеся неучитенными культурой. Безусловно, эти отличия можно объяснить, но не с позиции культуры, а с помощью внекультурных факторов. Эти факторы находятся вне сферы культуры и сводятся главным образом к двум: к случайности и к тому, что мы будем называть сверхкультурной ценностью.

То, что происходит с индивидом, а также с культурой, в которой он живет и действует, во многом, хотя никогда полностью, не является делом случая. Случай не подвластен закону, и все текущие события отчасти и случайны и закономерны. Когда индивид вступает во взаимодействие с окружением, он подчиняется законам эмпирических уровней, не последним из которых является социальный закон. Но подчиняется он и чистой случайности происходящего. Что бы ни происходило, происходит; и несмотря на то что всегда есть закон, именно случай определяет, какой закон сработает и какое сочетание конкретных случайных исключений повлияет на его реализацию. Так, пока закон не отменен, его полная власть означает, что нет необходимости в том, чтобы что-либо происходило, поскольку ничто не совершенно. Но, кроме этой недостижимой цели, должен продолжать существовать мир событий, в котором случай действует наравне с законом. Удача, судьба, благоприятная возможность, случайность, риск, приключение, неожиданность, произвольные события, непредвиденные обстоятельства – все это действительно существует, и человек подчиняется этому вне зависимости от того, что им руководят безжалостные крайности культуры, в рамках которой он оказывается рабочей единицей.

Случай является спутником закона или причины. Результат его действия мы называем случайным; таким образом, в каждом событии участвуют и случай и причина. Возможно, лучше всего показать на примере, что источником случайности всегда становится уровень более низкий, чем тот, на котором действует закон. Так, к примеру, социальная жизнь индивида может быть существенно разрушена вторжением в его организм болезнетворных микробов. Грубо говоря, это

аналитический случай, поскольку происходит на биологическом уровне, являющемся аналитическим элементом человека, представляющего в свою очередь часть социального целого. Но для самого индивида это событие является случайным; он его не планировал, он не мог его предвидеть и он его не желал, но тем не менее с ним это произошло. Конечно, совершенно верно, что болезнетворные микробы, поразившие его, подчинялись биологическим законам, управляющим микробами; но с точки зрения заболевшего человека, это было случайностью: это могло бы произойти и с другим человеком или с другим организмом, например с лошадью – однако это случилось именно с ним. Таким образом, то, что происходит, подчиняясь закону более низкого уровня, может быть случайностью для находящегося на более высоком уровне.

В культуре иерархия уровней означает возможность превращения одного социального явления в случайное событие для другого. Более низкий уровень может поставлять более высокому случайные события. Тогда самый низкий из всех культурных уровней должен выступать по отношению к более высоким случайностью...

На любое социальное явление влияют «случайности» экономики. Именно это так верно подметил Карл Маркс, но, к несчастью, придал этому слишком большое значение, в результате чего уверовал, что экономический уровень является скорее причиной, чем случайностью для всех других уровней. Несмотря на важность экономики как одного из факторов случайности в социальных событиях, закон отражения того, что происходит на различных уровнях, гарантирует, что любой из уровней может инициировать процесс отражения, которое далее должно распространиться так, что его последствия будут ощущаться на всех уровнях. Кроме того, экономика, будучи одним из самых низших из неустойчивых уровней, является наиболее распространенным инициатором процесса отражения и поэтому чаще других воздействует на все элементы культуры. Другими словами, она является одним из самых низких уровней, и именно она чаще всего поставляет случайности для других уровней культуры.

Отмечалось, что существуют два фактора, находящихся вне культуры и, тем не менее, воздействующих на индивида; один из них – случай, а другой – сверхкультурные ценности. Последнему фактору мы можем посвятить несколько слов. Этические и эстетические ценности в любой культуре или системе культур имеются еще до того, как они актуализируются; фактически их существование независимо от любых соображений. Стремление индивида к добру и красоте или даже его своеобразные усилия достигнуть их является сверхкультурным в том смысле, что преследуемые идеалы не специфически, а общи. Этическое добро не конкретно, оно есть лишь то, что Плотин называл Добром, воплощенным в конкретных добродетелях. Так же с эстети-

кой; красота – это не свойство, присущее конкретному предмету, а некая абстрактная идея. Эти абсолютные идеальные ценности находятся вне любых культурных соображений, но воплощены в культурах и поэтому достигаются индивидами в рамках культур. Они являются сверхкультурными ценностями, которые, однако, претворяются в жизнь индивидами, которые в свою очередь в то же время включены в определенные культуры. Ценности, отмеченные здесь, не становятся менее значимыми от того, что их невозможно выразить или описать; несомненно они имеют очень большой вес. Но так как они никогда не претерпевают изменений, они никогда не стремятся стать и не становятся центром внимания.

Ранее мы отмечали, что мораль занимает второе место в иерархии элементов культуры и что она является основной частью подразумеваемой доминирующей онтологии. Но в этом смысле мораль больше является моралью Права, чем моралью Добра. Право, конечно, нацелено на Добро и исходит из него. Также очевидно, что социальные группы и культуры обладают определенной добродетелью...

...Культура, в рамках которой существует индивид, позволяет ему быть не только человеком, но также в конечном счете быть вообще; и таким образом культура, по крайней мере косвенно, ответственна за воздействия сверхкультуры.

...Культура – это социальное выражение подразумеваемой доминирующей онтологии; личность – это выражение определенной культуры, так же как и носитель, в миниатюре, определенной онтологии. Выражение «типы культуры» всегда было эквивалентно тем культурным типам, которые возникали в результате классификации людей по внешним физическим особенностям, таким, как, к примеру, расовая принадлежность и форма черепов, белых или черных. Но культурный тип не может определяться цветом кожи или формой черепа, поскольку не это является показателем чего-либо более существенного. Культурные типы – это культурные типы. Как мы уже отмечали, культуры сами по себе всецело зависимы от доминирующих онтологий, и мы укажем на влияние онтологии на культуру, так же как видели, что она есть в душах индивидов как элементов культуры. Представляется возможным выделить пять особых типов культуры и предположить существование еще двух. Эти типы мы условимся называть допервобытный, первобытный, военный, религиозный, цивилизационный, научный и постнаучный. Этот перечень не является исчерпывающим, но включает в себя основные типы культуры, известные на сей день. Безусловно, впоследствии будут обнаружены и другие типы культуры: во-первых, интенсивные исследования истории человеческого рода выявят пока сокрытые от нас типы и, во-вторых, человечество, развиваясь, будет создавать все новые типы культуры. Но здесь мы рассмотрим именно перечисленные выше культурные типы.

Из этих семи типов культуры, первые четыре известны как «ранние», а последние три как «развитые». Термины «ранние» и «развитые» использованы просто для наглядности и не подразумевают, что такое распределение культурных типов с необходимостью должно соответствовать исторической хронологии. Хронологически культуры сменяют одна другую в соответствии с определенной диалектической моделью, которая, по крайней мере частично, отличается от исторического потока жизни. Но типы культуры являются логическими системами действительных ценностей и, по-видимому, могут встречаться в любой последовательности...

Б. Четыре ранних типа культуры

Четырьмя ранними типами культуры, которые будут рассмотрены здесь, являются: 1) допервобытный, 2) первобытный, 3) военный и 4) религиозный.

(1) Допервобытный тип культуры

Одно время бытовало мнение, что существуют лишь два типа культуры, а именно: первобытный и цивилизованный. Предполагалось, что все первобытные люди находились на одном уровне культурного развития, а также и то, что все цивилизованные народы более или менее «цивилизованы» и поэтому в равной степени «развиты». Но это очень далеко от истины. Так называемые первобытные культуры существуют на многих культурных ступенях, и то же самое можно сказать и о цивилизованных культурах...

Безусловно, существует множество ступеней первобытной культуры. Современный австралийский бушмен продвинулся вперед в своем культурном развитии намного меньше, чем таитяне, открытые капитаном Куком, а жители Соломоновых островов намного ниже по своему культурному развитию, чем представители некоторых племен Центральной Африки. Аналогичные различия возможно заметить и в людях допервобытного типа культуры; вероятно, наскальные художники Южной Испании и Франции оставили далеко позади обладателей более ранних черепов. Мустьерский человек, ориньякский человек, мадленский человек и человек солютре, должно быть, имели какие-то формы социальной организации и элементарные культуры, которые они умудрялись сохранять, несмотря на ледниковый период. И культура периода неолита, которая является свидетельством начала пока еще незначительных изменений человеком части своей непосредственной окружающей среды, была намного выше культуры палеолита. Обладатель тринильского черепа, должно быть, принадлежал к более низкой ступени культуры, чем обладатель пилтдоунского черепа. Очевидно, что термин «допервобытная культура» относится к целому ряду культурных ступеней, предшествовавших первобытной культуре. Мы можем рискнуть предположить, что допервобытный человек не вел оседлого образа жизни; мы можем также предположить, что он

паразитировал на лошади, используя это животное двойко: употребляя в пищу его мясо и передвигаясь верхом на нем с места на место; мы можем предположить и то, что изменения, происшедшие с лошадью со времени, когда на нее охотились, и до того момента, как она превратилась в домашнее животное, не особенно повлияли на социальную природу человека, первые мысли которого сводились лишь к собственному выживанию. Мы можем это предположить, но как все было в действительности мы не знаем. Люди допервобытной культуры расселялись в различных местах Земли, а сам период был длителен и мало ясен для современного человека.

Основной вопрос допервобытной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, вероятно, звучал следующим образом: «Насколько нужен лично ты для того, чтобы мы все выжили?» Идеальным индивидом становится наиболее умелый в непосредственных делах добывания пропитания, отражения нападений и уничтожения врагов (будь то животные или люди), нахождения крова и размножения. Положение человека в допервобытной культуре определялось очень просто и грубо властью индивида, превосходящего других членов социальной группы, властью, которая в сущности полностью опиралась на физическую силу. Поэтому в рамках каждой социальной группы допервобытной культуры вождем мог стать только один выдающийся индивид.

Физический и биологический уровни окружающей среды, следовательно, оказывали невероятно большое влияние на допервобытную культуру. Взаимодействия почти не было, поскольку допервобытный человек, по всей вероятности, почти совсем не изменял свою непосредственную окружающую среду; он принимал ее такой, какой она была, и искал поддержки своего рискованного существования у нее; и после его ухода она практически не изменилась. Язык, должно быть, ограничивался небольшим количеством слов-наименований предметов, и диалога культур не было; повсюду был распространен допервобытный тип культуры. Мы знаем, что в среднекаменном веке были обычаи хоронить умерших, характер которых свидетельствовал о существовании определенного рода представлений о смерти и загробной жизни. Люди, обладавшие искусством, хотя и грубым, верившие в то, что ими руководят божественные существа, которые предписывают исполнять определенные обряды захоронения, вряд ли могли обходиться без онтологии. Ее отрицали из-за недостаточного количества сведений; однако само существование жизни на ступени «человек», на которой уже начинают появляться обычаи и элементарные общественные организации, также свидетельствует и о начале онтологии. Размышления о Создателе и о жизни после смерти свидетельствуют о процессе, который также обязательно должен включать в себя удивление; и человек должен был задаваться, хотя и робко, хотя и изред-

ка, вопросом: «Что все это значит?».

Сейчас мы не можем надеяться угадать, какой была эта онтология, и достигнем очень немногo, рассуждая, какой она могла бы быть. Мир «полон различных вещей», и предполагать, что одна из них должна была существовать, не означает, что мы можем подробно описать это. Однако здесь нужно сделать предостережение. Внешняя простота может ввести в заблуждение, и научное исследование почти всегда показывает, что кажущееся простым на самом деле было в высшей степени сложным и запутанным...

Допервобытная культура представляла собой все еще перманентную, непрекращающуюся борьбу за простое выживание, результаты которой вовсе не были ясны, и поэтому, чтобы одержать победу в этой борьбе, практически все время каждого представителя данной культуры всецело отдавалось ей.

(2) Первобытный тип культуры

На стадии первобытной культуры мы встречаемся с первым типом высокоорганизованных обществ. Первобытные культуры могут не включать в себя многого из того, что включают в себя другие типы обществ, как, к примеру, религиозные, но их структура намного сложнее, чем ранее предполагалось. Тем не менее организация предельно жесткая. Первобытная культура представляет собой ступень, для которой характерны язык имитации, анимизм, экзогамия и мифологемность... В первобытной культуре, как и в любой другой, есть место, оставленное без внимания для исключительного индивида. Возможно, мы сможем лучше всего показать онтологию первобытной культуры и то влияние, которое общество, как целое, оказывает на индивида, рассмотрев, к чему в основном стремится человек, включенный в данную культуру.

Основной вопрос первобытной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит следующим образом: «Насколько ты вовлечен в сообщество?» Характерной чертой образцового индивида является не отклонение от принятых норм, а скорее, наоборот, тщательное их соблюдение и аккуратное следование традиционному образу жизни. Жизнь в сообществе настолько жестко и высоко организована, что любой человек, который пренебрегает ею или отворачивается от нее, который хочет изменить установленный порядок обычаев и институтов *ipso facto* (фактически), перестает быть членом этого общества. Он изгоняется и больше не может принимать участия в жизни своего сообщества; должен либо покинуть его, либо погибнуть от наказания. В момент несоблюдения им обычаев или законов сообщества и даже после этого никто не считает его выродком. На него просто смотрят как на неспособного выполнить обязанности, которые возлагались на индивидов невероятно сложным сводом установлений, входящих в характеристику первобытных культур. Любой считающий

парадоксальным утверждение, что индивид в анимистическом обществе является более индивидом, когда он максимально социализирован, должно быть, руководствуется довлеющими над ним стандартами его собственной культуры, что ведет к непониманию первобытной ситуации. Не следует полагать, что великие сообщества не являются выдающимся личным триумфом человека. Очень немногие вообще могут достигнуть этого, даже среди первобытных, большинство из которых были поборниками чести. Когда общество предъявляет слишком высокие требования к индивиду, как это, безусловно, было в лучших первобытных культурах, найдутся очень немногие, которые в состоянии выполнять все то, что от них ожидается. Те, кто с этим справляется, являются поистине выдающимися индивидами и, как правило, отличаются тем, что в обществе их уважают и поощряют всевозможными почестями и наградами.

Было бы естественным предположить, что, по мере продвижения к более высоким уровням культуры, будет также увеличиваться отмеченная степень влияния на окружающую среду. И это действительно так. Культуры, находящиеся на низших уровнях, такие, как допервобытная и первобытная, более, чем культуры высших уровней, зависят от непосредственного физического и биологического окружения (а проще, от природы), в котором им приходится существовать. Высокие уровни культуры, такие, как цивилизационный и научный, испытывают большее влияние от контактов с другими культурами, чем первобытные общества. Это остается справедливым даже несмотря на то, что все типы культуры в определенной мере испытывают на себе воздействие всех уровней окружающей среды: физического, химического, биологического, психологического и социального.

Первобытный тип культуры испытывает на себе сильное воздействие физического и биологического уровней окружающей среды. Этнологи часто отмечают, что первобытные народы по своей способности приспосабливаться к экстремальным природным условиям похожи на высших животных. Негры Золотого Берега и эскимосы в этом отношении могут служить примером слияния первобытных людей с природой до такой степени, что вне ее их существование немыслимо. Экстремальные условия физической окружающей среды служат поводом к экстремальным видам физиологического приспособления. Правители империи инков осознали необходимость двух армий: одной для военных действий в Андах и другой – у моря. И исследователи обнаружили, что люди не хуже горных баранов в состоянии приспособиться. Вопрос о пропитании дает такой же ответ. Человек ест то, что он может добыть; цивилизованный человек может привезти себе издалека ту еду, к которой он привык, но первобытный человек, как правило, зависим от того, что он может добыть прямо здесь и сейчас. Когда бы то ни было и где бы то ни было, он ел все, что было съедобно.

В первобытном обществе экономика и производство общинные. Существует разделение труда для общих нужд всего сообщества.

На психологическом и социологическом уровнях обнаруживается, что соприкосновение с культурой более высокого уровня означает для культуры более низкого уровня в той или иной форме вырождение, дезинтеграцию или вымирание. Проблема столкновения с большим, чем предполагалось, и большим, чем можно успешно преодолеть, означает для первобытных культур не только невозможность продвижения вперед, но также и невозможность сохранения того, что уже достигнуто. Контакт с более высокой культурой является для первобытной культуры вызовом, который она вряд ли готова принять. На первобытном уровне язык достиг имитационной ступени. Слова часто по своему звучанию схожи с тем, что они предположительно представляют. Появляется элементарный синтаксис, за очевидными намерениями говорящего начинает просматриваться смысл.

Среди институтов первобытной культуры ведущее место занимают кровнородственные группы, которые являются более сложной формой семьи: эти семьи более крупные и заселяют большую территорию. Институт магии является той лженаукой, в основе которой лежит метод аналогии. Формальное обучение ограничивается выучиванием плясок. Если в культурах более высокого уровня медицина основывается на знании биологии, то в первобытной культуре в основе медицины лежит религия. Тотемизм и экзогамия часто сопровождают решение политических проблем кровнородственных групп. Сельское хозяйство, возможно, сводится к скотоводству и ручному земледелию, пашенное земледелие и фермерство еще не известны. Политика проводится советом старейшин и их правлением. Важное место занимают декоративные искусства, так же как и религия. Тем не менее на стадии первобытной культуры существуют лишь немногие институты и они еще не до конца оформились.

Религия подпитывается анимизмом и сохраняет божества допервобытной культуры, являющиеся персонификацией сил природы: Солнце, которое каждый день рождается и умирает; бледноликая женщина-луна; мстительный шторм и тому подобное. На стадии первобытной культуры боги и люди взаимодействуют; человек беспомощен в руках игривых богов. Сами боги создают природные мифы. Но первобытная культура добавляет божеств, помогающих людям выжить, и «культурных богов» к природным божествам. Среди богов появляются Кефаль, Гефест и им подобные. Первобытный анимизм являл собой не что иное, как простое усовершенствование и развитие этих божеств: полубоги и сверхприродные существа лесов, равнин и гор и долин, фавны и сатиры, и нимфы неукротенного мира. Всем правят если не законы, то по крайней мере явления высшего порядка, которые тем не менее являются не волшебством, а вполне обычным

делом: они представляют собой некий существующий порядок. Это сравнительно простой порядок вещей, который правит всем, но в то же время неуловимый и обладающий определенными постоянными свойствами.

(3) Военный тип культуры

Первое значительное продвижение вперед по сравнению с первобытной культурой отмечается военным типом культуры. Во многих отношениях военная культура ознаменовала закат первобытного типа культуры, но в области социальной организации она несла с собой прогресс. Так как некоторые характеристики военного типа культуры являются составной частью более сложных типов, будет неплохо рассмотреть их.

Военная, или материалистическая, культура начинается с безусловного принятия номиналистического постулата, гласящего, что реально, объективно существуют лишь отдельные предметы. Вот почему военная культура проявляется в первую очередь в двух видах деятельности: торговой и военной. Торговля руководствуется получением максимума возможного: единичных физических предметов; и в войне руководствуются теми же целями: завоевать торговые пути и расширить границы. Следовательно, военная культура является хищнической, грабительской, жадной, алчной культурой. Теперь уже существует письменный язык; других серьезных изменений в этой области нет. Совершаются технические открытия; организуются большие библиотеки; и архитектура становится доминирующим видом искусства.

Основной вопрос военной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит следующим образом: «Хорошо ли ты повинешься?» Здесь от идеальной личности требуется буквально отступить от своих друзей и откровенно стать лидером. Имеется подавляющая власть меньшинства и овечья покорность большинства. Организация в военных культурах существует, но она не столь высока, как можно было бы ожидать, потому что цели у них проще, а амбиции намного ниже, чем в других культурах. От человека требуется отодвинуть все какие бы то ни было личные переживания во имя великих интересов достижения общей цели. Так героизм и самопожертвование на войне становятся высоко почитаемыми добродетелями, а все остальное в данной культуре воспринимается как подчиненное этой упорной цели. Мужчины существуют для войны, а женщины – для воспроизводства воинов, все остальное глупость; именно это провозглашал Ницше, объясняя мировоззрение военных. В рамках данной культуры имеет место скорее военное формирование, а не социальная организация. Внешние отличия здесь, возможно, не усматриваются, но по сути это разные вещи. Когда в рамках любых иных культур человеку говорят: «Делай свою работу. Выполняй свои обязанности или иди с миром», – в рамках военной культуры человеку говорят:

предназначению и прекрати бояться».

Влияние физической и биологической составляющих непосредственной окружающей среды на военный тип культуры невероятно велико. Но нам следует рассмотреть результат, получаемый культурой от приспособления непосредственной природной среды под свои нужды, и те незначительные изменения, которые являются следствием этого приспособления. Победоносные ассирийские войска были первыми в мире, полностью экипированными железным оружием. Военные люди обрекали себя на суровое существование даже тогда, когда им не приходилось переносить все невзгоды от походов в пустынях или в горах. Резко отличаясь от правящего меньшинства, большинство воинов жило очень скромно, практически мало заботясь о физическом комфорте, изысканной еде или мягкой и удобной одежде. Спартанцы считали жизнь в суровых условиях природного физического окружения своего рода школой. Они практически ничего не делали для того, чтобы избежать природных трудностей. У человека военной культуры знаний достаточно лишь для того, чтобы одеться в сталь, защититься от дождя. Экономика общества военного типа культуры основывается на рабстве. Один класс работает на другой, но при этом почти ничего не получает за свою работу.

В психологическом и социальном отношениях контакты с другими культурами имели очень незначительное влияние на военный тип культуры. С другими культурами они поступали просто: все, что они не могли забрать или увезти с собой, уничтожали. Как мы видели ранее, многие добродетели общества содержатся не в материальных предметах, а в идеях и чувствах: это ценности и принципы, которые можно ощущать и осознавать, но нельзя потрогать, попробовать или понюхать. На военную культуру, как правило, оказывает влияние лишь самое худшее, оставшееся от культур, в контакт с которыми она вступает, так как все остальное разрушается и уничтожается. Но военная культура достаточно хрупка; она живет за счет меча и должна погибнуть от меча. Ассирийская Ниневия, атакованная со всех сторон халдеями и медийцами, в течение двух лет оказывала сопротивление осаде, но в конечном итоге пала. Военные культуры не затухают медленно; они резко прекращают свое существование, и конец их обычно насильственный. Безусловно, нет исторической необходимости в такого рода кончине; это означает лишь, что природа существования военного типа культуры относится к тем, которые зависят от шаткого и опасного равновесия крайних сил и которые не могут оказать сопротивления даже малейшему вызову. Военная культура в конце концов оказывается побежденной тем, против чего она воевала.

Военизированная политическая организация присваивает себе ведущее место среди институтов военного культурного типа. Экономика также занимает необычайно высокое положение. Обучение в основном сводится к выработке выносливости, слава о которой

ном сводится к выработке выносливости, слава о которой передается сквозь века и известна как «спартанская добродетель». В сельском хозяйстве уже известно фермерство, хотя все еще применяется ручное земледелие. Могли быть очень важны объединения для проведения досуга отдельно женщин и мужчин. Декоративные искусства находятся в полном упадке. Религия существует, но она зависима от политики и военных действий. Начали совершенствоваться транспорт и коммуникации, снижается значение семьи. Экономика делает большой шаг вперед на стадии военного типа культуры. Появляются институты, но их очень немного и они достаточно просты.

Характерной чертой религии военного типа культуры является поклонение не природным божествам или божествам, помогающим в борьбе за существование, не богу грома или богу урожая, а скорее богам войны. В основе деятельности идея простого выживания сменяется идеей обладания вещами ради них самих, поскольку, к примеру, они могут доставлять приятные ощущения. Из богов почитаются Мардук и Марс, потому что несут собой успокоение; к ним обращаются с мольбами: молятся, чтобы боги даровали бесстрашие воинам и были благосклонны. Если войско возвращается с победой, храмы богов расширяются, отстраиваются и богатеют.

(4) Религиозный тип культуры

...Религиозная культура сильно отличается от военной и в некотором смысле является просто реакцией на нее. Религиозная культура отвергает конкретные действенные изыскания, поскольку ее идеал – пассивность и неопределенность.

Религиозная культура начинается с откровенного принятия постулата крайнего реализма, гласящего, что только универсалии обладают объективным существованием. Согласно этому постулату, фактически существующие физические предметы нереальны, вводят в заблуждение и, конечно, с точки зрения религиозной культуры в определенном смысле порочны. К слову сказать, наличие порока является великой проблемой для религиозной культуры. Поэтому религиозная культура обращается только к единственному средству: к молитве. Все остальное подчинено поклонению Богу, и жизнь в этом мире отрицается во имя другой жизни, после смерти. Инструментами культуры, например языком, овладевают, чтобы достичь максимума эффективности их использования.

Основной вопрос религиозной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит так: «Насколько ты набожен?» Идеальной является наиболее богопослушная личность. В этом типе культуры присутствуют как строгая регламентация жизни, так и сильная организация. Общей целью выступает отказ от какой-либо значимости реальной жизни, которая основана на реальности чувственного опыта во имя достижения загробной жизни. В контексте религиозных

культур предполагается, что их поборники огромными армиями спасения будут маршировать и уходить от действительности в тот край, в ту жизнь, которая начинается после окончания земной человеческой жизни. От человека требуется строжайшее подчинение, но не потому, что какие-либо высокие ценности должны быть продемонстрированы индивидуумам совершенной социальной организацией. Наоборот, основной задачей является преднамеренное уклонение от конкретных ценностей и достижение всеобщего отрицания жизни. Идеальной личностью является та, жизнь которой проходит в ревностном служении Богу; в награду за это она может считать себя воплощением частицы, непосредственно связанной с Создателем Вселенной. Для религиозной культуры существует лишь одна цель и лишь она имеет значение.

Влияние непосредственного физического и биологического окружения на религиозный тип культуры, возможно, наименьшее по сравнению со всеми другими. Основной принцип этого типа культуры требует и ожидает от своих членов, что они будут более или менее безразличны к физическому окружению и будут обращаться к нему лишь в тех случаях, когда возникает необходимость для того, чтобы не прерывать основного своего занятия – поклонения Богу. Религиозные люди накладывают на себя обязательство, состоящее в том, что они, насколько это возможно, должны быть безразличны к физическому окружению. Часто ведущим принципом в отношении биологических потребностей становится аскетизм; в случае сексуального опыта – это скорее воздержание или ограничение, а в случае с пищей – это умеренность и пост. Религиозный человек имеет минимальное отношение к чувственному уровню жизни, на котором ведущими интересами выступают питание и размножение. Экономический способ производства в религиозном обществе феодальный. Разделение труда иерархическое, и теми, кто производит продукцию, правит класс священнослужителей.

На этапе религиозной культуры на психологическом и социальном уровнях закладывается фундамент абстрактного языка. Значение слов не сводится лишь к конкретным и эмоциональным символам. Религиозная культура – это время абстрактных богов; они уже более не олицетворяют конкретные природные явления, а несут собой единство Вселенной и абстрактные идеи логики, ценности и т.п. Католическая Троица символизирует именно это и только это: единство, логику и ценность, представленную Богом Отцом, Христом и Святым Духом. Теперь поклонение богам преисполнено чистоты и для большей части молящихся оно ограничивается обожанием; чувство любви не присутствует молящимся. Любовь заменяется идеей взаимодействия богов и людей: люди могут умолить игривых богов изменить их решение. Религиозная культура – это период чудес. Религиозный порядок отличается от природного порядка тем, что первый вмешивается во второй.

Основным социальным институтом религиозного типа культуры выступает именно тот, который мы и ожидали: церковь. Образование почти целиком сводится к религиозным целям. В сельском хозяйстве почти полностью осуществлен переход к пашенному земледелию, хотя на этой культурной ступени еще неизвестна обработка земли с использованием мощных орудий. Возвращаются декоративные искусства, появляются профессиональные художники, музыканты и т.п., несущие чистое искусство. Истинная наука находится еще в зачаточном состоянии. Но лженауки, такие, как алхимия, астрология и магия, процветают. Это происходит, поскольку подобные лженауки процветают на той же почве, что и рациональная теология, а именно на предположении, что логика конструктивна; это ведет к возникновению утверждений, основанных на ложных логических построениях, таких, как «притягивает так же как», «противоположности отталкиваются» и «подобное естественно стремится искать подобное ему» и т.п. Появляется также и философия, но ограничивается требованиями религии. Транспорт и коммуникации, которые так успешно развивались в рамках военной культуры, в религиозной культуре приходят в упадок. Наблюдается спад в экономике. К семье возвращается ранее утерянная ею значимость.

Религиозная культура открыта, и в случаях контактов с другими она впитывает в себя все религиозные элементы иных культур. Примером религиозного типа культуры с его доминирующим институтом может служить Католическая Церковь в средние века в Центральной Европе. Акцент на существование потустороннего мира делает невозможным исчерпывающее изучение достижений религиозной культуры: нам просто неизвестно, была ли жизнь представителей религиозного типа культуры лучше или хуже жизни представителей других типов культур – к примеру, военного, в загробном мире, если, конечно, вообще в каком бы то ни было смысле там существует жизнь. Поэтому мы вынуждены оценивать культуру соответственно тому, что сотворено ею в посюсторонней жизни, и лишь это представляется возможным сравнивать с другими культурными типами. Поэтому можно говорить, что что-то в этой культуре лучше, а что-то хуже, чем в других. Религиозная культура склонна закрывать некоторые двери перед научными исследованиями; в отношении культурного прогресса она всегда играла запрещающую или ограничивающую роль. В общем этот тип культуры был более консервативен, чем того в действительности требовала его догма. Но, с другой стороны, его универсальная включенность во многих отношениях представляет собой большой шаг вперед по сравнению с предшествовавшими типами культуры. Идея братства людей, общая для большинства религиозных культур, является существенной компенсацией за ошибочный отказ от реальной действительности во имя призрачного потустороннего рая...

В. Три развитых типа культуры

Тремя развитыми типами культуры, которые мы рассмотрим здесь, являются: (5) цивилизационный, (6) научный и, наконец, (7) постнаучный.

(5) Цивилизационный тип культуры

...Цивилизационная, или урбанистическая, культура начинается с принятия в общих чертах в качестве своего постулата психологического номинализма, согласно которому целое представляет собой только простую сумму слагающих его частей; реально, объективно существуют лишь единичные предметы, которые не могут быть познаны как таковые сразу и полностью; мы должны довольствоваться лишь действительностью, которую можем познать чувствами, в телесных ощущениях, и мысленно, посредством деятельности нашего мозга. Поэтому процветают литература и искусство как способы самовыражения. То же имеет отношение к науке, поскольку утверждается, что существуют мыслительные законы, являющиеся неотъемлемой частью неведомого внешнего мира. Все формы общественного принуждения, как и социальной организации, умалются во имя атомизма, согласно которому никакая власть не может быть навязана индивиду.

Основной вопрос цивилизационного типа культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит так: «Насколько личностны ваши ощущения?» Человек должен быть уникален в своих реакциях, а идеальной личностью является та, которая в состоянии выработать собственные критерии ощущений, чувств, мыслей и действий. Поэтому однородность общества достигается путем невероятных усилий к объединению таких уникальностей. Для этого типа культуры характерно разнообразие. Высоко ценится рациональность, понимаемая как собственный образ мысли. Поэтому нет правил мышления, а лишь апелляция к человеческой разумности, основанной на самоочевидности. В социальной жизни отсутствует общая цель. От человека ждут, что в настоящем достигаемом самоудовлетворении он отыщет оправдание своего собственного существования. Ни в какую бы то ни было загробную жизнь не верят; и даже служение обществу является целью лишь для тех старомодных людей, которые все еще не потеряли совесть. Таким образом, цивилизационная культура имеет очень слабую организацию, представляет собой общество, склонное к стяжательству, в котором обязательное место занимают привилегии. Примером такого типа культуры служит европейское общество XVII и XVIII вв.

Влияние непосредственного физического и биологического окружения на цивилизационный тип культуры значительно. Физическая природная среда не подвергается большим изменениям: ее щадят и ее боятся. Раздел механики в физике оказывается наивысшей возможной степенью соприкосновения с реальностью, а поскольку атомы слепо движутся в пустом пространстве, обращаться с ними надо осто-

рожно. Так человек цивилизационного типа культуры знакомится с законами механики и пока еще изучает все, что касается этих законов, а не сами эти законы. Цивилизационный человек получает максимальное удовлетворение от жизни, окружив себя всевозможными приспособлениями, какие только в состоянии придумать, чтобы добиться физического комфорта. Он больше обеспокоен тем, чтобы защитить себя от разрушительного воздействия физического окружения, чем его изменением. Для цивилизационного общества характерен капиталистический способ экономического производства. Преобладающим классом являются обладатели денег, живущие в основном за счет средств, получаемых с ренты.

Психологически и социально-экономические классы цивилизационного типа культуры привлекли к себе невероятно пристальное внимание, потому что их воспринимали как посредников физического и биологического уровней окружающей среды. Цивилизационный человек пребывает в поиске разнообразия; следовательно, огромное влияние на него оказывают контакты между культурами...

Институты цивилизационного типа культуры четко определены. Социальные группы составляют установленные подуровни, то есть социальные организации образуют элементы установленного целого, как, к примеру, деловые корпорации являются социальной организацией в рамках института экономики. В цивилизационных культурах низшую ступень установленной иерархии представляют развитые учреждения; транспорт и коммуникации продвинулись далеко вперед в своем развитии. Образование, а вместе с ним и внедряемые в жизнь научные достижения процветают. То же относится к чистому и прикладным искусствам.

В области религии цивилизационные культуры откровенно атеистичны. Раз не существует жизни после смерти, то нет и потребности в сверхъестественном боге. Природа и ее законы механики служат источником всех действительных ценностей, которые требуются. Это превращает каждого человека в известном смысле в своего собственного бога, поскольку он не верит в реальность ни бога, ни человеческой социальной организации. Человек, личность, становится мерой всего – и божественного и человеческого. Наличие морального добра в этом мире становится, хотя и не настоящей, проблемой религии: в слепом механистическом мире, в котором первостепенная значимость принадлежит индивиду, его ощущениям и чувствам, как можно точно знать, что хорошо, а что плохо? Отношение к религии у человека цивилизационного типа культуры вызывающе скептическое.

(6) Научный тип культуры

Самым высоким из известных на сегодня типов культуры является научный...

Научная культура начинается с безоговорочного принятия реали-

стического постулата, гласящего, что сфера раз и навсегда установленных и вечных универсалий и ценностей не более и не менее реальна, чем мир изменчивой действительности и ее производных единиц. Все сущее действительно, и действительность может быть познана немедленно. В этом типе культуры доминирует теория, согласно которой известные естественные природные законы действуют не только на физическом, практически на любом уровне бытия. Жизнь подвластна идее, гласящей, что раскрытие естественных условий удовлетворит интересы как поиска истины, так и улучшения условий жизни.

Основной вопрос научного типа культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит следующим образом: «Насколько ты любознателен?» Идеальной является наиболее озадаченная, любознательная личность, которая особенно одержима постоянным поиском секретов природы бытия. Критерием величия становится степень всепоглощающей любознательности личности и то, насколько она стремится, а порой и страстно желает посвятить свою жизнь неудачам экспериментальных проверок своих предположений об истоках сущностей и процессов, лежащих в основе естественных и непреложных состояний, в которых вообще только и может существовать реальный мир. Целью этого общества не является ни жизнь после смерти, как это было в религиозной культуре, ни чувственный подарок, как это было в цивилизационной культуре. Целью научного типа культуры скорее оказывается непрерывное совершенствование будущего реально существующего мира, в котором, благодаря добродетели познанной истины, ожидается, что жизненные условия в обществе будут становиться все лучше и лучше и оцениваться все богаче и богаче.

...Стало быть, научная культура предоставляет индивиду возможность целиком и полностью идти собственным жизненным путем, отличным от большей части жизненных путей других людей, но обеспечивающим индивиду на его частном жизненном пути удовлетворенность от реального служения общественным целям. У научного типа культуры имеется отдаленная, но актуальная цель, и она включает в себя по крайней мере обещание единого общего понимания социальных ценностей, к которым следует стремиться.

Влияние непосредственной физической и биологической окружающей среды на научный тип культуры выражается в знании и использовании физического окружения. Человек данной культуры не настолько озабочен покорением или игнорированием физического или биологического окружения, насколько занят его пониманием. Так, он совершенствует различные виды удобств и приспособлений для непосредственных целей, которых ранее у него не было, но, с другой стороны, не может использовать их должным образом. Выгода для чело-

века является побочным продуктом, а не целью поиска истины. Поэтому человек научного типа культуры безразличен к плохому или хорошему, но не потому, что таковы его убеждения, а просто в силу того, что действительные и несомненные его интересы находятся вне этого.

Психологически и социально человек научного типа культуры сосредоточен на поисках лучшего сообщества, а его неудачи в достижении оно пропорциональны его успехам в научных областях. С одной стороны, он всецело включен в общественную организацию, а с другой – он пренебрегает ею. Его язык сложен, существуют профессиональные языки. Он не хочет вмешательства в его собственные поиски, которые могут обернуться для него тем неизведанным путем, который ранее не ходил никто, даже в рамках данной культуры; но он действительно трудится, во многих случаях весьма неловко, над достижением великого общества, в котором все известные людям ценности будут реализованы.

В научном типе культуры институты четко определены и каждый занимает свое место в общепринятой иерархии. Высшую ступень занимают фундаментальные и прикладные науки или технологии. Характеристикой научного типа культуры является машина-орудие, расширение областей ее использования и применения. В научном типе культуры свое ведущее положение среди дисциплин возвращает логика. В искусстве предпочтение отдается не чистым, а декоративным видам. Семья уже давно не занимает доминирующего положения, низшие институты расцениваются соответственно той роли, которую они играют: не как самоцели, а как необходимые инструменты для более высоких институтов.

Человек научного типа культуры возвращается назад к религии, но не к той жестко организованной религии, которая имела в рамках религиозного типа культуры. Его боги скорее абстрактны, чем конкретны, и он обращается к ним во время работы, на протяжении своей повседневной рутинной жизни, а не в местах, специально приспособленных для этой цели, и вовсе не так, как предписывается обрядом. Существует взаимодействие не человека и богов, а человека и того единственного бога, которого человек научного типа культуры признает, а именно: природы. Люди бессильны против законов природы, но понимая это, могут использовать их. Теологией человека научного типа культуры является космология, в основе которой лежат сложные постулаты метафизического реализма.

(7) Постнаучный тип культуры

...Постнаучный тип культуры отличается от научного так же, как допервобытная культура отличается от первобытной. И опять, так же, как наше познание первобытной культуры, затрудненное отдаленно-

стью давнего прошлого, выступает в высшей степени умозрительным и предположительным, так же наши краткие замечания, относящиеся к постнаучной культуре, затруднены отдаленностью предстоящего будущего. Ибо именно постнаучный тип культуры в будущем займет место научного. Во многих отношениях он похож на научный культурный тип, но в рамках постнаучного типа культуры будут исправлены ошибки его предшественника и будет сделано то, что ранее считалось невозможным. Постнаучный тип культуры скорее всего начнется с откровенно реалистического постулата и скорее всего продолжится тем, что из поля зрения будет сознательно исключен критерий действительности; действительным будет считаться все, что появляется; и все явления будут расцениваться как реальные. Основными занятиями постнаучного типа культуры будут наука, философия и искусство. Пидирующая роль останется за исследовательской деятельностью, и главной целью исследований будет знание. Удовлетворение и удовольствие будут цениться столь же высоко, как и знание, они сами будут превращаться в способ познания потому, что отношения обладают такой же значимостью, как и ценности.

Основной вопрос постнаучной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, скорее всего будет звучать так: «Сколько совершенен ты?» Идеальной личностью данного культурного типа будет та, которая сможет соединить в себе предельную специализацию со всеобъемлющим интересом и взаимопониманием. Как и в первобытной культуре, индивидуальные отличия будут измеряться степенью включенности в общество; и личность, которая наилучшим образом сможет воспринимать ценности общества, обязательно получит преимущество и признание. Постнаучная культура ближе всех подойдет к созданию совершенного общества, ближе, чем до сих пор подходила какая бы то ни было культура. Поскольку ее цель – создание рая на Земле, то это не будет полностью достигнуто; к этому можно будет лишь максимально приблизиться, и то скорее всего только после долгих веков социальных катаклизмов, во время которых общество так же часто поворачивает вспять, как и добивается успехов.

Непосредственная физическая и биологическая окружающая среда в период постнаучного типа культуры полностью окажется под контролем. Экономические функции будут выполняться механически. Возникнет интерес и начнется освоение не включенных в жизнедеятельность человека мест на Земле. Биологическая окружающая среда также будет привлекать к себе пристальное внимание и превратится в область, в значительной мере находящуюся под контролем. В постнаучной культуре, в которой всему отведено свое собственное место, не будет конфликтов между теорией и практикой, вместо этого люди поймут, что только фундаментальная наука продуктивна и необходима для практической

деятельности и что практика является действительным воплощением фундаментальной теории. Человек постнаучного типа культуры будет прекрасно жить, непрестанно жертвуя во имя достижения знания. Он будет понимать, что лишь то, чему предшествует теоретическое обоснование, может быть внедрено в практическую жизнь.

В психологической и социальной областях постнаучная культура найдет способы применения научного метода к решению психологических и социальных проблем. Языки в основном будут спланированными, даже общепринятый язык культуры. Синтаксис будет целенаправленно систематизирован, и возникнет определенная словесная однородность; слова будут иметь лишь одно значение, ими будет передаваться лишь точный смысл, в то время как дополнительные, побочные оттенки значения, то есть то, что еще и подразумевается, практически отойдут в прошлое. Мысли, так же как и формы правления, будут исследоваться соответствующей процедурой, основанной на строгом научном методе и идеальных предлагаемых образцах, которым в определенном смысле необходимо следовать. Будут познаны естественные законы физической и социальной природы, и они в большой мере будут учитываться и применяться на практике. Люди, относящиеся к творческой интеллигенции, в своей работе будут основываться на работе друг друга, а не начинать, с чего начинали все другие, так что искусство тоже выиграет от того, что будет по своим методам социальным.

Короче говоря, все институты постнаучного типа культуры приведутся в соответствие с тем, какими они должны быть в зависимости от их реальной значимости. Носитель постнаучного типа культуры будет испытывать религиозные чувства, но не станет полагаться на то, что здравый смысл не уведет его дальше тех философских направлений, которые посвящены конечным целям. Поэтому философия будет наиболее рациональной дисциплиной, направляющей науки и другие исследования, координирующей их. Чистые науки будут заняты поисками правды о природе вещей, прикладные науки будут применять знания, полученные чистыми науками, а все оставшиеся институты, располагающиеся на иерархической лестнице ниже прикладных наук, будут эффективно, без лишнего шума и хорошо обслуживать находящиеся на лестнице выше их в иерархии.

Трудно себе представить религию постнаучного типа культуры. Возможно, люди научатся молиться в уединении, так же как они научатся сообща вести исследовательскую работу. Или, возможно, они будут с уважением относиться ко всему, что предотвращает выделение определенных предметов, времени и мест для молитв. Человек постнаучного типа культуры, возможно, будет ощущать нежелание порочить как относительно нечистое то, что неотделимо от священности,

потому что будет уверен, что все созданное Богом в равной мере богоподобно. Так, поскольку наука должна вскоре положить конец теологии, теология постнаучного типа культуры будет входить составной частью в теологическую веру и иметь отношение к специфическим проявлениям постнаучной культуры.

Необходимо сразу же сделать несколько общих замечаний относительно всех типов культуры, о которых здесь шла речь.

Во-первых, должно быть ясно, что данные культурные типы абстрактны, а не конкретны...

Во-вторых, необходимо отметить, что типы культуры ни в коей мере не следует понимать как хронологическую прогрессию. Следующий порядок: допервобытный, первобытный, военный, религиозный, цивилизационный, научный и постнаучный типы культуры – не является абсолютным порядком, в соответствии с которым великие культуры рождались и продвигались, хотя некоторую хронологическую прогрессию, безусловно, можно заметить. Приблизительно так: допервобытную культуру сменяет первобытная, ее сменяет военная и так далее; но мы имеем дело с диалектической, а не просто с видовой прогрессией. Реальные культуры в добавление к тому, что они сами являются культурными синтезами, во многом совпадают; им присущи быстрые взлеты и резкие падения.

В-третьих, безусловно, все культурные типы в равной степени реализуются в меру своих возможностей. Культура определяется конкретным бытием, носителями которого, прямо или косвенно, выступают индивидуальные представители данной культуры, взятые вместе или порознь...

Воздействие культур на индивидов ведет к созданию типов культур. Все, кроме случайного и сверхкультурных ценностей, является типичным для культуры. То, что происходит с индивидом, частично является делом случая. Случайности сопутствуют закону. Случай действует одинаково и на культурном и на эмпирическом уровнях. Каждое социальное явление имеет экономическое основание, которое, в свою очередь, ближе к случайности, чем к закономерности. Существуют сверхкультурные ценности, такие, как этика и эстетика. Существование культурных типов проиллюстрирует i.d.o. культуры. Рассматриваются следующие типы культуры: допервобытный, первобытный, военный, религиозный, цивилизационный, научный и постнаучный.

Существуют четыре ранних типа культуры. О допервобытной культуре известно мало. Ее основной вопрос, обращенный к индивидуальным представителям, звучал так: «Насколько нужен лично ты для того, чтобы мы все выжили?» Она целиком и полностью зависима от своей непосредственной физической и биологической окружающей среды и в общем находится во власти своего окружения. Первобытная культура не представляет собой единого типа, а подразделяется на

составляющие. Ее основным вопросом, обращенным к индивидуальным представителям, является следующий: «Насколько ты вовлечен в сообщество?» Первобытная культура испытывает на себе сильное влияние непосредственного физического и биологического окружения. Она не в состоянии с легкостью переносить контакты с более высокими типами культуры и уцелеть при этом. Ее религия анимистична. Военный тип культуры более высоко организован, но ограничен. Основным вопросом военной культуры, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит следующим образом: «Хорошо ли ты повинуешься?» Сильно влияние непосредственного физического и биологического окружения. Ведущим социальным институтом является политика. В религии важнейшее место отводится богам войны. Религиозный тип культуры берет свое начало в философии крайнего реализма. Основным вопросом, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит так: «Насколько сильно ты набожен?» Влияние физического и биологического непосредственного окружения не столь сильно. Ведущим институтом является церковь. Существуют три развитых типа культуры. Цивилизационный тип культуры берет свое начало от психологического номинализма. Основным вопросом, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит следующим образом: «Насколько личностны ваши ощущения?» Непосредственное физическая и биологическая окружающая среда частично находится под контролем, но все же оказывает существенное влияние на культуру. Институты хорошо развиты. Вместо религии имеет место атеизм. Научный тип культуры берет свое начало от постулирования умеренного реализма. Основным вопросом, обращенный к ее индивидуальным представителям, звучит так: «Насколько ты любознателен?» Ведущим институтом является наука. Религия отрицается. Постнаучный тип культуры также принимает постулат умеренного реализма, но скорее непосредственно, чем опосредованно. Физическая и биологическая окружающая среда будет находиться в большей мере под контролем. Институты будут приведены в идеальный порядок. Религия будет распространена, но не иначе, чем ранее, поскольку приобретет личностный, интимный характер.

Выделенные типы культуры являются скорее идеальными и абстрактными, чем существующими в действительности. Реальные культуры представляют собой сочетание различных типов культуры...

Фейблман Дж. К. Теория человеческой культуры // В.А. Бобахо, С.И. Левикова. Культурология. – М., 2000. – С. 226 – 254.

ФРЕЙД Зіґмунд
(1856 – 1939)

Австрійський лікар-психіатр, філософ, психолог, засновник психоаналізу і психологічної школи у дослідженні культури. Предметом його дослідження була особистість у культурі, її психологічні характеристики, стереотипи поведінки, взаємодія з навколишнім середовищем.

Основні праці, в яких викладено культурологічні ідеї: «Майбутнє однієї ілюзії» (1927, 1930), «Невдоволення культурою» і «Тотем і табу» (1913, 1923).

БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ

I.

Человеческая культура... охватывает, во-первых, все накопленные людьми знания и умения, позволяющие им овладеть силами природы и взять у нее блага для удовлетворения человеческих потребностей, а во-вторых, все институты, необходимые для упорядочивания человеческих взаимоотношений и особенно – для дележа добываемых благ... Как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они тем не менее ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз. Культура должна поэтому защищать себя от одиночек, и ее институты, учреждения и заповеди ставят себя на службу этой задаче; они имеют целью не только обеспечить известное распределение благ, но и постоянно поддерживать его словом, должны защищать от враждебных побуждений людей все то, что служит покорению природы и производству благ. Творения человека легко разрушимы, а наука и техника, созданные им, могут быть применены и для уничтожения.

Так создается впечатление, что культура есть нечто навязанное противящемуся большинству меньшинством, которое ухитрилось завладеть средствами власти и насилия... Хочется думать, что должно же быть возможным какое-то переупорядочение человеческого общества, после которого иссякнут источники неудовлетворенности культурой, культура откажется от принуждения и от подавления влечений, так что люди без тягот душевного раздора смогут отдаться добыванию благ и наслаждению ими. Это был бы золотой век, спрашивается только, достижимо ли подобное состояние. Похоже, скорее, что всякая культура вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений; неизвестно еще даже, будет ли после отмены принуждения большинство человеческих индивидов готово поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ. Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, т.е. антиобщественные и антикультурные, тенден-

ции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе.

...Напряженный труд и самоотречение, от чего зависит существование культуры... Люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно: люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бесильны против их страстей.

...Ни одной культуре пока еще не удавалось создать порядок, при котором человек формировался бы в нужном направлении, причем с самого детства...

II.

...С осознанием того, что всякая культура покоится на принуждении к труду и на отказе от влечений, а потому неизбежно вызывает сопротивление со стороны объектов своих императивов, стало ясно, что сами блага, средства их получения и порядок их распределения не могут быть главным или единственным содержанием культуры. Ибо им угрожает бунт и разрушительная страсть участников культуры. Рядом с благами теперь выступают средства, способные служить защите культуры, – средства принуждения и другие, призванные примирить людей с нею и вознаградить их за принесенные жертвы. Эти средства второго рода можно охарактеризовать как психологический арсенал культуры.

...Будем называть тот факт, что какое-то влечение не может быть удовлетворено, отказом; установление, предписывающее этот отказ, – запретом; а состояние, вводимое посредством запрета, – лишением. Следующим шагом будет различие между лишениями, которые затрагивают всех, и такими, которые касаются только отдельных групп, классов или просто одиночек. Первые – древнейшие: с запретами, предписывавшими эти лишения, культура начала неизвестное число тысячелетий назад свой отход от первобытного животного состояния. ...Они все еще действуют, все еще составляют ядро враждебных чувств к культуре. Страдающие от них импульсивные желания заново рождаются с каждым ребенком...

...Громадное число людей повинуетя соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, т.е. только там, где нарушение запрета грозит наказанием, и только до тех пор, пока угроза реальна. Это касается и тех так называемых требований культуры, которые в равной мере обращены ко всем. В основном с фактами нравственной ненадежности людей мы сталкиваемся именно в этой сфере. Бесконечное множество культурных людей, отшатнувшихся бы в ужасе от убийства и инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, кле-

ветой, если могут при этом остаться безнаказанными; и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох.

...Культура, оставляющая столь большое число участников неудовлетворенными и толкающая их на бунт, не имеет перспектив на длительное существование и не заслуживает его.

...Удовлетворение, которое идеал дарит участникам культуры, имеет... нарциссическую природу, оно покоится на гордости от уже достигнутых успехов. Для своей полноты оно требует сравнения с другими культурами, ринувшимися к другим достижениям и сформировавшим другие идеалы. В силу таких различий каждая культура присваивает себе право презирать другие. Таким путем культурные идеалы становятся поводом к размежеванию и вражде между различными культурными регионами, что всего отчетливее наблюдается между нациями.

...Искусство... дает эрзац удовлетворения, компенсирующий древнейшие, до сих пор глубочайшим образом переживаемые культурные запреты, и тем самым как ничто другое примиряет с принесенными им жертвами. Кроме того, художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается всякий культурный круг; служат они также и нарциссическому удовлетворению, когда изображают достижения данной культуры, впечатляющим образом напоминая о ее идеалах.

Самая важная часть психического инвентаря культуры – это ее, в широчайшем смысле, религиозные представления, ее иллюзии.

III.

...Если вообразить, что ее [культуры] запреты сняты и что отныне всякий вправе избирать своим сексуальным объектом любую женщину, какая ему нравится, вправе убить любого, кто соперничает с ним за женщину или вообще встает на его пути, вправе взять у другого что угодно из его имущества, не спрашивая разрешения, – какая красота, какой вереницей удовлетворению стала бы тогда жизнь! Правда, мы сразу натыкаемся на следующее затруднение. Каждый другой имеет в точности те же желания, что я, и будет обращаться со мной не менее любезным образом, чем я с ним. По существу, только один единственный человек может поэтому стать безгранично счастливым за счет снятия всех культурных ограничений – тиран, диктатор, захвативший в свои руки все средства власти; и даже он имеет все основания желать, чтобы другие соблюдали по крайней мере одну культурную заповедь: не убивай.

Но как неблагоприятно, как, в общем, близоруко стремиться к отмене культуры! Тогда нашей единственной участью окажется природное состояние, а его перенести гораздо тяжелей... В конце концов, главная

задача культуры, ее подлинное обоснование – защита нас от природы.

...Природа противостоит нам всей своей мощью, величественная, жестокая, неумолимая, колет нам глаза нашей слабостью и беспомощностью, от которых мы думали было избавиться посредством своего культурного труда...

...Боги сохраняют свою троякую задачу: нейтрализуют ужас перед природой, примиряют с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждают за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном обществе.

...Нравственные законы, которые установлены нашими культурами, царят над всеми событиями в мире, разве что внешняя инстанция, вершащая суд, следит за их исполнением с несравненно большей властью и последовательностью, чем земные власти.

IV.

...Религиозные представления произошли... из необходимости защитить себя от подавляющей сверхмощи природы. К этому присоединился второй мотив, стремление исправить болезненно ощущаемые несовершенства культуры.... Культура дарит эти представления индивиду, потому что он принимает их как данность, они преподносятся ему готовыми, он был бы не в силах изобрести их в одиночку...

...Первые, но всего глубже осевшие, этические ограничения – запрет убийства и инцеста – возникают на почве тотемизма...

...Беспомощность ребенка имеет продолжение в беспомощности взрослого...

...Способ, каким ребенок преодолевал свою детскую беспомощность, наделяет характерными чертами реакцию взрослого на свою, поневоле признаваемую им беспомощность, а такой реакцией и является формирование религии...

VIII.

...Одинаковая для всех небезопасность жизни и сплачивает людей в общество, которое запрещает убийство отдельному индивиду и удерживает за собой право совместного убийства всякого, кто переступит через запрет. Так со временем возникают юстиция и система наказаний...

Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992. – С. 18 – 64.

НЕДОВОЛЬСТВО КУЛЬТУРОЙ

...Слово «культура» обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших животных предков и

служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми...

...К культуре мы относим все формы деятельности и все ценности, которые приносят человеку пользу, подчиняют ему землю, защищают его от сил природы и т.п....

В качестве последней, но далеко немаловажной характеристики культуры мы должны удостоить внимания тот способ, каким регулируются взаимоотношения людей, социальные отношения, касающиеся человека в качестве соседа, рабочей силы, сексуального объекта для другого, члена семьи, государства. Здесь особенно трудно отрешиться от определенных идеальных требований и уловить, что вообще в данном случае принадлежит к культуре. Возможно, с самого начала следовало бы заявить, что элемент культуры присутствует уже в первой попытке урегулировать социальные отношения. Не будь такой попытки, эти отношения подчинялись бы произволу, т.е. устанавливались бы в зависимости от интересов и влечений физически сильного индивида. Ничего не изменилось бы от того, что этот сильный индивид в свою очередь столкнется с еще более сильным. Совместная жизнь впервые стала возможной лишь с формированием большинства – более сильного, чем любой индивид, и объединившегося против каждого индивида в отдельности. Власть такого общества противостоит теперь как «право» власти индивида, осуждаемой отныне как «грубая сила». Замена власти индивида на власть общества явилась решающим по своему значению шагом культуры. Сущность его в том, что члены общества ограничивают себя в своих возможностях удовлетворения влечений, тогда как индивид не признает каких бы то ни было ограничений. Следующим культурным требованием является требование справедливости, т.е. гарантия того, что раз установленный порядок не будет нарушен в пользу отдельного индивида...

Индивидуальная свобода не является культурным благом. Она была максимальной до всякой культуры, не имея в то время, впрочем, особой ценности, так как индивид не был в состоянии ее защитить. Свобода ограничивается вместе с развитием культуры, а справедливость требует, чтобы ни от одного из этих ограничений нельзя было уклониться. То, что заявляет о себе в человеческом обществе как стремление к свободе, может быть бунтом против имеющейся несправедливости и таким образом благоприятствовать дальнейшему развитию культуры, уживаться с культурой. Но это же стремление может проистекать из остатков первоначальной, неукротенной культурой личности и становиться основанием вражды к культуре. Стремление к свободе, таким образом, направлено либо против определенных форм и притязаний культуры, либо против культуры вообще. Вряд ли найдется какое-нибудь средство, способное превратить природу человека в природу термита; пожалуй, он всегда будет отстаивать свое

притязание на индивидуальную свободу против воли масс. Немалая часть борьбы человечества сосредоточивается вокруг одной задачи – найти целесообразное, т.е. счастливое, равновесие между индивидуальными притязаниями и культурными требованиями масс. Достижимо ли это равновесие посредством определенных форм культуры либо конфликт останется непримиримым – такова одна из роковых проблем человечества...

...Происходит смещение условий удовлетворения других влечений, они должны переключаться на иные пути. В большинстве случаев это сопровождается хорошо известным процессом сублимации, изменением цели влечений, хотя иногда имеют место и другие процессы. Сублимация влечений представляет собой выдающуюся черту культурного развития, это она делает возможными высшие формы психической деятельности – научной, художественной, идеологической, играя тем самым важную роль в культурной жизни... Нельзя не заметить самого важного – насколько культура строится на отказе от влечений, настолько предпосылкой ее является неудовлетворенность (подавление, вытеснение или что-нибудь еще?) могущественных влечений. Эти «культурные запреты» господствуют в огромной области социальных отношений между людьми... Они – причина враждебности, с которой вынуждены вести борьбу все культуры...

Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992. – С. 65 – 134.

ЮНГ Карл Густав (1875 – 1961)

Швейцарський психолог, психіатр, філософ, засновник «аналітичної психології». Висунув положення про те, що в психіці людини крім індивідуального несвідомого є і більш глибокий шар – колективне несвідоме, яке відображає досвід попередніх поколінь. Його змістом є загальнолюдські першообрази – архетипи: образ матері-землі, героя, мудреця, демона і т.п.

Основні культурологічні ідеї викладено в таких працях: «Архетип і символ» (1991), «Психологічні типи» (1992), «Феномен духу в культурі та науці» (1992), «Проблема душі нашого часу» (1993), «Про психологію східних релігій і філософій» (1994) та ін.

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

«Колдун» и «демон» могли представлять качества, которые, по сути дела, обозначены так, что сразу можно заметить: это не личностно-человеческие качества, а мифологические. «Колдун» и «демон» – ми-

фологические фигуры, которые выражают неизвестное, «нечеловеческое» чувство... Эти атрибуты отнюдь не могут быть применены к некоторой человеческой личности, хотя они, как правило, в виде интуитивных и не подвергнутых более основательной проверке суждений постоянно все же проецируются на окружающих, что наносит величайший ущерб человеческим отношениям.

Такие атрибуты всегда указывают на то, что проецируются содержания сверхличностного, или коллективного, бессознательного. Ибо «демоны», как и «злые колдуны», не являются личностными воспоминаниями, хотя каждый когда-то слышал или читал о подобных вещах. Если даже человек слышал о гремучей змее, то он все же не будет с соответствующим аффектом тотчас же вспоминать о гремучей змее, заслышав шуршание ящерицы. Точно так же мы не будем называть ближайшего демоном, разве что с ним связано некое действие, носящее демонический характер. Но если бы это действие и в самом деле было элементом его личного характера, то оно должно было бы проявляться во всем, а тогда этот человек был бы именно неким демоном, кем-то вроде оборотня. Но это — мифология, т.е. коллективная психика, а не индивидуальная. Поскольку мы через наше бессознательное причастны к исторической коллективной психике, мы, конечно, бессознательно живем в некоем мире оборотней, демонов и т.д.; ибо это вещи, которые наполняли все прежние времена мощнейшими аффектами. Но было бы бессмысленно стремиться приписывать себе лично эти заключенные в бессознательном возможности. Поэтому необходимо проводить как можно более четкое разделение между тем, что можно приписать личности, и сверхличностным. Тем самым ни в коем случае не следует отрицать порой весьма действенное существование содержаний коллективного бессознательного. Но они как содержания коллективной психики противопоставлены индивидуальной психике, отличаются от нее. У наивных людей эти вещи никогда не отделялись от индивидуального сознания, т.к. эти боги, демоны понимались не как содержания бессознательного, но как сами собой разумеющиеся реальности. Лишь в эпоху Просвещения обнаружили, что боги все же не существуют в действительности, а являются проекциями. Тем самым с ними было покончено. Однако не было покончено с соответствующей им психической функцией, напротив, она ушла в сферу бессознательного, из-за чего люди сами оказались отравленными избытком либидо, который прежде находил себе применение в культе идолов. Обесценивание и вытеснение такой сильной функции, как религиозная, имело, естественно, значительные последствия для психологии отдельного человека. Дело в том, что обратный приток этого либидо чрезвычайно усиливает бессознательное и оно начинает оказывать на сознание мощное влияние своими архаичными коллективными содержаниями. Период Просвещения, как известно, завер-

шился ужасами Французской революции. И сейчас мы тоже переживаем снова это возмущение бессознательных деструктивных сил коллективной психики. Результатом было невиданное прежде массовое убийство. Это – именно то, к чему стремилось бессознательное. Перед этим его позиция была безмерно усилена рационализмом современной жизни, который обесценивал все иррациональное и тем самым погружал функцию иррационального в бессознательное. Но если уже эта функция находится в бессознательном, то ее исходящее из бессознательного действие становится опустошающим и неудержимым, подобным неизлечимой болезни, очаг которой не может быть уничтожен, т.к. он невидим. Ибо тогда индивидуум, как и народ, необходимо вынужден жить иррациональным и применять свой высший идеализм и самое изощренное остроумие еще лишь для того, чтобы как можно более совершенно оформить безумие иррационального...

Единственная возможность состоит в том, чтобы признать иррациональное в качестве необходимой – потому что она всегда наличествует – психической функции и ее содержание принять не за конкретное (это было бы шагом назад), а за психические реальности, – реальности, поскольку они суть вещи действенные, т.е. действительности. Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, априори есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовались определенные черты, т.н. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т.е. основные черты, выделенные в процессе накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам. Поэтому возможно перенесение архетипических образов непосредственно как понятий созерцания на физические события: например, эфир, древнейшая материя дыхания и души, которая представлена в воззрениях всех народов мира; затем энергия, магическая сила – представление, которое также имеет всеобщее распространение. В силу своего родства с физическими явлениями архетипы нередко выступают в спроецированном виде; причем проекции, когда они бессознательны, проявляются у лиц, принадлежащих к той или иной сфере, как правило, как ненормальные пере- или недооценки, как возбудители недоразумений, споров, грез, безумия всякого рода. Поэтому говорят: «Из него делают Бога» или «Имярек производит на Х. дьявольское впечатление». Из этого возникают также современные мифологические образования, т.е. фантастические слухи, подозрения и предрассудки. Архетипы являются поэтому в высшей степени важными вещами, оказывающими значительное воздействие, и к ним на-

до относиться со всей внимательностью. Их не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения. Так как они чаще всего выступают в качестве проекций и т.к. последние закрепляются лишь там, где есть для этого повод, то они отнюдь не легко поддаются оценке и обсуждению. Поэтому если некто проецирует на своего ближнего образ дьявола, то это получается потому, что этот человек имеет в себе нечто такое, что делает возможным закрепление этого образа. Тем самым мы вовсе не сказали, что этот человек потому сам, так сказать, есть дьявол; напротив, он может быть замечательным человеком, который, однако, находится в отношении несовместимости с проецирующим и потому между ними имеет место некоторый «дьявольский» (т.е. разделяющий) эффект. Также и проецирующий вовсе не должен быть «дьяволом», хотя ему следует признать, что он точно так же имеет в себе нечто «дьявольское» и, проецируя его, еще больше оказывается в его власти. Однако сам он поэтому отнюдь еще не является «дьявольским», а может быть столь же достойным человеком, как и другой. Появление в данном случае образа дьявола означает: эти два человека несовместимы друг с другом (сейчас и на ближайшее будущее), почему бессознательное и отталкивает их друг от друга. Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека.

Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного // В.А. Бобахо, С.И. Левикова. Культурология. – М., 2000. – С. 74 – 77.

ХЕЙЗИНГА Йоханн (1872 – 1945)

Нідерландський історик, філософ, теоретик культури. Автор ігрової концепції культури: гра – джерело культури, «культура спочатку розігрується». Ігрові інстинкти притаманні людській природі, з ними пов'язано сходження до більш високих форм культури. Гра – необхідний спосіб соціального життя, те, що підтримує ідеал і визначає духовне життя епохи. Але грати потрібно за правилами («fair play»).

Основні праці: «Осінь середньовіччя», «Homo ludens» («Людина, що грає») (1992), «У тіні завтрашнього дня» (1992).

HOMO LUDENS

Опыт определения игрового элемента культуры

Когда мы, люди, оказались не столь разумными, как наивно внушал нам светлый XVIII век в своем почитании Разума, для именованя

нашего вида рядом с Homo sapiens поставили еще Homo faber, человек-созидатель. Второй термин был менее удачен, нежели первый, ибо fabri, созидатели, суть и некоторые животные. Что справедливо для созидания, справедливо и для игры: многие животные любят играть. Все же мне представляется, что Homo ludens, человек играющий, выражает такую же существенную функцию, как человек созидатель, и должен занять свое место рядом с Homo faber.

...Если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она окажется не более чем игрой... Человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра. Игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть... Животные играют точно так же, как люди. Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных...

...Уже в своих простейших формах и уже в жизни животных игра представляет собой нечто большее, чем чисто физиологическое явление либо физиологически обусловленная физическая реакция. Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или... чисто физической деятельности. Игра – содержательная функция со многими гранями смысла. В игре «подыгрывает», участвует нечто такое, что превосходит непосредственное стремление к поддержанию жизни и вкладывает в данное действие определенный смысл. Всякая игра что-то значит. Если этот активный принцип, сообщающий игре свою сущность, назвать духом, это будет преувеличением; назвать же его инстинктом – значит ничего не сказать. Как бы к нему не относиться, во всяком случае этим «смыслом» игры ясно обнаруживает себя некий нематериальный элемент в самой сущности игры.

...В игре мы имеем дело с безусловно узнаваемой для каждого, абсолютно первичной жизненной категорией, некоей тотальностью... Мы должны попытаться понять и оценить игру только в ее целостности.

Реальность, именуемая игрой, доступная восприятию любого и каждого, простирается в одно и то же время на мир животный и мир человеческий. Поэтому она не может опираться на какой-либо рациональный фундамент, поскольку разумные основания ограничивали бы ее пределы только миром человеческим. Существование игры не привязано ни к определенной степени культуры, ни к определенной форме мировоззрения. Любое мыслящее существо может немедленно представить себе эту реальность – игру, «играние» – как самостоятельное, самодовлеющее нечто, если даже его собственный язык не располагает общим словесным выражением этого понятия. Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право,

красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру – нельзя.

Но хочется того или нет, признавая игру, признают и дух. Ибо игра, какова бы ни была ее сущность, не есть нечто материальное. Уже в мире животных ломает она границы физического существования. С точки зрения детерминировано мыслимого мира, мира сплошного взаимодействия сил, игра есть в самом полном смысле слова «*sur-rehabundans*» («излишество, избыток»). Только с вмешательством духа, снимающего эту всеобщую детерминированность, наличие игры делается возможным, мыслимым, постижимым. Бытие игры всякий час подтверждает, причем в самом высшем смысле, супралогический характер нашего положения во Вселенной. Животные могут играть, значит, они уже нечто большее, чем просто механизмы. Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит, мы более чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие вне разумное.

Кто обратит свой взгляд на функцию игры... в культуре... он находит игру в культуре как заданную величину, существовавшую прежде самой культуры, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала вплоть до той фазы культуры, в которой живет сам. Он всюду замечает присутствие игры как определенного качества деятельности, отличного от «обыденной» жизни...

Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества все уже переплетаются с игрой. Возьмем язык, самый первый и самый высший инструмент, созданный человеком для того, чтобы сообщать, учить, повелевать. Язык, с помощью которого он различает, определяет, констатирует, короче говоря, называет, то есть возвышает вещи до сферы духа. Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли. За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, вымышленный мир. И возьмем миф, что также является претворением бытия, но только более разработанным, чем отдельное слово. С помощью мифа на ранней стадии пытаются объяснить все земное, найти первопричины человеческих деяний в божественном. В каждой из этих причудливых оболочек, в которые миф облекал все сущее, изобретательный дух играет на рубеже шутки и серьезности. Наконец, возьмем культ. Раннее общество отправляет свои священнодействия, которые служат ручательством благоденствия мира, освящения, жертвоприношения, мистерии, в игре, понимаемой в самом истинном смысле этого слова.

В мифе и в культе, однако, рождаются великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение, предпринимательство,

ремесло и искусство, поэзия, ученость и наука. Поэтому и они уходят корнями в ту же почву игрового действия.

...Игра есть несерьезное...

...Игра... вовсе не глупа...

...В игре самой по себе... не заключено никакой моральной функции – ни добродетели, ни греха.

...Свойство быть прекрасным не имманентно игре как таковой, однако она обладает склонностью вступать в контакт со всевозможными элементами прекрасного...

...Игры социального характера... можно назвать высшими формами игры...

Всякая игра есть прежде всего и в первую голову свободная деятельность... Уже благодаря свободному характеру игра выходит за рамки природного процесса... Ребенок и животное играют, потому что испытывают удовольствие от игры, и в этом заключается их свобода.

...Для человека взрослого и дееспособного игра есть функция, без которой он мог бы и обойтись. Игра есть некое излишество. Игра не диктуется физической необходимостью, тем более моральной обязанностью...

...Налицо первый из главных признаков игры: она свободна, она есть свобода. Игра не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая. Она скорее выход из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющую собственную направленность...

...Незаинтересованный характер игры... Она украшает жизнь, она дополняет ее и вследствие этого является необходимой... Она... необходима как культурная функция. Игра удовлетворяет идеалы коммуникации... и общежития...

Игра обособляется от «обыденной» жизни местом действия и продолжительностью. Изолированность составляет третий отличительный признак игры. Она «разыгрывается» в определенных рамках пространства и времени. Ее течение и смысл заключены в ней самой.

...Повторяемость есть одно из существеннейших свойств игры...

...Пространственное ограничение игры. Любая игра протекает внутри своего игрового пространства, которое заранее обозначается, будь то материально или только идеально, преднамеренно или как бы само собой подразумеваясь...

Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный (volstrekt) порядок... Положительная сторона игры: она творит порядок, она есть порядок... Порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер. Малейшее отклонение от него расстраивает игру, лишает ее собственного характера и обесценивает...

...Элемент напряжения сообщает игровой деятельности, которая сама по себе лежит вне области добра и зла, вполне определенное эстетическое содержание...

...У каждой игры свои правила. Они диктуют, что будет иметь силу внутри отграниченного игрой временного мирка. Правила игры безусловно обязательны и не подлежат сомнению... Стоит нарушить правила, и все здание игры тотчас же рушится. Игра становится невозможной. Игра перестает существовать...

...Играть надо «честно, порядочно»...

Функция игры в ее высокоразвитых формах, о которых здесь идет речь, в подавляющем большинстве случаев может быть легко выведена из двух существенных аспектов, в которых она проявляется. Игра есть борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь. Обе эти функции без труда объединяются таким образом, что игра «представляет» борьбу за что-то либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит...

Культура как игра, а не культура из игры...

Под игровым элементом культуры здесь не подразумевается, что игры занимают важное место среди различных форм жизнедеятельности культуры. Не имеем мы в виду и того, что культура происходит из игры в результате процесса эволюции – в том смысле, что то, что первоначально было игрой, впоследствии переходит в нечто, игрой уже не являющееся, и что теперь может быть названо культурой... Культура возникает в форме игры, культура первоначально разыгрывается. И те виды деятельности, что прямо направлены на удовлетворение жизненных потребностей, как, например, охота, в архаическом обществе предпочитают находить себе игровую форму. Человеческое общежитие поднимается до супрабиологических форм, придающих ему высшую ценность, посредством игр. В этих играх общество выражает свое понимание жизни и мира. Стало быть, не следует понимать дело таким образом, что игра мало-помалу перестает или вдруг преобразуется в культуру, но скорее так, что культуре в ее начальных фазах свойственно нечто игровое, что представляется в формах и атмосфере игры. В этом двуединстве культуры и игры игра является первичным, объективно воспринимаемым, конкретно определенным фактом, в то время как культура есть всего лишь характеристика, которую наше историческое суждение привязывает к данному случаю...

...Игровой элемент в целом отступает по мере развития культуры на задний план. По большей части и в значительной мере он растворился, ассимилировался в сакральной сфере, кристаллизовался в учености и в поэзии, в правосознании, в формах политической жизни. При этом игровое качество в явлениях культуры уходило обычно из виду. Однако во все времена и всюду, в том числе и в формах высокоразвитой культуры, игровой инстинкт может вновь проявиться в полную силу, вовлекая как отдельную личность, так и массы в опьяняющий вихрь исполинской игры...

...Подлинная культура не может существовать без определенного игрового содержания, ибо культура предполагает известное самоограничение и самообладание, известную способность не видеть в своих собственных устремлениях нечто предельное и высшее, но рассматривать себя внутри определенных, добровольно принятых границ. Культура все еще хочет в известном смысле играть – по обоюдному соглашению относительно определенных правил. Подлинная культура требует всегда и в любом аспекте *a fair play* (честной игры); *a fair play* есть не что иное, как выраженный в терминах игры эквивалент порядочности. Нарушитель правил игры разрушает самую культуру. Для того чтобы игровое содержание культуры могло быть созидющим или подвигающим культуру, оно должно быть чистым. Оно не должно состоять в ослеплении или отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой. Оно не должно быть ложным сиянием, которым маскируется намерение осуществить определенные цели с помощью специально взращенных игровых форм. Подлинная игра исключает всякую пропаганду. Она содержит свою цель в самой себе. Ее дух и ее атмосфера – радостное воодушевление, а не истерическая взвинченность. Сегодня пропаганда, которая хочет завладеть каждым участником жизни, действует средствами, ведущими к истеричным реакциям масс, и поэтому, даже когда она принимает игровые формы, не может рассматриваться как современное выражение духа игры, но только как его фальсификация...

Хейзинга Й. *Homo ludens*. – М., 1992. – С. 7 – 240.

ЯСПЕРС Карл (1883 – 1969)

Німецький філософ. Виступав проти євроцентризму. Розробив категорії «осьовий час», «осьові народи». Виділив у світовій історії чотири гетерогенних періоди: 1) прометеївську епоху, 2) період великих культур стародавнього світу, 3) «осьовий час», 4) науково-технічна епоха.

Основні праці: «Джерела історії та її ціль» (1978), «Сучасна техніка» (1986), «Духовна ситуація часу» (1978) та ін.

ИСТОКИ ИСТОРИИ И ЕЕ ЦЕЛЬ

...Человечество имеет единые истоки и общую цель. Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими.

... Явление Сына Божьего есть ось мировой истории...

Между тем христианская вера – это лишь одна вера, а не вера всего человечества. Недостаток ее в том, что подобное понимание мировой истории представляется убедительным лишь верующему христианину...

Ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным – если не своей эмпирической неопровержимостью, то во всяком случае некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем...

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслители Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира.

Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались

самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохранила их взаимообусловленность, — все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные критерии, которыми мы мыслим и по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности.

Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия...

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец... Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ... Древний мифологический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона...

Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать одухотворением: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей...

Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе...

В спекулятивном мышлении он возносится до самого бытия...

Это — подлинный человек, который, будучи связан и скрыт плотью, скован своими влечениями, лишь смутно осознавая самого себя, стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире в порыве вознесения к идее... Человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия... он вступает на путь, пройти который он должен в качестве данной индивидуальности... В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

То, что достигается отдельным человеком, отнюдь не становится общим достоянием. В те времена дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика. Однако то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок...

Новому духовному миру соответствует определенное социальное устройство, аналогичные черты которого мы обнаруживаем во всех трех рассматриваемых областях...

Постоянное общение способствовало интенсивному духовному движению в каждом из трех миров. Китайские философы (Конфуций, Мо-цзы и другие) странствовали, чтобы встретиться друг с другом в знаменитых, благотворных для духовной жизни центрах... совершенно так же, как странствовали софисты и философы Эллады и как всю свою жизнь странствовал Будда.

Прежде духовное состояние людей было сравнительно неизменным, в нем, несмотря на катастрофы, будучи ограниченным по своему горизонту, все повторялось в незаметном и очень медленном духовном течении, которое не осознавалось и поэтому не познавалось. Теперь же, напротив, напряжение растет и становится основой бурного, стремительного движения...

Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые. История в ее целостности мыслится как последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъем. Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими...

Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно. И завершения достигнуто не было... Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни.

Завершение носит прежде всего политический характер. Почти одновременно в ходе завоевания насильственно создаются большие могущественные империи – в Китае (Цинь Ши-Хуанди), в Индии (династия Маурья), на Западе (эллинистические государства и Римская империя). Повсюду, возникая из руин, складывался прежде всего технически и организационно планомерный порядок.

Однако повсюду сохранилось воспоминание о духе предшествующей эпохи. Он стал образцом и объектом почитания. Его творения и великие люди стояли у всех перед глазами и определяли содержание обучения и воспитания...

Предполагалось, что сложившиеся в конце осевого времени мировые империи будут существовать вечно. Однако их стабильность была иллюзорной... В конечном итоге они также пришли в упадок и распались. Последующие тысячелетия принесли большие изменения. В этом аспекте гибель и возрождение великих империй составляли империю послеосевого времени, продолжали историю великих культур

древности, которая длилась много тысячелетий; однако различие заключалось в том, что возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение...

...Осевое время как бы проливает свет на всю историю человечества, причем таким образом, что вырисовывается нечто, подобное структуре мировой истории:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть... Все то, что существовало до осевого времени... воспринимается как нечто дремлющее, непробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некой своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания... Монументальность в религии, в религиозном искусстве и в соответствующих им огромных авторитарных государственных образованиях была для людей осевого периода предметом благоговения и восхищения, подчас даже образцом... но таким образом, что смысл этих образцов в новом восприятии совершенно менялся.

Так, идея империи, которая к концу осевого времени вновь обретает силу и в политическом отношении завершает этот период, заимствована у великих культур древности. Однако если первоначально эта идея была творческим принципом культуры, то теперь она становится принципом консервации и стабилизации гибнущей культуры...

2. Тем, что завершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспаляются идеями той эпохи...

3. Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю... Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении – единственном, имевшем осново-

полагающее значение. Первобытные народы в период, когда уже существует история, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время сокращается вплоть до того момента, когда она — и это происходит только теперь — полностью исчезает.

4. Между тремя сферами, о которых здесь идет речь, возможно — если они соприкасаются — глубокое взаимопонимание. Встречаясь, они осознают, что в каждой из них речь идет об одном и том же. При всей отдаленности они поражают своим сходством... То подлинное и безусловно истинное, чем мы, люди, черпая из различных источников, живем в нашей истории, соотносится друг с другом и распознается в разных культурах.

Все это можно резюмировать следующим образом: осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворятся в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отправляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до сего дня.

...В осевое время основным является именно общее в историческом развитии, прорыв к сохранившимся по сей день принципам человеческой жизни в пограничной ситуации. Здесь существенно именно то общее, что не возникает повсеместно на земном шаре как следствие человеческой природы, а исторически свойственно лишь этим трем внутри узкого пространства...

...Близость трех параллельных течений существует лишь в упомянутое время. Попытка провести эту параллель в последующие периоды... становится по мере удаления от осевого времени все более искусственной. Линии развития уже не параллельны, они расходятся. Если вначале они казались тремя путями, направленными к одной цели, то в дальнейшем они становятся совершенно чуждыми друг другу. Однако чем дальше мы отступаем вглубь, приближаясь к осевому времени, тем больше мы ощущаем родственность развития, тем ближе мы друг другу.

... В том, что следует за этим временем, можно подчас, несмотря на все увеличивающееся расхождение, обнаружить аналогии, признаки общего происхождения из родственных сфер, но прежней полноты исконной и подлинной смысловой общности уже нет.

Единственный допускающий такое сравнение параллелизм всемирно-исторического значения – это время возникновения великих культур древности – Египта, Месопотамии, долины Инда и Китая.

Однако это совпадение растягивается во времени на тысячелетия. Начало его датируется периодом от 5000 до 3000 г. до н.э. (Двуречье и Египет); к тому же времени относятся древнейшие археологические находки на Крите и в Трое. Начало культуры Китая и долины Инда относится к третьему тысячелетию.

С великими культурами древности можно сопоставить культуры Мексики и Перу, возникшие, по-видимому, в первом тысячелетии н.э. Здесь общее – высокая организация и развитая техника. В Египте, Двуречье, в долине Инда и в долине Хуанхэ в Китае возникают аналогичные по своему типу цивилизации с централизованным управлением и высокоразвитой организацией жизни.

Общий у них и магический характер религии без какого-либо философского освещения, без жажды спасения, без прорыва в свободу пограничных ситуаций, а также своеобразная статичность при наличии ярко выраженного стиля в произведениях искусства, в архитектуре и в пластическом искусстве.

Однако этот параллелизм отличается той точной синхронностью, которая характеризует осевое время: к тому же здесь речь может идти только о сходстве сложившихся типов, а не духовных движений. Параллелизм находит здесь свое выражение в поразительно стабильных условиях, аналогичным образом восстанавливающихся после разрушительных катастроф. Это – мир, составляющий промежуточное звено между едва доступной нашему взору доисторией и той стадией истории, которая уже не допускает духовной стабильности; мир, который стал основой осевого времени, но обрел свою гибель в нем и из-за него.

В чем причина этого? Если само наличие параллелизма в осевое время не вызывает сомнения, то возникает вопрос, в чем его причина. Почему в трех различных сферах независимо друг от друга происходит одно и то же?.. В осевом времени с его поразительным богатством духовного созидания, определившим всю историю человечества до наших дней, таится загадочность, особенность, в силу которой в трех сферах независимо друг от друга происходит аналогичное, однотипное развитие.

Тайна такой одновременности существовала... помимо осевого времени... еще в одном случае... – при возникновении великих культур древности. Вопрос гласит: почему из общего доисторического состояния народов в трех или четырех местах земного шара – в долинах Нила и Хуанхэ, в Месопотамии и Индии – развитие почти одновременно (с разницей, не превышающей два тысячелетия) привело к великим культурам древности?..

...Мы задаемся вопросом об исторической причине содержания осевого времени потому, что речь идет о пробуждении части человечества на небольших пространствах, а отнюдь не всех людей. Перед нами не развитие человечества в целом, а отрезок своеобразного извилистого исторического процесса...

...Никто не может полностью понять, что здесь произошло, как возникла ось мировой истории!..

Может создаться впечатление, будто... я хочу указать на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере... Я стремлюсь только опровергнуть удобное и по существу ничего не значащее толкование истории как постижимого и необходимого поступательного развития человечества...

...Поскольку в проявлении осевого времени существует тройная историческая модификация, оно как бы призывает нас к безграничной коммуникации. Способность видеть и понимать других помогает уяснить себе самого себя, преодолеть возможную узость каждой замкнутой в себе историчности, совершить прыжок вдаль...

...Возникновение культуры территориально охватывает лишь узкую полоску всей земной поверхности от Атлантического до Тихоокеанского побережья, от Европы через Северную Африку, Переднюю Азию до Индии и Китая. Эта полоска, составляющая в длину около четверти, в ширину – меньше двенадцатой части всей земной поверхности, содержит плодородную почву, разбросанную между пустынями, степями и горными кряжами. Все области, где возникли истоки высокой культуры, находятся внутри этой полосы. Вначале они независимы друг от друга; их творения распространяются, вступают в контакт друг с другом и вновь порывают связывающие их узы. Постоянное общение даже в этом поясе возникло поздно, но и тогда оно все время прерывалось; во всем своем объеме оно существует лишь несколько веков и создано европейцами.

Внутри необъятного пространства, заселенного людьми, область возникновения культуры очень мала. То же можно сказать и о времени ее существования...

...В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния в осевое время, с 800 по 200 г. до н.э., формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах – в Европе с ее поляризацией Востока и Запада, в Индии и Китае...

...В доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания.

Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями.

Второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и, быть может, приведет через образования, которые окажутся аналогичными организациям и

свершениям великих культур древности, к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека.

Между этими двумя дыханиями наблюдаются, однако, существенные различия. Находясь на стадии второго дыхания, начиная его, мы способны познать первое, другими словами, мы обладаем историческим опытом. Другая существенная разница: если период первого дыхания дробился на несколько параллельно развивавшихся островков цивилизации, то второе охватывает человечество в целом...

...Почти одновременно в трех областях земного шара возникают древнейшие культуры. Это, во-первых, шумеро-вавилонская и египетская культуры и эгейский мир с 4000 г. до н.э.; во-вторых, открытая в раскопках доарийская культура долины Инда третьего тысячелетия (связанная с Шумером); в-третьих, смутно сквозящий в воспоминаниях, оставивший скудные следы архаический мир Китая второго тысячелетия до н.э. (и, вероятно, еще более ранний).

...Однако этим высоким культурам неведом еще тот духовный переворот, который мы определили как осевое время, создавшее тип нового, современного человека. С названными культурами можно сопоставить американские культуры Мексики и Перу, расцвет которых, правда, относится к более поздним тысячелетиям. И этим культурам также недостает того, что еще до них дало нам осевое время. Они исчезли при одном только возникновении западной, выросшей из осевого времени культуры...

...Осевое время можно рассматривать как промежуточную фазу между двумя эпохами великих империй, как передышку, отданную свободе, как облегченный вздох в сфере наиболее ясного сознания...

Осевое время служит ферментом, связывающим человечество в рамках единой мировой истории. Осевое время служит масштабом, позволяющим нам отчетливо видеть историческое значение отдельных народов для человечества в целом.

Глубочайшее разделение народов определяется тем, как они относятся к великому прорыву осевого времени.

Мы различаем:

1. Осевые народы. Это те народы, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым заложив основу духовной сущности человека и его подлинной истории. К этим народам мы относим китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков.

2. К осевому времени еще относится период расцвета египетской и вавилонской культур, хотя и с несомненными признаками поздней стадии. Обе они не знали преобразующей человека рефлексии: не испытали метаморфозы, соприкасаясь с осевыми народами, и не реагировали на прорыв, который произошел вне сферы их непосредствен-

ного существования. Они остались, по существу, такими же, какими они были раньше в качестве предшествующих осевому времени культур, достигнув громадных успехов в области организации государственной и общественной жизни, в архитектуре, пластике и живописи, в создании своей магической религии. Однако все это происходило уже на стадии медленного умирания. Будучи в своем внешнем существовании подчинены новым силам, эти народы утратили и свою внутреннюю культуру, которая в каждом отдельном случае перерождалась: в Месопотамии – в персидскую, а затем в сасагадскую культуру и ислам; в Египте – в римскую и христианскую, позже в ислам.

Обе названные выше культуры – египетская и вавилонская – обладали всемирно-историческим значением, ибо, воспринимая их, отталкиваясь и отстраняясь от них, углубляясь в соприкосновении с ними, утверждалась как культура иудеев, так и культура греков, заложивших основы Западного мира.

Древние культуры были вскоре почти полностью забыты и вновь открыты только в наше время. Они потрясают нас своей грандиозностью, но вместе с тем остаются нам чуждыми – нас разделяет пропасть, разверзшаяся между нами из-за того, что они остались вне совершившегося прорыва. Китайцы и индийцы нам бесконечно более близки, чем египтяне и вавилоняне. Величие египетских и вавилонских творений в своем роде неповторимо. Однако все то, что нам понятно и близко, возникает в новую эру, созданную прорывом. В исчезнувших впоследствии подходах мы видим, особенно в Египте, удивительное предвосхищение, как будто ожидание близости прорыва, который так и не состоялся...

3. Последующие народы. Все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые – исторические народы; вторые – народы первобытные.

...В трех великих культурных кругах появляются новые народы: на Западе – германцы и славяне, в Восточной Азии – японцы, малайцы, сиамцы; они в свою очередь создают новые образования. Однако создавали они их в борьбе с воспринятой ими культурой, посредством ее усвоения и преобразования...

...После того как совершился прорыв осевого времени и сформировавшийся в нем дух стал посредством своих идей, творений, образов доступен каждому, кто был способен слышать и понимать, когда стали ощутимы безграничные возможности, все последующие народы становятся историческими в зависимости от степени интенсивности, с которой они отзываются на совершившийся прорыв, и от глубины, на которой он ими ощущается.

Великий прорыв служит как бы неким посвящением человечества в тайну неизведанных возможностей. Любое соприкосновение с ним –

и впоследствии – носит характер нового посвящения. С этого момента в процессе собственно исторического развития участвуют только посвященные люди и народы...

...Для осевого времени и последующих тысячелетий истории Запада особое значение имели сложившиеся на индогерманской основе культуры. Эти культуры – индийцев, греков, германцев, а также кельтов, славян и поздних персов – обладают общими чертами: они создали легенды о героях и эпос, открыли, оформили и осмыслили трагедийность... То, что было создано в Индии, Персии и Греции, было одним из факторов, обусловивших характер осевого времени...

...Западный мир ощущает полярность между Востоком и Западом не только как отличие себя от некоего другого, находящегося вне его, но несет эту полярность в самом себе...

ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В КАЧЕСТВЕ ОСИ. Для западного сознания ось истории – Христос.

Христианство, христианская церковь является, быть может, самой великой и возвышенной формой организации человеческого духа, которая когда-либо существовала. Из иудейства сюда перешли религиозные импульсы и предпосылки (для истории Иисус – последний в ряду иудейских пророков, осознающий свою связь с ними); от греков – философская широта, ясность и сила мысли, от римлян – организационная мудрость в сфере реального. Из всего этого возникает некая целостность, которую никто не предвидел заранее; с одной стороны, удивительно сложный конечный результат в синкретическом мире Римской империи, с другой – целое, движимое новыми религиозными и философскими концепциями... Христианская церковь оказалась способной соединить даже самое противоречивое, вобрать в себя все идеалы, считавшиеся до той поры наиболее высокими, и надежно хранить их в виде нерушимой традиции...

...Итальянский Ренессанс рассматривал себя как возрождение античности, немецкая Реформация – как возрождение христианства. И действительно, то и другое привело со временем к возрождению глубокого постижения оси мировой истории. Однако они были также, и это прежде всего, эпохами изначального создания новой западной культуры, которое началось еще до этого возрождения и шло со все возрастающей силой. Тот период мировой истории – 1500 – 1830 гг., – который на Западе характеризуется большим числом выдающихся личностей, творениями непреходящей ценности в области поэзии и изобразительного искусства, глубочайшими религиозными порывами, наконец, открытиями в области науки и техники, следует считать непосредственной предпосылкой нашей духовной жизни.

...Безусловная уверенность в том, что мировая история ограничена замкнутой сферой западноевропейской культуры, сломлена. Мы уже не можем игнорировать огромный мир Азии как область неистори-

ческих народов и вечного бездействия. Мировая история универсальна. И если сузить ее рамки, образ человека будет неполным и искаженным...

Азию рассматривают как воплощение некоего мифического принципа, который в ходе реалистического анализа распадается, переставая быть исторической реальностью. Противопоставление Европы и Азии не следует метафизически гипостазировать... В качестве мифологического образа оно в момент решения может служить шифром, полезным лишь в том случае, если является знаком чего-то исторически конкретного и духовно ясного и не мыслится как познание целого. И таким шифром, проходящим сквозь всю историю Запада, является противопоставление Азия – Европа.

...Вся история человечества делится на три последовательно сменяющие друг друга фазы: доисторию, историю и мировую историю.

1. Длительный период доистории охватывает время становления человека – от возникновения языка и рас до начала исторических культур. Здесь мы соприкасаемся с тайной человеческой сущности, осознаем неповторимость существования человека на Земле, перед нами встает вопрос о нашей свободе...

2. История охватывает события приблизительно пятитысячелетней давности в Китае, Индии, на Ближнем Востоке и в Европе.

С Европой следует сопоставить Китай и Индию, но не Азию в целом как географическое понятие.

Здесь складываются сначала великие культуры древности: шумерская, египетская, эгейская, культура доарийской Индии, культура долины Хуанхэ.

Затем в результате завоеваний возникали новые культуры. Они формировались во взаимодействии победителей и побежденных, в ходе восприятия победителями преднайданных исконно существовавших культур...

Всем этим географически сравнительно небольшим областям противостояли изолированные культуры Мексики и Перу, а также разбросанные по всему земному шару первобытные народы, сохранившие до соприкосновения с европейцами в эпоху великих географических открытий все многообразие своих примитивных культур.

3. С возникающего в наши дни глобального единства мира и человечества фактически начинается универсальная история земного шара, мировая история. Ее подготовила эпоха великих географических открытий, начало ее относится к нашему времени.

Членение внутри этих фаз существенно отличается друг от друга.

Первая фаза... доступна нашему восприятию только как параллельное существование безмерно различных людей и многообразных явлений природы. Здесь, вероятно, была общность владения и одно-

типность мышления, обусловленные свойствами человеческой природы, а не историческими условиями...

Членение второй фазы отправляется от прорыва, который является по своему значению осевым временем истории. К нему и от него идут все пути.

Третья фаза еще в значительной степени относится к будущему...

Дальнейшее членение на три фазы состоит в следующем:

1. В первой фазе все происходящее близко тому, что бессознательно происходит в природе. Доисторические или неисторические народы... живут в сфере фактической общности языка и культуры... Непосредственный и сознательный контакт между людьми ограничивается обычно самой узкой сферой при абсолютной разбросанности их существования. Фактический же контакт, происходящий посредством распространения достижений цивилизации, охватывает обширные пространства, иногда даже весь земной шар, но без ведома людей.

В доисторический период существуют культурные процессы, которые в некоторых случаях... как бы являют собой зародыши того, что впоследствии найдет свое место в исторических культурах. Различие заключается в том, что эти процессы не достигают фазы истории и при соприкосновении с движением исторических народов быстро приходят в упадок; сами по себе они достигают поразительных свершений, однако они как бы скованы природным существованием людей и постоянно близки к тому, чтобы опять погрузиться в него. Культуры первобытных народов были распространены по всему земному шару...

2. Во второй фазе развертывание немногих великих культур идет – несмотря на ряд случайных соприкосновений – параллельно. Это – отдельные истории.

Единство этих исторических процессов не более чем идея; ни в какой степени нельзя считать, что все становится повсюду известным, повсюду оказывает свое воздействие. Напротив: самое высокое и значительное остается ограниченным рамками узкого пространства времени. Оно расцветает, погибает и... забывается. Здесь нет никакой уверенности в том, что оно будет сохранено и передано другим поколениям. Правда, в сфере каждой данной культуры как будто охраняется последовательность традиций. Культура распространяется и живет, но вскоре достигает той границы, за которой следует упадок и гибель.

И все-таки в определенных, относительно небольших областях того шара возникает универсальная по своему духовному озарению сфера всеобщей истории...

Развитие расчленяется. Мы видим процессы, охватывающие несколько веков и составляющие одно целое в последовательности их

стадий – от расцвета до завершения в поздний период развития. Мы видим типичную смену поколений, которые в своей совокупности охватывают почти столетие (распространение, завершение, упадок). Видим подчас, быть может, и шпенглеровский тысячелетний процесс.

Однако движение все продолжается. Нет ни непрерывных поздних стадий, ни бесконечного «существования феллахов», ни полного око-стенения. Новое, изначальное постоянно пробивается на поверхность и в Китае, и в Индии.

Напрасно делались попытки охватить ход истории в целом... Подобные схемы значимы лишь под определенным углом зрения для небольших пространств, да и то с известными ограничениями.

Мир Передней Азии и Европы противостоит в качестве относительной целостности двум другим мирам – Индии и Китая. Запад являет собой взаимосвязанный мир – от Вавилона и Египта до наших дней. Однако со времен греков внутри этой культурной сферы Запада произошло внутреннее разделение на Восток и Запад, на Восточный и Западный мир...

3. В третьей фазе выступает единство целого, за пределы которого вследствие его окончательной пространственной замкнутости выйти уже невозможно. Предпосылкой здесь служит реализованная возможность всемирного общения. Эта фаза – ...предвосхищение грядущих возможностей...

Замечательные духовные творения Европы 1500 – 1800 гг., перед которыми блекнут достижения науки и техники, – творения Микеланджело, Рафаэля, Леонардо, Шекспира, Рембрандта, Гёте, Спинозы, Канта, Баха, Моцарта – заставляют нас сопоставить европейскую культуру с осевым временем две с половиной тысячи лет тому назад. Следует ли видеть в этом более близком нам времени вторую ось истории человечества?

Различие здесь значительно. Чистота и ясность, непосредственность и свежесть первого осевого времени здесь не повторяются. Слишком сильно теперь все подчинено власти неумолимых традиций, и на каждом шагу общество попадает в тупик, откуда, как бы невзирая на это, одинокие в своем величии люди находят путь к поразительным свершениям. Однако эта вторая ось обладает такими возможностями, которых не знала первая. Поскольку она могла перенимать опыт, усваивать идеи, она с самого начала и многозначнее и богаче. Именно в ее разорванности открылись глубины человеческой природы, до той поры никому не видимые. Преимущество этой второй оси объясняется тем, что она, находясь в континууме развития и будучи вместе с тем изначальной, возвышаясь над тем, что уже было создано в период первой оси, обладала большим горизонтом и достигала большей широты и глубины. Однако ей следует присудить второе место, поскольку она не питалась только своими соками, подвергалась сильным ис-

кажениям и извращениям и терпела их. Она – наша непосредственная историческая основа... И прежде всего она – чисто европейское явление и уже по одному тому не может считаться второй осью.

Для нас, европейцев, те века – самые значительные, они составляют непреложный фундамент нашей культуры, самый богатый источник наших взглядов и представлений; однако они не могут иметь значение оси для всего мира, для всего человечества и маловероятно, чтобы могли стать таковой в будущем. Совсем иной осью станет деятельность европейцев, основанная на успехах науки и техники, которые достигаются тогда, когда духовная и душевная жизнь Запада уже клонится к упадку и сталкивается с Китаем и Индией, достигшим низшей точки в своем духовном и душевном развитии...

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 28 – 287.

ХАЙДЕГГЕР Мартін (1889 – 1976)

Німецький філософ. Відіграв вирішальну роль у становленні екзистенціалізму. Розглядав техніку як рушійну силу історії. На його думку за умов сучасного ставлення до мови як до знаряддя вона технізується, стає засобом передачі інформації і умирає як «дійсна мова», я «мовлення». Тільки мова, поезія, мистецтво як сховище буття дають людині «захищеність» і «надійність».

Основні праці: «Буття і час» (1927), «Питання про техніку» (1953) «Час і буття» (1962), «Мистецтво і простір» (1969).

Вопрос о технике

<...>Техника не то же, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев.

Точно так же и сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы потому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще по-рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное, такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу.

...Мы ставим вопрос о технике, когда спрашиваем, что она такое. Каждому известны оба суждения, служащие ответом на такой вопрос:

Одно гласит: техника – есть средство для достижения целей. Другое гласит: техника – есть известного рода человеческая деятельность. Оба определения техники говорят об одном. В самом деле, ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения – есть человеческая деятельность. К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым все это служит. Совокупность подобных орудий – есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински *instrumentum*.

Примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники.

Кому вздумается отрицать его правильность? Оно явно угадывает то, что сразу бросается в глаза, когда говорят о технике. Более того, страшная правильность инструментального определения техники такова, что оно годится даже для современной техники, относительно которой, между прочим, не без основания утверждают, что по сравнению со старой ремесленной техникой она представляет собой нечто совершенно иное и потому новое. Электростанции со своими турбинами и генераторами – тоже изготовленное человеком средство, служащее поставленной человеком цели. И реактивный самолет, и высокочастотная установка тоже средства для достижения целей. Разумеется, радиолокационная станция не так проста, как флюгер. Разумеется, постройка высокочастотного агрегата требует сочетания разнообразных операций промышленно-технического производства. Разумеется, лесопильня в заброшенной швейцарской долине примитивное средство в сравнении с гидроэлектростанцией на Рейне.

И все-таки верно: современная техника тоже средство для достижения целей. Недаром инструментальным представлением о технике движимы все усилия поставить человека в должное отношение к технике. Все нацелено на то, чтобы надлежащим образом управлять техникой как средством. Хотят, что называется, «утвердить власть духа над техникой». Хотят овладеть техникой. Это желание овладеть становится все более настойчивым, по мере того как техника все больше грозит вырваться из-под власти человека.

...Верное инструментальное определение техники, таким образом, еще не раскрывает нам ее сущности. Чтобы добраться до нее или хотя бы приблизиться к ней, мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного...

...Инструментальность считается основной чертой техники. Шаг за шагом спрашивая, что такое собственно техника как средство, мы приходим к раскрытию потаенного. Здесь заложена возможность всякого поставляющего изготовления.

Итак, техника – не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины.

Открывающаяся тут перспектива кажется нам отчуждающе странной. Так и должно быть, должно быть как можно дольше и тревожить нас, чтобы мы в конце концов всерьез отнеслись к простому вопросу: о чем же говорит слово «техника». Это слово идет из греческого языка, что значит: относящийся к Τεχνη. Относительно смысла этого слова мы должны обратить внимание на две вещи. Во-первых, Τεχνη – название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств. Такая Τεχνη относится к про-из-ведению, к ποιησις, она – есть нечто «поэтическое».

Второе, о чем надо вспомнить в отношении слова Τεχνη еще важнее. С самых ранних веков вплоть до эпохи Платона слово Τεχνη стоит рядом со словом «επιστημη». Оба слова именуют знание в самом широком смысле. Они означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно – есть раскрытие потаенности. В специальном трактате («Никомахова этика» VI, гл. 3 и 4) Аристотель проводит различие между «επιστημη» и Τεχνη. Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности соответственно четырем видам «повода». Это раскрытие потаенного заранее собирает образ и материал корабля и дома воедино в свете предвидимой законченности готовой вещи и намечает исходя отсюда способ ее изготовления. Решающая суть Τεχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, Τεχνη и оказывается про-из-ведением.

Так, замечание о том, что говорит нам слово Τεχνη и как греки определяли сказанное в нем, ведет нас к тому же кругу обстоятельств, на который мы натолкнулись, разбирая вопрос об истинной сущности инструментальности как таковой.

...Царящее в современной технике раскрытие потаенного – есть производство, ставящее перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую. А что, разве нельзя того же сказать о старой ветряной мельнице? Нет. Правда, ее крылья вращаются от ветра, они непосредственно отданы его дуновению. Но ветряная мельница не извлекает из воздушного потока никакой энергии, чтобы сделать из нее запасы...

Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким образом, что таящаяся в природе

энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование – виды выведения из потаенности. Это выведение, однако, не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими. Управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются даже главными чертами производящего раскрытия...

...Естественнонаучный способ представления исследует природу как поддающуюся расчету систему сил. Современная физика не потому экспериментальная наука, что применяет приборы для установления фактов о природе, а наоборот: поскольку физика, причем уже в качестве чистой теории, заставляет природу заставлять себя как расчетно-предсказуемую систему сил, постольку ставится эксперимент, а именно для установления того, дает ли и как дает о себе знать представленная таким способом природа...

Физическая теория природы Нового времени приготовила путь, прежде всего не технике, а существу современной техники. Ибо захватывающая сосредоточенность на поставляющем раскрытии потаенного царит уже в физике. Она только не выступает еще в ней на передний план в своем собственном облике. Физика Нового времени – это еще не познанный в своих истоках ранний вестник постава. Существо современной техники еще долго останется потаенным даже тогда, когда уже изобретут разнообразные двигатели, разовьют электротехнику и двинут в ход атомную бомбу.

Все сущностное, а не только существо современной техники, вообще всего дольше остается потаенным. И все равно по размаху своей власти оно останется тем, что предшествует всему: самым ранним. Об этом уже знали греческие мыслители, когда говорили: то, что правит первыми началами вещей, нам, людям, открывается лишь позднее. Изначально раннее показывает себя человеку лишь в последнюю очередь. Поэтому в сфере мысли усилия еще глубже продумать ранние темы мысли – это не вздорное желание обновить прошлое, а трезвая готовность удивляться будущему характеру раннего.

По историческому счету времени начало современного естествознания приходится на XVII век. Машинная техника, напротив, развивается только со второй половины XVIII века. Но более позднее для исторической фактографии – современная техника – по правящему в ней существу есть более раннее событие...

Существо современной техники таится в поставе. Последний повинуется миссии раскрытия потаенности. Эти фразы говорят нечто

другое, чем часто слышимые речи о технике как судьбе нашей эпохи, где судьба означает неизбежность неотвратимого хода вещей.

Думая о существовании техники, мы осмысливаем постав как посланность на путь раскрытия потаенного. Тем самым мы уже вступили в свободный простор исторической посланности, которая никоим образом не навязывает нам тупого фатализма слепых служителей или, что сводится к тому же, бессильных бунтарей против техники, проклинающих ее как дело дьявола. Наоборот, по-настоящему открыв себя существом техники, мы неожиданно обнаруживаем, что захвачены освободительной ответственностью.

Существо техники покоится в поставе. Его власть отвечает судьбе исторического бытия. Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности, а значит, приближается к тому, что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, все измеряя его мерой. Тем самым закрывается другая возможность – что человек все раньше, глубже и изначальнонее будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо...

Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство поставы грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины...

В качестве сущности техники поставы есть нечто пребывающее. Но пребывает ли он еще и в смысле *о-существляющего*, дающего чему-то пребывать в своем существе? Уже сам вопрос кажется явным промахом. Ведь согласно всему сказанному выше поставы есть миссия, сосредоточивающаяся на добывающе-производящем раскрытии сокрытого. Добыча – всего что угодно, только не осуществление! Так кажется, пока мы не обращаем внимания на то, что захваченность поставлением действительного как состоящего в наличии – это в конечном итоге тоже миссия, посылающая человека на один из путей раскрытия потаенности. В качестве этой миссии существо техники дает человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует...

Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М., 1993. – С.221 – 236.

ВЕРНАДСЬКИЙ Володимир Іванович (1863 – 1945)

Засновник генетичної мінералогії, геохімії, біогеохімії, творець цілісної філософії Всесвіту. Перший президент Академії наук України. Розробив учення про ноосферу.

Основні думки про ноосферу викладено в праці «Декілька слів про ноосферу» (1944).

Несколько слов о ноосфере

Мы приближаемся к решающему моменту во второй мировой войне. Она возобновилась в Европе после 21- годового перерыва, в 1939 г., и длится в Западной Европе пять лет, а у нас, в Восточной Европе, три года. На Дальнем Востоке она возобновилась раньше – в 1931 г. – и длится уже 13 лет.

В истории человечества и в биосфере вообще война такой мощности, длительности и силы – *небывалое явление*. К тому же ей предшествовала тесно с ней связанная причинно, но значительно менее мощная первая мировая война с 1914 по 1918 г...

С точки зрения натуралиста (а думаю, и историка) можно и должно рассматривать исторические явления такой мощности, как единый большой земной *геологический*, а не только *исторический* процесс.

Первая мировая война... изменила в корне мое *геологическое миропонимание*.

В атмосфере этой войны я подошел в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы – к геохимическому и к биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения...

Подходя геохимически и биогеохимически к изучению геологических явлений, мы охватываем всю окружающую нас природу в одном и том же атомном аспекте. Это как раз бессознательно для меня – совпало с тем, что, как оказалось теперь, характеризует науку XX в. и отличает ее от прошлых веков. XX век есть век научного атомизма...

В связи со всем этим в явления жизни я ввел вместо понятия «жизнь» понятие «живого вещества», сейчас, мне кажется, прочно утвердившегося в науке. «Живое вещество» есть совокупность живых организмов. Это не что иное, как научное, эмпирическое обобщение всем известных и легко и точно наблюдаемых бесчисленных, эмпирически бесспорных фактов.

Понятие «жизнь» всегда выходит за пределы понятия «живое вещество» в области философии, фольклора, религии, художественного творчества. Это все отпало в «живом веществе».

В гуще, в интенсивности и в сложности современной жизни человек практически забывает, что он сам и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой – с определенной частью планеты, на которой они живут. Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой.

В общежитии обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю. До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы той земной оболочки, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться.

В действительности ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны – прежде всего питанием и дыханием – с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее в природных условиях они существовать не могут...

Человечество как живое вещество неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее *биосферой*. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту.

Понятие «биосферы», т.е. «области жизни», введено было в биологию Ламарком (1744 – 1829) в Париже в начале XIX в., а в геологию Э. Зюссом (1831 – 1914) в Вене в конце того же века. В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как *планетное явление космического* характера.

В биогеохимии нам приходится считаться с тем, что жизнь (живые организмы) реально существует не только на одной нашей планете, не только в земной биосфере. Это установлено сейчас, мне кажется, без сомнений пока для всех так называемых земных планет, т.е. Венеры, Земли и Марса...

В архивах науки, в том числе и нашей, мысль о жизни как о космическом явлении существовала уже давно. Столетие назад, в конце XVII в., голландский ученый Христиан Гюйгенс (1629 – 1695) в своей предсмертной работе, в книге «Космотеорос», вышедшей в свет уже после его смерти, научно выдвинул эту проблему. Книга эта была дважды, по инициативе Петра I, издана на русском языке под заглавием «Книга мирозрения» в первой четверти XVIII в. Гюйгенс в ней установил научное обобщение, что «жизнь есть космическое явление, в чем-то резко отличное от косной материи». Это обобщение я назвал недавно «принципом Гюйгенса».

Живое вещество по весу составляет ничтожную часть планеты. По-видимому, это наблюдается в течение всего геологического времени, т.е. геологически вечно...

В ходе геологического времени оно закономерно изменяется морфологически. История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому, без перерыва...

Эволюционный процесс присущ только живому веществу. В косном веществе нашей планеты нет его проявлений. Те же самые минералы и горные породы образовывались в криптозойской эре, какие образуются и теперь. Исключением являются биокосные природные тела, всегда связанные так или иначе с живым веществом.

Изменение морфологического строения живого вещества, наблюдаемое в процессе эволюции, в ходе геологического времени, неизбежно приводит к изменению его химического состава. Этот вопрос сейчас требует экспериментальной проверки...

Если количество живого вещества теряется перед косной и биокосной массами биосферы, то биогенные породы (т.е. созданные живым веществом) составляют огромную часть ее массы, идут далеко за пределы биосферы...

Младшие современники Ч. Дарвина – Д.Д. Дана (1813 – 1895) и Д. Ле Конт (1823 – 1901) – два крупнейших североамериканских геолога... – выявили еще до 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении.

Это явление было названо Дана *цефализацией*, а Ле Контом – *психозойской эрой*...

...В XVIII в. Уже Бюффон (1707 – 1788) говорил о царстве человека, в котором он живет, основываясь на геологическом значении человека.

Эволюционная идея была ему чужда. Она была чужда и Л. Агассицу (1806 – 1873), введшему в науку идею о ледниковом периоде. Агассиц жил уже в эпоху бурного расцвета геологии. Он считал, что геологически наступило царство человека, но из богословских представлений высказывался против эволюционной теории. Ле Конт указывает, что Дана, стоявший раньше на точке зрения, близкой к Агассицу, в последние годы жизни принял идею эволюции в ее тогда обычном, дарвиновском понимании. Разница между представлениями о психозойской эре Ле Конта и цефализацией Дана исчезла...

Дана указал, что в ходе геологического времени, говоря современным языком, т.е. на протяжении двух миллиардов лет по крайней мере, а наверное много больше, наблюдается (скачками) усовершенствование – рост – центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дана, и от моллюсков (головоногих) и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень мозга (центральной

ной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед.

Исходя из геологической роли человека, А.П. Павлов (1854 – 1929) в последние годы своей жизни говорил об антропогенной эре, нами теперь переживаемой. Он не учитывал возможности тех разрушений духовных и материальных ценностей, которые мы сейчас переживаем вследствие варварского нашествия немцев и их союзников, через десять с небольшим лет после его смерти, но он правильно подчеркнул, что человек на наших глазах становится могучей геологической силой, все растущей.

Эта геологическая сила сложилась геологически длительно, для человека совершенно незаметно. С этим совпало изменение (материальное прежде всего) положения человека на нашей планете.

В XX в. впервые в истории Земли человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земли, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым. Нет ни одного клочка Земли, где бы человек не мог прожить, если бы это было ему нужно... Перелеты и перевозки достигли скорости нескольких сотен километров в час, и на этом они еще не остановились. Все это результат цефализации Дана (1856), роста человеческого мозга и направляемого им его труда.

В ярком образе экономист Л. Брентано иллюстрировал планетную значимость этого явления. Он подсчитал, что, если бы каждому человеку дать один квадратный метр и поставить всех людей рядом, они не заняли бы даже всей площади маленького Боденского озера на границе Баварии и Швейцарии. Остальная поверхность Земли осталась бы пустой от человека. Таким образом, все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом. В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление.

Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей – *Homo sapiens* и его геологических предков *Sinanthropus* и др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас – любым образом среди них всех – развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это закон природы. Все расы между собой скрещиваются и дают плодовитое потомство...

Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о

перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера».

В 1922 – 1923 гг. на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки геохимии».

Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Е. Леруа в своих лекциях в Колледж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой... Он подчеркивал при этом, что он пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом, работающим теперь в Китае.

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету.

Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменить материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен. Его поставил впервые, сколько я знаю, американский ученый, родившийся во Львове, математик и биофизик Альфред Лотка. Но решить его он не смог.

Как правильно сказал некогда Гёте (1749 – 1832), не только великий поэт, но и великий ученый, в науке мы можем знать только, как произошло что-нибудь, а не почему и для чего...

Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды.

В результате роста человеческой культуры в XX в. все более резко стали меняться (химически и биологически) прибрежные моря и части Океана.

Человек должен теперь принимать все больше и больше меры к тому, чтобы сохранить для будущих поколений никому не принадлежащие морские богатства. Сверх того, человеком создаются новые виды и расы животных и растений.

В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет. В настоящее время мы не можем не

считаться с тем, что в переживаемой нами великой исторической трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере.

Историк и государственный деятель только подходят к охвату явлений природы с этой точки зрения.

Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах.

Приведу несколько примеров. Пятьсот миллионов лет тому назад, в кембрийской геологической эре, впервые в биосфере появились богатые кальцием скелетные образования животных, а растений – больше двух миллиардов лет тому назад. Это кальциевая функция живого вещества, ныне мощно развитая, была одной из важнейших эволюционных стадий геологического изменения биосферы.

Не менее важное изменение биосферы произошло 70 – 110 млн. лет тому назад, во время меловой системы и особенно третичной. В эту эпоху впервые создались в биосфере наши зеленые леса, всем нам родные и близкие. Это другая большая эволюционная стадия, аналогичная ноосфере. Вероятно, в этих лесах эволюционным путем появился человек около 15 – 20 млн. лет тому назад.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993. – С. 303—310.

ШПЕНГЛЕР Освальд (1880 – 1936)

Німецький філософ, культуролог. Стверджував, що не існує стадійного розвитку культури, а є лише коловорот локальних культур. Протиставив поняття «культура» і «життя». Під культурою розумів зовнішній прояв внутрішнього складу душі народу, прагнення колективної душі до самовираження. Вважав цивілізацію заключним етапом розвитку кожної культури.

Основні культурологічні ідеї викладено в працях: «Занепад Європи» (1923), «Людина і техніка» (1932).

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Существует ли логика истории? Существует ли по ту сторону всего случайного и не поддающегося учету в отдельных событиях некая, так сказать, метафизическая структура исторического человечества, принципиально независимая от повсеместно зримых, популярных, духовно-политических строений поверхностного плана? Скорее сама вызывающая к жизни эту действительность более низкого ранга? Не

предстают ли общие черты всемирной истории понимающему взору в некоем постоянно возобновляющемся гештальте, позволяющем делать выводы? И если да, – то где лежат границы подобных злоключений? Возможно ли в самой жизни... отыскать ступени, которые должны быть пройдены, и притом в порядке, не допускающем исключений? Имеют ли основополагающие для всего органического понятия «рождение», «смерть», «юность», «старость», «продолжительность жизни» и в этом круге некий строгий и никем не вскрытый смысл? Короче, не лежат ли в основе всего исторического процесса черты, присущие индивидуальной жизни?

Закат Запада – феномен, прежде всего ограниченный в пространстве и времени, как и соответствующий ему закат античности, оказывается, по всей очевидности, философской темой, которая... заключает в себе все великие вопросы бытия.

Чтобы уяснить себе, в каких образах протекает угасание западной культуры, необходимо сперва исследовать, что такое культура, в каких отношениях она находится к видимой истории, к жизни, к душе, к природе и к духу, в каких формах она обнаруживается и насколько эти формы – народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и произведения искусства, науки, права, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события – сами являются символом и, как таковые, подлежат толкованию.

Средством для понимания мертвых форм служит математический закон. Средство для уразумения живых форм – аналогия... Сравнения... вскрывают органическую структуру совершающегося...

Мир как история, понятый, наблюденный и построенный на основании его противоположности, мира как природы, – вот новый аспект бытия, которого до настоящего времени никогда не применяли, который смутно ощущали, часто угадывали, но не решались проводить со всеми вытекающими из него выводами. Перед нами два различных способа, при помощи которых человек может подчинить себе, пережить свой окружающий мир. Я с полной резкостью отделяю по форме, а не по материалу... область применения хронологического числа от области применения числа математического...

Видимая история только выражение, знак, принявшая формы душевная стихия... Кому известно, что существует глубокая общность форм между дифференциальным исчислением и динамическим государственным принципом эпохи Людовика XIV, между государственным устройством античного полиса и Эвклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства при помощи железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и экономической системой кредита?..

То обстоятельство, что, кроме необходимости причины и действия – я назову ее логикой пространства, – в жизни существует еще необходимость судьбы – логика времени, – являющаяся фактом глубочайшей внутренней достоверности, который направляет мифологическое, религиозное и художественное мышление и составляет ядро и суть всей истории в противоположность природе, но в то же время не поддается формам познания... – это обстоятельство еще не проникло в область рассудочной формулировки...

Природа есть образ, в котором человек высокой культуры придает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств. История – это образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углубленную действительность. Способен ли он справиться с этими образами и который из них больше властен над его бодрствующим сознанием – вот в чем основной вопрос всякого человеческого существования.

Из этого вытекают две *возможности* человеческого миротворчества. Ясно, что они не обязательно являются действительностями. Если мы намерены в дальнейшем заниматься вопросом о смысле всякой истории, то сначала предстоит решить другой вопрос... Для кого возможна история? Вопрос кажется парадоксальным. Конечно, для всякого, поскольку всякий является членом и элементом истории. Но следует иметь в виду, что как история, так и природа – и то и другое есть комплекс явлений – предполагает дух, через который и в котором они становятся действительностью. Без субъекта невозможен и объект... Твердо установлено, что земля и солнце, природа, пространство, вселенная – все это личные переживания, причем их существование в определенном виде зависит от человеческого сознания. Но то же самое справедливо и по отношению к исторической картине мира, к миру становящемуся, а не покоящемуся; и если даже знать, что она такое, все же еще неизвестно, для кого она является существующей. Конечно, не для «человечества». Это наше западноевропейское ощущение, но мы не человечество. Конечно, не только для первобытного человека, но и для человека некоторых высоких культур, не существовало никакой всемирной истории, никакого мира как истории. Мы все знаем, что в нашем детском миропонимании сначала возникают представления о природе и причинности и только много позднее исторические представления, как, например, определенное чувство времени. Слово «даль» получает для нас раньше определенное значение, чем слово «будущее». Что же произойдет, если целая культура, целый высокий душевный мир строится в таком не знающем истории духе. Как должна ему рисоваться действительность? Мир? Жизнь? Если учесть, что в сознании элина все прожитое, не только свое личное прошлое, но и всякое другое, немедленно превращалось в миф, т.е.

трироду, во вневременное, неподвижное, неизменяющееся настоящее, в такой мере, что история Александра Великого для античного понимания еще при его жизни начинала сливаться с легендой о Дионисе и что Цезарь в своем происхождении от Венеры не видел ничего противного разуму, то приходится признать, что для нас, западных европейцев с сильно развитым чувством расстояний во времени, почти невозможно вжиться в такой душевный склад, но что, с другой стороны, мы не имеем никакого права заниматься проблемой истории, просто игнорировать этот факт.

Значение, какое для отдельного человека имеют дневники, автобиографии, исповеди, имеет для души целой культуры историческое исследование в самом широком значении этого понятия, даже в том случае, если оно посвящено разного рода психологическим изысканиям о чужих народах, временах и нравах. Но античная культура не обладала памятью в этом специфическом значении, не имела никакого исторического органа. Память античного человека – при этом мы, конечно, бесцеремонно присваиваем чуждой нам душе понятие, заимствованное из нашего душевного склада, – представляет собой нечто совсем другое, так как в его сознании не существует прошедшего и будущего в качестве упорядочивающей перспективы, и все оно полно в совершенно непостижимой для нас степени «настоящим»... Это настоящее в чистом виде, величайший символ которого есть дорическая колонна, действительно есть отрицание времени (направления). Для Геродота и Софокла, а также для Фукидида и какого-нибудь римского консула прошедшее тотчас же испаряется и превращается в покоящееся вне времени впечатление полярного, не периодического строения, – так как в этом заключается смысл одухотворенного мифотворчества, – в то время как для нашего мироощущения и внутреннего взора оно является периодическим, ясно расчлененным, направленным к одной цели организмом, составленным из столетий и тысячелетий. Вот этот-то фон и дает как античной, так и западноевропейской жизни их специфическую окраску. То, что греки называли «космосом», было картиной мира, не становящегося, а пребывающего. Следовательно, сам грек был человеком, который никогда не становился, а всегда пребывал.

Поэтому хотя античный человек очень хорошо знал точную хронологию, календарное летоисчисление и, больше того, в сфере вавилонской и египетской культуры имел перед собой живое ощущение вечности и ничтожности настоящей минуты, выражающееся в величественных наблюдениях над звездами и точных измерениях громадных промежутков времени, но внутренне он себе ничего из всего этого не усвоил. Если греческие философы при случае и упоминают об этом, они говорят по слуху, а не по опыту. Ни у Платона, ни у Аристотеля не было обсерватории. В последние годы правления Перикла в Афинах

народным собранием был принят закон, угрожавший каждому распро­странявшему астрономические теории, тяжелой формой обвинения, эйсангелией. Это был акт глубочайшей символики, в котором вырази­лась воля античной души вычеркнуть всякое представление дали из своего мирозерцания.

Поэтому-то эллины – в лице своего Фукидида – только тогда нача­ли размышлять о своей истории, когда она внутренне почти заверши­лась...

Индийская культура со своей (брахманской) идеей нирваны, этим самым ярким выражением полной неисторичности души, какое только можно себе представить, никогда не обладала пониманием «когда» в каком бы то ни было виде. Нет ни индийской астрономии, ни индийско­го календаря, а значит и никакой индийской истории, если под этим понимать сознание живого развития. О внешнем течении этой культу­ры, завершившейся в своей органической части до возникновения буддизма, нам известно еще меньше, чем об античной за период вре­мени между XII и VIII веком, без сомнения, также очень богатой вели­кими событиями. Обе сохранились до нас в призрачно-мифическом образе...

Сознание индуса было так неисторично устроено, что ему был да­же незнаком в качестве закрепленного во времени явления феномен какой-либо книги, написанной отдельным автором. Вместо органиче­ского ряда отдельных личных сочинений возникла смутная масса тек­стов, к которой каждый прибавлял что ему вздумается, причем поня­тия индивидуальной духовной собственности, развития идеи, умст­венной эпохи не играли никакой роли. В таком анонимном облике, ха­рактерном для всей индийской истории, лежит перед нами индийская философия. Теперь сравним с ней резко очерченную историю запад­ной философии, состоящую из книг и личностей с определенно выра­женной физиономией.

Индус забывал все, египтянин не мог ничего забыть. Индийского портретного искусства... никогда не существовало; египетская пластика... только этим и занималась.

В высшей степени исторично предрасположенная египетская ду­ша, стремящаяся с первобытной страстностью к бесконечному, вос­принимала *весь* свой мир в виде прошедшего и будущего, а настоя­щее, идентичное с бодрствующим сознанием, казалось ей только уз­кой границей между двумя неизмеримыми пространствами. Египет­ская культура есть воплощение заботливости – душевного коррелята дали, – заботливости о будущем, которая выражалась в выборе гра­нита и базальта в качестве материала для пластики, в высеченных документах, в выработке искусной системы управления и в сети оро­сительных каналов, а также неизбежно связанной с первой забот­ливостью о прошедшем. Египетская мумия – это символ высочайшего

значения. Увековечивали тело умершего и равным образом сохраняли длительность его личности, его «ка», при помощи портретных статуй, изготовлявшихся нередко во многих экземплярах, удерживавших связь с этой личностью при помощи очень глубоко понятного сходства. Как известно, в цветущую эпоху греческой пластики портретные статуи определенно не допускались.

Существует глубокая связь между отношением к историческому прошлому и пониманием смерти, выражающимся в погребальных обычаях. Египтянин отрицает уничтожаемость. Античный человек утверждает ее всем языком форм своей культуры. Египтяне консервировали даже мумию своей истории, а именно хронологические даты и числа. В то время как, с одной стороны, ничего не сохранилось от до-солонической истории греков, ни одного года, ни одного подлинного имени, никакого определенного события, — что придает единственно известному нам остатку преувеличенное значение, — с другой стороны, мы знаем почти все имена и годы правления египетских царей третьего тысячелетия до Р.Х., а поздние египтяне знали их, конечно, все без исключения. Жуткий символ этой воли к длительности — еще до сего дня лежат в наших музеях тела великих фараонов, сохраняя черты личного облика... Это — победа над уничтожаемостью, над настоящим, и неантично в высшей степени.

В противовес могучей группе египетских жизненных символов, на пороге античной культуры, соответственно тому забвению, которое она развертывает над всяким явлением своего внутреннего и внешнего прошлого, стоит сожжение мертвых. Микенскому времени было вообще чуждо сакральное предпочтение этого вида погребения перед всеми остальными, применяемыми обыкновенно наряду с ним у первобытных народов. Царские могилы указывают даже на преимущественное значение погребения в могилах. Но в гомеровскую эпоху, так же как и в ведийскую, обнаружился этот неожиданный, материально необъяснимый переход от погребения к сожжению, которое, согласно свидетельству «Илиады», совершалось с полным пафосом символического действия, знаменующего торжественное уничтожение и отрицание исторической длительности.

С этого момента наступает конец также пластичности индивидуального душевного развития. Как древняя драма не пропускает настоящих исторических мотивов, так для нее неприемлема и тема внутреннего развития, и всем известно, как решительно эллинский инстинкт противился вторжению портрета в область изобразительных искусств. До самых времен империи античное искусство знает только один в известном смысле для него естественный мотив, а именно — миф...

После разрушения Афин персами все произведения древнейшего искусства были выброшены в мусор, из которого мы теперь их извле-

каем... Читали Гомера, но никто не собирался, подобно Шлиману, разрывать троянские холмы. Нужен был миф, а не история...

Среди народов Запада немцы стали изобретателями механических часов, этого жуткого символа убегающего времени, чей днем и ночью с бесчисленных башен Западной Европы звучащий бой есть, пожалуй, самое мощное выражение того, на что вообще способно историческое мироощущение. Ничего подобного мы не найдем в равнодушных ко времени античных странах и городах. Водяные и солнечные часы были изобретены в Вавилоне и Египте... как несущественная принадлежность повседневного обихода, причем все это не оказало никакого влияния на античное жизнеощущение...

Таким образом выясняется наша задача, поскольку жизнь есть осуществление душевно возможного и новое понятие *душевно невозможного* устанавливает новую точку зрения на вещи. Мы, люди западноевропейской культуры – явления вполне точно ограниченного промежутком времени между 1000 и 2000 годом после Р.Х. – являемся исключением, а не правилом. «Всемирная история» – это наша картина мира, а не принадлежащая «человечеству». Для индуса и элина не существовало картины становящегося мира как вида и формы созерцания, и вполне возможно, что в будущем, после окончательного угасания западной цивилизации, носителями которой являемся мы, современные люди, никогда не повторится подобная культура и подобный человеческий тип, для которого «всемирная история» есть содержание космического сознания.

...Только античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, арабская культура и культура майя рассматриваются как меняющиеся проявления и выражение единой находящейся в центре всего жизни, и ни одно из них не занимает преимущественного положения: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории, притом нередко превышая эллинизм величиим духовной концепции и мощью подъема.

...Никто не будет ожидать от тысячелетнего дуба, что именно теперь должно начаться его подлинное развитие. Никто не ожидает от гусеницы, с каждым днем растущей на его глазах, что этот рост может продолжаться еще несколько лет. Каждый в этом случае с полной уверенностью чувствует определенную границу, и это чувство является не чем иным, как чувством органической формы. Но по отношению к высшему человечеству в смысле будущего царит безграничный тривиальный оптимизм... Здесь находят место для безграничных возможностей – но никогда для естественного конца...

Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, ...я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из

них налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания, чувствования и, наконец, собственная смерть... Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной деятельностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гете, а не к мировой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм. А присяжный историк видит в ней подобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращивающего эпоху за эпохой.

...Явления других культур говорят на другом языке. Для других людей есть другие истины...

Цивилизация есть неизбежная судьба культуры... Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершенные, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством, являемым над дорикой и готикой. Они – неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходили.

...Империализм – это чистая цивилизация... Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного – на внешнее...

...История... есть осуществление возможной культуры...

Культуры суть организмы. История культуры – их биография... Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затемняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все содержание истории...

Я различаю *идею* культуры, ее внутренние возможности, от ее чувственного проявления в картине истории. Это равносильно отношению души к телу, как ее проявлению в области протяженного и ставшего. История культуры есть осуществление ее возможностей. Завершение равнозначает концу...

...Как вполне созревшие образования, каждое из которых, следовательно, является телом достигшей своего полного завершения душевной стихии, можно рассматривать китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую, западную культуру и культуру Майя. В качестве находящейся в возникновении перед нами культура русская...

Они [великие культуры] возникают внезапно, распространяются в великолепных линиях, вновь выравниваются и пропадают, и зеркало пучины опять лежит перед нами одинокое и дремлющее.

Культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния вечно детского человечества пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растения. Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию... Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира...

Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Юная, робеющая, чреватая предчувствиями душа проявляется на рассвете романской эпохи и готики... Чем больше приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным, насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты. В раннем периоде все это еще темно, смутно, в искании, полно тоскливым стремлением и одновременно боязнью... Наконец при наступлении старости, начинающейся цивилизации, огонь души угасает. Угасающие силы еще раз делают попытку, с половинным успехом... проявить себя в творчестве большого размаха; душа еще раз с грустью вспоминает... о своем детстве. Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится... из тысячелетнего света обратно в потемки перводушевной мистики, назад в материнское лоно, в могилу...

Как листья, цветы, ветви и плоды выражают во внешнем виде, форме и способе произрастания существование растения, так и эти-

ческие, математические, политические и хозяйственные образования играют ту же роль в существовании культуры...

Каждой культуре свойствен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу, или, что то же, у каждого *есть* ее собственная своеобразная природа, каковой в том же самом виде не может обладать никакой другой вид людей. Точно так же у каждой культуры, а в пределах отдельной культуры, с меньшими отличиями, у каждого отдельного человека есть свой совершенно особый вид истории, в картине и стиле которого он созерцает, чувствует и переживает общее и личное, внутреннее и внешнее, общеисторическое и биографическое становление... Невозможно усвоить себе силами собственной души исторический аспект мира чуждых культур, возникшую из совершенно по-другому устроенной души картину становления. Здесь всегда останется какой-то недоступный остаток...

...Египетское искусство начинается с погребальных храмов фараонов, античное – с орнаментики погребальных ваз, раннеарабское – с катакомб и саркофагов, западное – с соборов, в которых ежедневно совершается жертвоприношение мессы, повторение смерти Христа...

...Смысл всякой настоящей – бессознательной и внутренне необходимой – символики коренится в феномене смерти, в котором вскрывается сущность пространства. Всякая символика проистекает из страха. Она знаменует защиту. Она есть выражение глубокого страха в старом двойном значении слова; ее язык форм говорит одновременно о враждебности и благоговении.

Все ставшее преходяще... Погибла не масса человеческих поколений; перестала существовать форма народа, соединявшая некоторое число народов в одном общем жесте...

Протяженность должна отныне именоваться прасимволом культуры. Из нее следует выводить весь язык форм существования культуры, ее физиогномию, в отличие от всякой другой культуры, в особенности от лишенного всяких физиогномических признаков окружающего мира примитивного человека...

...Язык и формы познания сами суть производные символы... Каждая из великих культур обладает тайным языком мироощущения, вполне понятным только тому, чья душа принадлежит к этой культуре...

...Есть множественность прасимволов. Переживание глубины, через посредство которого возникает мир, через посредство которого ощущение расширяется в мире, многозначительное для души, собственностью которой оно является, и только для нее одной, иное в бодрствовании, сне, приятии мира и наблюдении мира, различное у ребенка и старика, горожанина и крестьянина, мужчины и женщины, это переживание осуществляет, притом с полной необходимостью, для каждой высокой культуры возможность формы, на которой зиж-

дется все существование этой культуры. Все понятия формальных единств, как-то: масса, субстанция, материя, вещь, тело, протяжение и тысяча сохраняемых в языках иных культур словесных обозначений соответствующего вида – суть бессознательные, определенные судьбой оттенки, из всей полноты мировых возможностей предпочтительно подчеркивающие во имя отдельной культуры то, что для нее показательно. Ни одно из них не может быть с точностью перенесено в сознание другой культуры. Ни одно из этих изначальных слов не возрождается второй раз. Что для нас является противоположностью, как, например, смысл слов «пространство» и «материя», может для другого духа казаться идентичным. Все определяется выбором символа в тот момент, когда душа культуры пробуждается в своей стране к самосознанию; этот выбор являет собой нечто потрясающее для каждого, умеющего таким образом наблюдать мировую историю. Здесь скудная проблема пространства критической философии возвышается до идеи макрокосма, в котором для людей известного рода в отличие от других все ставшее объединяется в некое единство формы и значения.

Человеческая культура как итог ставшего и чувственного выражения души, как тело ее, смертное, преходящее, подвластное закону, числу и причинности; культура как исторический феномен, как образ в мировой картине истории, как подобие и совокупность символов: таков язык, единственный, при помощи которого душа может выразить, чем и как она страдает.

Везде изначальным является живая душевная стихия, находящаяся в постоянном процессе осуществления. Но она остается непонятной и недоступной. Всякая интуиция, какого бы то ни было рода, встречает исключительно отражения и символы, которые еще плотнее облекает последнее и глубочайшее, говоря о нем. Вечно душевное навсегда останется для нас закрытым; здесь положена непреступаемая граница. На пути толкования макрокосма мы достигаем не гипотетической прадуши, а только образа отдельной души. Парфенон остается обособленным. Культура – это последняя из достижимых для нас действительностей. Пусть ее называют явлением: для нас нет ничего более реального. «Мир» как *absolutum*, как вещь в себе есть предрассудок. Мы достигаем путем морфологии лишь впечатления отдельных миров как выражения отдельных душ; вера физика или философа, которую он разделяет с толпой, в то, что его мир есть действительный мир, напоминает нам уверенность дикаря, что все боги черны.

И макрокосм также есть собственность отдельной души, и мы никогда не узнаем, как обстоит дело с макрокосмом других. То, что говорит нам и через нас, людей Запада, и только нам одним – далеко превышая все возможности изъяснения в понятиях – слово «пространст-

во», это творческое истолкование переживания глубины, это загадочный символ, который греки называют «ничто», а мы «все», окрашивает наш мир в такие краски, которых совершенно не было на палитре античной, индийской и египетской души. Одна душа развивает свои переживания в As-Dur, другая в F-Mol; одна ощущает их эвклидовски, другая – контрапунктно, третья – магически. От чистейшего аналитического пространства и нирваны до аттической воплощенной телесности ведет целое множество все усиливающихся по чувственности содержания символов бытия, из которых каждый способен развить из себя законченную форму мира. Сколь далек, странен, преходящ по своей структуре был для последующих пяти или шести культур мир индийской или вавилонской, столь же непонятен в скором времени станет и западный мир для людей еще не родившихся культур.

...Стиль есть судьба. Он дается, но его нельзя приобрести. Сознательный, намеренный, надуманный стиль есть ложный стиль, как это доказывается примером всех поздних эпох, а в особенности нашей современности. Великие художники и великие произведения искусства – это явления природы. Мир – природа – есть создание души; в равной мере и совершенное художественное произведение есть создание души; и то и другое произвольны, не зависят от выбора, необходимы, следовательно, и то и другое – «природа»...

...Стили не следуют друг за другом, подобно волнам или биению пульса. Они не имеют никакого отношения к личности отдельных художников, к их воле и сознанию. Наоборот, стиль в качестве посредствующей стихии априорно лежит в основе художественной индивидуальности. Стиль, как и культура, есть прафеномен в строгом гетевском смысле, будь то способ искусства, государственных образований, мыслей, чувствований, способ выражения религиозного сознания или иной группы явлений действительности. Так же как и «природа», стиль есть постоянно новое переживание человека, полное выражение мгновенных свойств его становления, его «alter ego» и отражение в зеркале. Поэтому в общей исторической картине культуры может существовать только один стиль, а именно стиль этой культуры. Было бы ошибкой различать отдельные фазы стиля, как-то: так называемый романский стиль, готику, барокко, ампир – в качестве самостоятельных стилей и приравнивать их к единствам совсем другого порядка, как-то: египетский, дорический или мавританский стиль или, наконец, «доисторический стиль». Готика и барокко – это юность и старость той же совокупности форм, зреющий и созревающий стиль Запада...

...Сущность всякой культуры – религия, следовательно, сущность всякой цивилизации – иррелигиозность...

Шпенглер О. Закат Европы. – Соч.: В 2 т. – Новосибирск, 1993. – Т. 1. – С. 37 – 398.

Человек и техника

Проблема техники в ее отношении к культуре и истории впервые возникает в XIX в. XVIII столетие ставило вопрос о смысле и ценности культуры главным образом скептически, с равным отчаянию сомнением – тот вопрос, который вел к дальнейшим, все более мелким вопросам, а тем самым создал предпосылки для того, чтобы сегодня, в XX в., стала заметной проблематичность всей мировой истории...

...XX в. наконец-то достиг зрелости, чтобы дойти до смысла тех фактов, составляющих целое действительной мировой истории. Речь идет уже не о том, чтобы на вкус индивида или всей массы подгонять вещи и события под свои желания или надежды, выдавая их за некую рационалистическую тенденцию. На место: «Так должно быть» или «Так должно было бы быть» приходит «Так есть и так будет». Гордый скепсис отбрасывает сентиментальности предшествующих веков. Мы научились тому, что история ни в малейшей мере не считается с нашими ожиданиями...

Чтобы понять сущность техники, нужно исходить не из машинной техники, по крайней мере не поддаваться искушению видеть цель техники в создании машин и инструментов.

В действительности техника принадлежит древнейшим временам. Она не является и какой-то исторической особенностью, будучи чем-то чудовищно всеобщим. Она простирается за пределы человека, назад, к жизни животных, а именно, всех животных. В отличие от растений, к жизненному типу животных принадлежит свободное передвижение в пространстве, относительная самопроизвольность и независимость от всей остальной природы, а тем самым и необходимость себя ей противопоставлять, чтобы наделять свой вид смыслом, содержанием и превосходством. Значение техники установимо только исходя из души.

Свободно передвигающаяся жизнь животных есть не что иное, как борьба, и в истории этой жизни решающую роль играет тактика жизни, ее превосходство или подчиненность «иному», идет ли речь о живой или неживой природе. Ею решается, в чем судьба – претерпевать ли историю других или быть для других историей. Техника есть тактика всей жизни в целом. Она представляет собой внутреннюю форму способа борьбы, который равнозначен самой жизни.

Следует избегать и другой ошибки: технику нельзя понимать инструментально. Речь идет не о создании инструментов-вещей, а о способе обращения с ними; не об оружии, а о борьбе. В современной войне решающее значение имеет тактика, то есть техника ведения войны, тогда как техника изобретения, изготовления и применения оружия есть лишь элемент целого. То же самое мы обнаруживаем по-

всюду. Имеются бесчисленные техники без каких бы то ни было орудий: есть техника льна, перехитрившего газель, есть техника дипломатии, техника управления, как поддержания формы государства для борьбы в политической истории. Имеются химические методы и техники применения газов. При всякой борьбе наличие проблемы предполагает логическую технику. Есть техника живописи, скачек, управления самолетом. Речь идет повсюду не о вещах, но о целенаправленной деятельности. Именно это часто упускается в исследованиях о доисторических временах, в которых слишком много думают о музейных экспонатах и слишком мало о бесчисленных методах, которые наверняка существовали, но не оставили видимого следа.

Любая машина служит лишь одному методу и возникла из его замысла. Все средства передвижения родились из мысли о езде, гребле, хождении под парусами, полете, а не из представления о вагоне или лодке. Сам метод является оружием. Вот почему техника не является какой-то «частью» экономики, равно как экономика не представляет собой самостоятельной "части" жизни, наряду с войной и политикой. Все это стороны одной деятельной, борющейся, одушевленной жизни. Но от пра-войны ранних животных путь ведет к методам современных ученых и инженеров, и тот же путь ведет от первобытного оружия, хитрости, к конструированию машин, при помощи которых ведется нынешняя война против природы, с помощью которой ее удастся перехитрить.

Это называется прогрессом. Таково великое слово прошлого столетия. История виделась как прямая дорога, по которой бодро и все дальше марширует «человечество». По существу, под ним подразумевались только белые народы, а среди них только обитатели больших городов, а из последних только «образованные».

Но куда марширует? Как давно? И что затем?

Есть что-то комичное в этом марше в бесконечность, к цели, о которой всерьез даже не задумывались, не пытались себе ясно представить – не осмеливались представить, ибо цель является *концом*. Никто ничего не делает, не помыслив хоть на мгновение, чего он тем самым достигнет, чего он хочет. Люди не начинают войн, не выходят в море и даже на прогулку, не подумав о длительности и о завершении. Всякому действительно творческому человеку ведома та пустота, которая наступает вслед за завершением работы, а потому он его боится...

...История человека коротка, если соизмерять ее с историей растений и животных, не говоря уже о долгой жизни планет. Внезапный подъем и упадок через несколько тысячелетий – это маловажно для судеб Земли, но для нас, здесь и теперь рожденных, эта история обладает трагическим величием и силой...

Само по себе совершенно безразлично, какой будет судьба этой маленькой планеты в толпе «вечных» звезд, куда через краткое время повлечет ее по бесконечным пространствам; еще безразличнее мы к тому, будет ли через пару мгновений что-нибудь на ней двигаться. Но каждый из нас – сам по себе ничто – на несказанно короткое мгновение заброшен в эту толкотню длиной в одну жизнь. Потому для нас она безмерно важна – этот малый мир, эта «мировая история». Судьба помещает каждого не в мировую историю вообще, но каждый рождается в каком-то столетии, в определенном месте, народе, религии, сословии. Выбирать нам *не дано*, родимся ли мы сыном египетского крестьянина за 3000 лет до Христа, персидским царем или сегодняшним бродягой. Этой судьбе – или случаю – нужно повиноваться. Она осуждает нас на какие-то ситуации, созерцания, деяния. Нет «человека в себе», о котором болтают философы, но только человек своего времени, места, расы. Он утверждает себя или покоряется в борьбе с данным ему миром, а божественную Вселенную, простирающуюся вокруг него, это совершенно не трогает. Эта борьба и есть жизнь, а именно, борьба в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жесткая, борьба без пощады.<...>

Происхождение человека: рука и орудие

С какого времени существует этот тип изобретательного хищника? Это равнозначно вопросу: с каких пор существует человек? Что такое человек? Благодаря чему он стал человеком?

Ответ звучит так: благодаря появлению руки, несравненного оружия в мире свободно передвигающейся жизни. Достаточно сравнить ее с лапой, клювом, рогами, клыками и хвостами других существ. В ней настолько сконцентрирована тактильность, что ее можно поставить чуть ли не в один ряд с такими органами чувств, как зрение и слух. Она различает не только тепло и холод, твердое и мягкое, но прежде всего тяжесть, образ и место противостоящего ей предмета, короче говоря, вещь в пространстве. Но сверх этого в ней столь поздно сосредоточивается жизнедеятельность, что она одновременно формирует осанку и движение тела в целом... К глазу хищника, «теоретически» господствующим над миром, добавляется эта практическая властительница...

Не только рука, прямохождение и осанка возникли одновременно, но и рука и орудие – ранее на это никто не обращал внимания. Невооруженная рука сама по себе ничего не стоит. Она требует оружия, чтобы самой быть оружием. Подобно тому как орудие формируется по образу руки, так и, наоборот, рука формируется по образу орудия. Бессмысленно разделять их по времени. Невозможно, чтобы сформировавшаяся рука хотя бы краткое время была деятельной без орудия.

...Не по времени, но логически отделимы друг от друга технический метод, а именно изготовление оружия, и его применение. Как есть техника производства скрипки и техника игры на ней, точно так же соотносятся искусство кораблестроения, изготовление лука и снаровки в стрельбе. Ни один другой хищник не избирает себе оружия. Человек же его не только избирает, он его изготавливает согласно своим собственным соображениям. Тем самым он обрел ужасающее превосходство в борьбе с себе подобными, в борьбе против других животных, против всей природы...

К «мысли глаза» – понимающему острому взгляду крупного хищника – добавляется теперь «мысль руки». Из первого вырабатывается в дальнейшем теоретическое, рассуждающее, созерцающее мышление, хитрость, «рассудительность» в подлинном смысле слова. Глаз ищет причины и следствия, рука работает по принципам средства и цели. Ценностные суждения действующего относительно целесообразности или нецелесообразности не имеют ничего общего с истинным и ложным, с ценностями размышляющего, с истиной как таковой. Цель является фактом, тогда как связь причины и следствия – истиной. Так возникают столь различающиеся способы мышления: у людей истины – священников, ученых, философов – и людей факта – политиков, военачальников, купцов. С тех времен и поныне отдающая команду, указывающая, сжатая в кулак рука является выражением воли. Отсюда объяснения по почерку и по форме руки. Отсюда же словесные формулы о твердой руке завоевателя, счастливой руке дельца, отсюда свойства души, прочтенные по руке преступника или художника.

Вместе с рукой, оружием и личностным мышлением человек сделался творцом. Все, что делает животное, остается в рамках деятельности вида, а потому не обогащает его жизни. Человек же, создающее животное, расширяет свои владения в мире с помощью ищущей мысли и дела, а это оправдывает то, что собственную краткую историю он называет «мировой историей», именуя свое окружение человечеством, включая в него всю остальную природу в качестве фона, объекта и средства.

Деятельность мыслящей руки мы называем *деянием*. Деятельность присуща животным, деяние возникает только с человеком...

Под сильнейшим впечатлением свободного, сознательного, индивидуального деяния, которое поднимается над одинаковым, инстинктивным, массовым «действием вида», происходит формирование собственно человеческой души...

Эта душа идет по пути растущего отчуждения от *всей* природы. Оружие всех хищников естественно, не таков лишь вооруженный кулак человека – с искусно выделанным, замысленным, избранным оружием. Здесь начинается «искусство» как противоположность природе. Всякий технический метод человека представляет собой искус-

ство, да так они всегда и назывались: искусство стрельбы из лука, военное искусство, строительное искусство, искусство правления, жертвоприношения, гадания, рисования и стихосложения, научного экспериментирования. Искусственно, противоестественно любое человеческое действие – от зажигания огня и вплоть до тех свершений высших культур, которые обозначаются нами как собственно принадлежащие к «искусствам». У природы были выработаны привилегии творчества. Уже «свободная воля» есть акт мятежа. Творческий человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее все дальше, становится все враждебнее природе. Такова его «всемирная история», история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной, история мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку.

Трагедия человека начинается потому, что природа сильнее. Человек остается зависимым от нее, ибо она все охватывает, в том числе и его, свое творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями. Целые расы пребывают сломленными, внутренне разрушенными, впавшими в бесплодие и расстройство духа – это ее жертвы. Борьба против природы безнадежна и все же она будет вестись до самого конца.

Вторая ступень: речь и предприятие

...Теперь наступило время второй эпохальной трансформации, столь же внезапной и громадной. Как и первое, оно перевернуло до самого основания человеческую судьбу, вновь произошла подлинная мутация в указанном выше смысле слова. Она была давно замечена в исследованиях доисторического периода. Действительно, выставленные в наших музеях предметы вдруг обретают иной облик. Появляются глиняные горшки, следы «земледелия» и «скотоводства» – как их беззаботно и явно модернизаторски именуют – следы строительства хижин, погребений, намеки на средства передвижения. Заявляет о себе новый мир технического мышления и технических методов...

Эта мутация довольно легко датируется – V тыс. до н.э. Самое большее через два тысячелетия уже начинаются высокие культуры Египта и Месопотамии. Видно, как темп истории трагически ускоряется. Раньше тысячелетия играли малозаметную роль, теперь важность обретает каждое столетие...

Но что именно произошло? Проникая глубже в новый мир форм человеческих деяний, мы скоро обнаруживаем запутанные и усложнившиеся взаимосвязи. Все эти техники друг друга предполагают. Содержание прирученных животных требует выращивания для них корма, а посев и жатва растений предполагают наличие тягловых и перевозящих грузы животных. Это, в свою очередь, требует построения

заграждений, всякого рода постройки и перевозку строительных материалов, а транспорт опять-таки требует вьючных животных и кораблей.

...Какой душевный переворот обнаруживается во всем этом? Я даю следующий ответ: планомерная деятельность многих. До сей поры каждый человек жил сам по себе, сам изготавливал свое оружие, в одиночку реализовывал тактику своей ежедневной борьбы. В другом никто не нуждался. Это неожиданно меняется. Новые методы простираются на длительные отрезки времени, иногда они требуют многих лет – достаточно проследить путь от срубленного дерева до путешествия на построенном из него корабле – и столь же длинных расстояний. Они распадаются на ряды точно следующих друг за другом единичных актов и групп рядоположенных действий. Такие целостные методы, однако, предполагают в качестве неотъемлемого средства слово, язык...

Первоначальной целью является осуществление деяния, согласно намерению, времени, месту, средствам. Однозначная формулировка была первым делом, и из трудностей понимания цели, передачи собственной воли другим проистекает техника грамматики – техника построения предложений и разбивки их по рядам правильных разделов приказов, вопросов, ответов, образование класса слов на основе практических, а не теоретических намерений и целей. Теоретическое размышление не играло почти никакой роли в происхождении речи. Всякая речь по своей природе практична, она происходит из «мышления руки».

Осуществляемое многими деяние мы называем предприятием... Речь и предприятие предполагают друг друга, как ранее рука и орудие. Разговор со многими имеет свою внутреннюю грамматическую форму, развившуюся при осуществлении предприятий, тогда как привычка к предприятиям вырабатывалась с помощью привязанного к языку мышления. Ибо речь означает мысленное общение с другими...

Переход от употребления личных орудий к организации многих означает неслыханно возросшую искусность методов. Работа с искусственными материалами – гончарное, ткацкое дело – предвещает еще немного, но и она уже куда более одухотворенная, творческая, чем все предыдущие...

В век руководимой речью организации имеются не только два рода техники, которые от столетия к столетию расходятся все дальше, но также два рода людей, которые различаются по своим способностям к одному или к другому. Во всяком методе есть техника вождя и техника исполнителя, а потому от природы есть безусловно приказывающие и подчиняющиеся субъекты и объекты политических или хозяйственных методов... Пусть эта форма противоестественно, искусственна но это и есть «культура»...

Исход: подъем и конец машинной культуры

«Культура» вооруженной руки существовала долгое время и охватывала весь человеческий вид. «Культуры речи и предприятия» уже четко между собой различаются, их много. В этих культурах начинается противостояние личности и массы. Только часть человечества входит в эти культуры с маниакально рвущимся к господству «духом» и насилуемой им жизнью. К сегодняшнему дню, через несколько тысячелетий, все эти культуры давно угасли и разрушились. Тех, кого мы сегодня называем «детьми природы» или «первобытными людьми», представляют собой лишь останки жизненного материала, руины некогда одушевленных форм, в которых погасло пламя становления. На этой почве с III тыс. до н.э. тут и там вырастают высокие культуры, культуры в узком и великом смысле слова. Каждая из них заполняет уже совсем небольшое пространство земной поверхности и длится едва больше тысячелетия. Это время последних катастроф. Каждое десятилетие что-нибудь значит, чуть ли не каждый год имеет «свое лицо».

Такова мировая история в подлинном и взыскательном смысле слова. Эта группа страстных потоков жизни нашла свой символ и свой «мир» в *городе* – против деревни предшествующей ступени: каменный город, как обиталище искусственной, оторванной от матери-земли, совершенно противоестественной жизни. Город оторван от корней мышления, он притягивает к себе и потребляет потоки жизни, идущие от страны.

Тут возникает «общество» с его рангами – дворяне, священники, бюргеры – против «грубой деревенщины». Такие ступени жизни искусственны; естественно деление на сильных и слабых, умных и глупых. «Общество» становится местом культурного развития, которое целиком пронизано духом. Здесь царствуют «роскошь» и «богатство»...

В этом смысле духовной роскошью являются также технические методы, вызревающие в группе этих культур – поздний, сладкий, легкоранимый плод все возрастающей искусственности и одухотворенности...

Вместе с изобретением машины, хитрейшего из орудий в борьбе против природы, предприниматели и изобретатели получают необходимое им число рук для изготовления машин. Работа машины осуществляется благодаря неорганической силе пара или газа, электричества или тепла, высвобождаемой из угля, нефти и воды. Но вместе с тем угрожающе растет душевное напряжение между вождями и ведомыми. Они более не понимают друг друга. Самые ранние «предприятия» дохристианских тысячелетий требовали понимающих работников, знающих и чувствующих, что предпринимается... Но теперь, начи-

ная с XVIII столетия, бесчисленные «руки» трудятся над вещами, о действительной роли которых в жизни (включая и собственную жизнь) они практически ничего не знают, в созидании которых они внутренне не принимают никакого участия. Всеохватывающее духовное опустошение, безотрадное равнодушие, не ведущее ни высот, ни глубин, пробуждает ожесточенность – против жизни одаренных, против рожденных творцами. Работники не желают ни видеть, ни понимать, что труд вождя является самой тяжелой работой, что от ее исполнения зависит и их собственная жизнь. Ощутимо лишь то, что эта работа делает счастливым, что она окрыляет и обогащает душу, за это ее и ненавидят.

В действительности ни головы, ни руки ничего не могут изменить в судьбах машинной техники, развившейся из внутренней, душевной необходимости и ныне приближающейся к своему завершению, к своему концу. Мы стоим сегодня на вершине, там, где начинается пятый акт пьесы. Падают последние решения. Трагедия завершается.

Каждая высокая культура есть трагедия; трагична история человека в целом. Злодеяния и крушение фаустовского человека, однако, превосходят все то, что могли изобразить Эсхил или Шекспир. Творение поднимается на творца. Как некогда микрокосм-человек поднялся на природу, так восстает теперь микрокосм-машина против нордического человека. Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, причем всех без исключения, ведаем мы об этом или нет, хотим или нет – идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти...

Трагизм нашего времени заключается в том, что лишенное уз человеческое мышление уже не в силах улавливать собственные последствия. Техника сделалась эзотерической, как и высшая математика, которой она пользуется, как физическая теория, незаметно идущая со своими абстракциями от анализа явлений к чистым формам человеческого познания. Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения. Меняется образ земли со всеми ее растениями, животными и людьми. За несколько десятилетий исчезает большинство огромных лесов, превратившихся в газетную бумагу. Это ведет к изменениям климата, угрожающим сельскому хозяйству целых народов. Истребляются бесчисленные виды животных, вроде буйвола, целые человеческие расы, вроде североамериканских индейцев и австралийских аборигенов, доходят почти до полного исчезновения.

Все органическое подлежит тотальной организации, искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной, которая все делает или желает делать по образу машины. Мыслят теперь исключительно лошадиными силами. Во всяком водопаде видят возможность электростанции. На кочующие по земле стада не могут смотреть без оценки привеса мяса, а на пре-

красный предмет древнего ремесла первобытного народа не могут глядеть без желания заменить его современным техническим устройством. Есть в том смысл или нет, но техническое мышление *желает* осуществления. Роскошь машины – следствие принудительности мышления. В конечном итоге, машина есть символ, подобно своему тайному идеалу. *Perpetuum mobile*, – это душевная, духовная, а не жизненная необходимость...

...Только для того, чтобы сохранить на достигнутом уровне технические методы и приспособления, требуется, скажем, 100000 выдающихся голов организаторов, изобретателей и инженеров. Это должны быть сильные и одаренные головы, воодушевленные своим делом и готовые долгие годы учиться с железным упорством и огромными затратами. Действительно, на протяжении полувека у самой одаренной молодежи белых народов господствовало это стремление. Уже маленькие дети играли техническими игрушками. В городских слоях и семьях, сыновей которых в первую очередь следует принимать в расчет, имелись благосостояние, формируется традиция профессиональной духовной деятельности и утонченная культура – нормальные предпосылки образования такого зрелого и позднего плода, как техническое мышление.

За последние десятилетия ситуация меняется во всех странах великой и старой промышленности. Фаустовское мышление начинает пресыщаться техникой. Чувствуется усталость, своего рода пацифизм в борьбе с природой... Из пресыщенности бегут от цивилизации в примитивные уголки Земли, уходят в бродяги, бегут в самоубийство. Начинается бегство прирожденных вождей от машины...

...Противостояние между работой вождей и работой ведомых достигло катастрофического уровня. Значимость первых и хозяйственная ценность всякой истинной личности в данной области стала настолько велика, что для большинства из нас эта ценность сделалась невидимой и непонятной. По другую сторону работа рук индивида утратила всякое значение. Цену теперь имеет лишь количество. Знание неотвратимости этого положения, возбуждаемое, растравляемое и финансово эксплуатируемое болтунами и писателями, оказывается столь безотрадным, что по-человечески можно понять восстание против машин... Этот бунт принимает бесчисленные формы от покушений или забастовок до самоубийств – бунт рук против своего удела, против машины, против организованной жизни, наконец, против всего и вся.

Деятельность многих на протяжении тысячелетий предполагала организацию работы, основанием которой было различие между вождями и ведомыми, головой и руками. Теперь она подрывается снизу. Но «масса» есть лишь отрицание, а именно: отрицание самого понятия организации. Поэтому масса нежизнеспособна. Войско без офицеров представляет собой просто потерявшуюся и ненужную толпу.

Мешанина из обломков кирпича и железа – уже не здание. Этот бунт грозит уничтожением технико-хозяйственной работы на всей Земле. Вожди могут удалиться, но тогда погибнут и сделавшиеся ненужными ведомые. Их обрекает на смерть самое их число.

Третий и самый серьезный симптом начинающегося крушения я назвал бы предательством техники. Речь тут идет о всем известном, но никогда не рассматривавшемся во взаимосвязи, которая только и выявляет роковой смысл. Неслыханное превосходство Западной Европы и Северной Америки во второй половине прошлого века по мощи всякого рода – хозяйственной, политической, военной мощи – покоилось на неоспоримой промышленной монополии...

Так слепая воля к власти к концу XIX в. начала совершать ошибки решающего значения. Вместо того, чтобы держать в тайне технические знания, величайшее сокровище «белых» народов, им стали хвастаться и предлагать всему миру в высших школах, да еще гордились, глядя на изумление индийцев и японцев... Японцы за тридцать лет стали первоклассными знатоками техники, доказав свое военнотехническое превосходство во время войны с Россией. У них могли бы поучиться их учителя. Повсюду сегодня – в Восточной Азии, в Индии, в Южной Америке, в Южной Африке – возникают или замышляются промышленные центры, которые в силу низкой заработной платы представляют собой смертельных конкурентов. Непременные привилегии белых народов промотаны, растрочены, преданы. Их противники могут достичь того же или даже превзойти свой образец с помощью хитрости цветных рас и перезрелого интеллекта древнейших цивилизаций...

...Машинная техника кончится вместе с фаустовским человеком, однажды она будет разрушена и позабыта все эти железные дороги, пароходы, гигантские города с небоскребами, как некогда были оставлены римские дороги или Великая китайская стена, дворцы древних Мемфиса и Вавилона. История этой техники приближается к скорому и неизбежному концу. Она будет взорвана изнутри, как и все великие формы всех культур. Когда и как это произойдет – мы не знаем.

Перед лицом такой судьбы есть только одно достойное нас мировоззрение, некогда выраженное Ахиллом: лучше прожить короткую жизнь, полную деяний и славы, чем долгую пустую жизнь. Опасность настолько возросла для каждого индивида, слоя, народа, – что самообман был бы жалким делом. Время неудержимо, обратного пути нет, как нет и мудрого отречения. Лишь мечтатели верят в наличие выхода. Оптимизм является трусостью...

Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. – М., 1995. – С. 454 – 492.

НІЦШЕ Фрідріх (1844 – 1900)

Німецький філософ, представник ірраціоналізму, один із засновників «філософії життя». Дотримувався ідеї культурного елітаризму. Пов'язував культурну творчість з надлишком життєвих сил. Для розпізнання культур використовував протилежні символічні типи міфологічних богів грецького Олімпійського пантеону, виділяв два начала буття і художньої творчості: «аполлонівський» і «діонісійський».

Основні праці з питань культурології: «Народження трагедії із духу музики» (1872), «Філософія в трагічну епоху Греції» (1873).

РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ ИЗ ДУХА МУЗЫКИ (Предисловие к Рихарду Вагнеру)

...Поступательное движение искусства связано с двойственностью *аполлонического* и *дионисического начал* подобным же образом, как рождение стоит в зависимости от двойственности полов, при непрестанной борьбе и лишь периодически наступающем примирении...

Чтобы уяснить себе оба эти стремления, представим их сначала как разъединенные художественные миры *сновидения* и *опьянения*, между каковыми физиологическими явлениями подмечается противоположность, соответствующая противоположности аполлонического и дионисического начал...

Прекрасная иллюзия видений, в создании которых каждый человек является вполне художником, есть предпосылка всех пластических искусств, а также... одна из важных сторон поэзии...

...Радостная необходимость сонных видений также выражена греками в их Аполлоне; Аполлон, как бог всех сил, творящих образами, есть в то же время и бог, вещающий истину, возвещающий грядущее. Он, по корню своему «блещущий», божество света, царит и над иллюзорным блеском красоты во внутреннем мире фантазии. Высшая истинность, совершенство этих состояний в противоположность отрывочной и бессвязной действительности дня, затем глубокое сознание врачующей и вспомоществующей во сне и сновидениях природы представляют в то же время символическую аналогию дара вещания и вообще искусств, делающих жизнь возможной и жизнедостойной. Но и та нежная черта, через которую сновидение не должно переступить, дабы избежать патологического воздействия... и эта черта необходимо должна присутствовать в образе Аполлона: как полное чувство меры, самоограничение, свобода от диких порывов, мудрый покой бога – творца образов. Его око, в соответствии с его происхождением, должно быть «солнечно»; даже когда он гневается и бросает недовольные взоры, благодать прекрасного видения почиет на нем... В жестах и взо-

рах... с нами говорит вся великая радость и мудрость «иллюзии», вместе со всей ее красотой...

...Понятие о сущности *дионисического* начала более всего... нам доступно по аналогии *опьянения*. Либо под влиянием наркотического напитка, о котором говорят в своих гимнах все первобытные люди и народы, либо при могучем, радостно проникающем всю природу приближении весны просыпаются те дионисические чувствования, в подъеме коих субъективное исчезает до полного самозабвения...

Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчужденная, враждебная или поработанная природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном – человеком. Добровольно предлагает земля свои дары, и мирно приближаются хищные звери скал и пустыни. Цветами и венками усыпана колесница Диониса; под ярмом его шествуют пантера и тигр... Теперь раб – свободный человек, теперь разбиты все неподвижные и враждебные границы, установленные между людьми и нуждой, произволом и «дерзкой модой». Теперь, при благой вести о гармонии миров, каждый чувствует себя не только соединенным, примиренным, сплоченным со своим ближним, но единым с ним... В пении и пляске являет себя человек сочленом более высокой общины: он научился ходить и говорить и готов в пляске взлететь в воздушные выси. Его телодвижениями говорит колдовство... В человеке звучит нечто сверхприродное: он чувствует себя богом, он сам шествует теперь восторженный и возвышенный; такими он видел во сне шествовавших богов. Человек уже больше не художник: он сам стал художественным произведением; художественная мощь целой природы открывается здесь, в трепете опьянения, для высшего блаженного самоудовлетворения Первоединого...

...Аполлоническое начало и его противоположность – дионисическое как художественные силы, прорывающиеся из самой природы, *без посредства художника-человека*... это, с одной стороны, мир сонных грез, совершенство которых не находится ни в коей зависимости от интеллектуального развития или художественного образования отдельного лица, а с другой стороны, действительность опьянения, которая также нисколько не обращает внимания на отдельного человека, а скорее стремится уничтожить индивида и освободить его мистическим ощущением единства. Противопоставленный этим непосредственным художественным состояниям природы, каждый художник является только «подражателем», и притом либо аполлоническим художником сна, либо дионисическим художником опьянения, либо... – одновременно художником и опьянения и сна...

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки (Предисловие к Рихарду Вагнеру) // Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 57 – 157.

КАРНЕЙРО Роберт Леонард (1927 р.)

Американський антрополог, етнолог. Польові дослідження провів в Південній Америці (Бразилія, Перу). Займається питаннями теорії історії культури; екологічними і демографічними проблемами, які тісно зв'язані з власне культурними; питаннями динаміки культури (культурним процесом і його законами, культурною еволюцією).

Основні праці: «Essays in the Science of Culture» (1960); «A Theory of Origin of State» (1970); «Classical Evolution» (1973); «Anthropological Investigations in Amazonian: Selected Papers» (1985); «Ethnological Essays» (1987) та ін.

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В последние годы антропологи проявляют все больше интереса к культурным процессам... Все же, несмотря на столь пристальное внимание к проблеме процесса, немногие антропологи смогут точно сказать, что они имеют в виду под этим термином. В конце концов, что же такое процесс? Что такое культурный процесс? Чем он отличается от исторического процесса? Есть ли законы культурного процесса? Именно эти вопросы я бы хотел рассмотреть в данной работе.

КОНЦЕПЦИЯ ПРОЦЕССА

Процесс, как общий феномен, можно определить как взаимодействие элементов системы в ходе ее перехода из одного состояния в другое в течение данного периода. Это взаимодействие идет по определенным направлениям, являющимся выражением особых природных законов. Для того чтобы сделать характеристику процесса более понятной и четкой, проанализируем некоторые ее основные термины, такие, как: *элементы, система, состояние системы и естественные законы*.

Элементы системы являются структурными единицами, составляющими ее. Род единиц, составляющих исследуемую систему, зависит в первую очередь от ее природы. Если мы имеем дело с астрономическими системами, нашими единицами будут планеты, астероиды, двойные звезды, Магеллановы облака, спиральная туманность и т.п. Если мы изучаем живые системы, в поле нашего рассмотрения попадут органы, железы, мускулы, нервы, рефлекторные дуги и т.п.

Однако ученый, работающий в своей области знания, выбирает единицы того типа, который он признает относящимся к изучаемой системе. Он делает это произвольно (по соглашению), исходя из своих теоретических ориентаций и задач... Психолог рассматривает че-

ловеческое поведение с точки зрения внутренних импульсов, беспокойств, принуждений, стремлений, запретов, проекций и т.п. Культуролог же сосредоточивает внимание на таких элементах культуры, как разделение труда, каннибализм, магия охоты, пашенное земледелие, браки между двоюродными сестрами и братьями и т.п. Конечно, все культурные элементы имеют психологические составляющие, и культуролог ни в коей мере не хочет отрицать или скрывать этого. Он лишь заявляет, что имеет полное право плодотворно изучать культурные элементы как самостоятельные или, точнее, как *совершенно особый* класс феномена.

Систему можно определить как соединение структурно и функционально взаимосвязанных элементов, объединенных в работающее целое. Таким образом, система – это нечто большее, чем ее составляющие; она – их сумма *плюс* (или лучше, *временами*) их взаимозависимости. Наша Солнечная система – это не просто солнце, планеты со спутниками, кометы и другие, более мелкие, небесные тела; она включает в себя и то, каким образом эти тела взаимосвязаны друг с другом в пространстве и во времени. То, что входит в класс «культурных» феноменов, не эквивалентно культуре как системе взаимодействующих культурных элементов. В этом смысле «целое больше суммы его составляющих». Все элементы и способы взаимосвязей системы в единицу времени образуют *состояние системы*. Систему можно изучать и описывать синхронно, так, как будто она застыла на мгновение; или диахронно, рассматривая различные состояния, принимаемые ею с течением времени. Когда систему изучают только синхронно – как, к примеру, в случае изучения структуры кристалла – выявляют лишь шаблон или конфигурацию, а не процесс.

Шаблон и конфигурация, тем не менее, имеют прямое отношение к процессу. Безусловно, мы можем представлять процесс как очень быструю последовательность синхронных состояний системы, каждое из которых лишь немногим отличается от предыдущего. С этой точки зрения, процесс очень похож на киноленту, в которой один кадр сменяет другой, создавая эффект последовательного изменения. Фактически исследование процесса заключается в выявлении того, как, обладая конкретными шаблонами и конфигурациями, состояние системы в конкретный момент времени затем трансформируется в иное. Можно сказать, что процесс – это образец происходящего изменения.

В основе порядка, точности и определенности в поведении системы лежат *естественные законы*; можно сказать, что система является доказательством и выражением этих законов. Одной из основных задач в изучении происходящего в системе процесса является формулирование законов, действующих в рамках этой системы. Научное понимание процесса достигается, когда может быть показано, что он является необходимым следствием познанных законов.

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Теперь культурный процесс можно определить как взаимодействие в рамках системы элементов, принадлежащих к культурному феномену...

В таком широчайшем понимании культурный процесс охватывает все взаимодействия, возникающие между культурными элементами в течение человеческой истории. С этой точки зрения культурный поток представляется огромным и единым процессом, повсеместно охватывающим все культурные традиции в любое время. Безусловно, не следует воспринимать процесс как интегральный и неделимый. Произвольно, но правомерно можно определить границы конкретного сегмента культурного процесса и продолжить его самостоятельное изучение. Таким образом, можно изучать культурный процесс в действии в определенных пространственно-временных границах: Долина Нила в период между 4000 г. до н.э. и 324 г. н.э., Западная Европа в период средневековья и т.п.

В дополнение к ограничению во времени и в пространстве мы можем рассмотреть культурный процесс как ряд составляющих его подпроцессов. Аналогично биологам, исследующим жизненные процессы как часть целого и выделяющим пищеварение, дыхание, кровообращение и т.п., культурные антропологи, исследующие культурный процесс в целом, выявили, что плодотворно анализировать его как состоящий из эволюции, инновации, диффузии, аккультурации, интеграции, сегментации и др. Если бы нашей целью был синтез, а не анализ, мы бы сказали, что культурный процесс в целом содержит все эти подпроцессы, каждый из которых функционирует сам по себе и одновременно взаимодействует с другими и вносит в них свой вклад.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Вероятно, концепция культурного процесса, представленная в антропологии, будет понятнее, если сравнить ее с тем, как ранние достижения человечества рассматриваются иной академической дисциплиной, к примеру историей. Обе науки используют одни и те же данные: «то, что действительно происходило». Единицей «происходящего» для обеих наук является событие... Каждое из событий, при всей их типичности, произошло лишь однажды и никогда больше не повторится.

Уникальность исторических событий профессиональный историк не только осознает, но и не в состоянии, практически, преступить. Историк, изучающий смерть Цезаря, воспринимает ее как отдельное и своеобразное происшествие. Для него время, место, способ смерти,

последние слова великого человека, мысли и эмоции свидетелей являются характеристиками, отличающими данное событие от всех остальных; они возбудили его интерес и привлекли его внимание.

Подход изучающего культурный процесс к тому или иному событию совсем иной. Уникальность исторических событий, конечно, не отрицается, но она уже не является главной и определяющей чертой. Действительно, теперь нечто становится событием лишь после того, как оно включается в категорию общего класса культурного феномена, имеющего другие параметры. Так, смерть Цезаря берется в контексте политических вероломных, предательских убийств или борьбы за власть в самодержавных государствах, или чего-либо подобного. Только тогда она начинает привлекать к себе научный, в отличие лишь от исторического, интерес...

Изучающие культурный процесс сосредоточиваются не на людях, а на обычаях, верованиях, орудиях труда, ритуалах, институтах и т.п., которые посредством логического анализа абстрагируют от всего поведения людей. Одним словом, они занимаются *культурой*...

Но для культуролога, у которого, по определению, единицы изучения – культурные элементы, а не индивидуумы, причинными связями между событиями в культурном процессе не могут быть личные мотивы; ими с необходимостью являются *иные события в культурном процессе*.

УРОВНИ АНАЛИЗА КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Мы отметили, что культурный процесс может изучаться либо в целом, либо в его отдельных аспектах; в различные отрезки времени и в разных частях света. Подобным же образом действия процесса могут быть рассмотрены и представлены на различных уровнях общности. Можно выбирать мельчайшие детали процесса, а можно охватить его в целом, максимально широко. Один исследователь может заинтересоваться детерминантами кровного родства, другой – природой и развитием цивилизации. И, конечно, проблемы могут разбираться на любом промежуточном уровне культурного процесса. Действительно, одно и то же событие (в обычном понимании слова «событие») можно описывать и объяснять на нескольких различных уровнях анализа. Я считаю необходимым проиллюстрировать это положение на примере протестантской Реформации.

Прежде всего... она «действительно имела место быть в истории». На этом уровне Реформация будет описываться с точки зрения людей и событий их жизни. Поскольку это будет индивидуально-биографический уровень описания, который ниже даже самого специфического культурного уровня, мы можем в условной системе обозначений, которую здесь примем, назвать его У-0. На У-1 Реформация

представляется в восприятии личностей – Тецеля, Лютера, Меланхтона, Цвингли, Кальвина и др., – результатом действий которых было: выдвижение 95 тезисов, Вормсский эдикт, марбургская дискуссия, аугсбургский пост и т.п.

Если «восстанавливать» Реформацию таким образом, то в результате мы получим традиционную историю. Но вместо этого можно из сырого исторического материала взять отдельные или абстрактные культурные элементы и последовательность культурных форм. Если сосредоточиться на этом, то возникнет совсем иная картина Реформации: она станет эпизодом в культурном процессе. На уровне У-1 Реформация предстанет как перестройка церковной организации Северной Европы. На этом уровне анализа событие выглядят приблизительно так: возникают различия во взглядах внутри римско-католического духовенства по вопросу правильности некоторых доктрин, обрядов и порядков. Сфера полемики, чем дальше, тем больше, начинает простираться на основной вопрос о том, как должны быть разрешены сами доктринальные споры. Фракция инакомыслящих предпочитает собственную интерпретацию Священного писания, прямо противоположную традиционной и установленной практике единственной и окончательной трактовки Папства. Попытки изменить церковные догматы и организацию изнутри проваливаются, и движение в конечном итоге отходит от установленного порядка и вводит новые религиозные институты с пересмотренными догматами и практикой.

На уровне У-2 Реформация понимается не просто как изменения в религиозной сфере, но как событие в более широком контексте, включающее в себя многие другие аспекты культуры, некоторые из которых играют роль столь же значительную в событии, как и сами религиозные факторы. На этом уровне интерпретации мы видим, что на институт церкви действуют не только внутренние напряженности и стрессы, связанные с вопросами доктрины, но также и комплекс внешних давлений. Растущая политическая власть немецких государств столкнулась с религиозной властью наднациональной католической церкви. Противостояние мирян и духовенства шло за контроль над церковной собственностью и, следовательно, за доходами от клерикальных церковных служб и т.п. С началом индустриального производства и распространением торговли церковные требования, такие, как, к примеру, запрет на выгодные сделки и ростовщичество, предписания большого количества постов и церковных праздников, стали ограничивать экономическую активность, что не отвечало запросам времени. Изобретение книгопечатания предоставило новое и эффективное средство распространения радикальных идей, что явилось выражением растущего несоответствия между старыми социорелигиозными институтами и преобладающими условиями жизни. И так далее... Этот уровень объяснения не только содержит больше аспектов

культурного процесса, чем предыдущий, но также воспринимает культурные элементы как феномен более общего порядка. В полном описании Реформации на уровне У-1 серьезное внимание уделяется частным элементам, таким, как продажа индульгенций и полемика вокруг церковного обета безбрачия, или целибата, – событиям более или менее уникальным для данного времени и места. Но на уровне У-2 мы обращаем внимание на более общие феномены, такие, как изменения в идеях и в отношениях, привнесенные новыми экономическими условиями, и борьба за власть между секулярными и религиозными институтами – на те черты, которые ни в коей мере не ограничиваются Европой XVI в.

Однако в то время как на уровне У-2 многие элементы и силы культурного процесса принимают статус повторяющегося феномена, тот особый способ, которым они соединяются и взаимодействуют в событии, известном как протестантская Реформация, сохраняет свою уникальность. Но на еще более высоком аналитическом уровне У-3 событие в целом – вся Реформация целиком – теряет свою уникальность и становится частью общего класса. На этом уровне Реформация принимает характеристики хорошо известного феномена: перестройки социорелигиозной структуры в результате изменившихся материальных условий жизни. Достаточно знакомая история. Технологический и экономический аспекты культуры изменяются с большей готовностью и быстрее, чем его социальные и религиозные аспекты. Это неизбежно приводит к несоответствию между первыми и вторыми, которое, когда достигает определенной величины, в итоге оборачивается внезапными реорганизационными изменениями в социальных и религиозных институтах...

Тем не менее, как уже отмечалось, нет необходимости заниматься культурным процессом на высшем уровне всеобщности. Если наши интересы и задачи не столь широки, то подход к культурному событию на более низком уровне анализа (У-1 и У-2) может быть предпочтительнее в силу своей наглядности. И, конечно, наши интересы и задачи часто действительно бывают ограничены и достаточно конкретны... Процесс есть процесс, вне зависимости от того, на каком уровне ведется исследование.

ПОВТОРЯЕМОСТЬ В ИСТОРИИ И В КУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Теперь следует сказать несколько слов о повторах или повторяемости событий в истории и в культурном процессе. Начнем с того, что еще раз обратимся к «истории историков». Кажется, в противоположность общепринятому мнению большинство историков считает, что «история» не повторяется. И если мы примем концепцию истории, согласно которой события рассматриваются как специфические и, сле-

довательно, уникальные, то окажется, что история действительно не может повторяться.

Можно говорить о повторении событий только тогда, когда они воспринимаются не как случайные происшествия, а как образцы. Как мы уже отмечали, именно так события понимаются в культурном процессе. Цезарь умирает лишь однажды, но правителей-диктаторов убивают все снова и снова. Таким образом, культурный процесс повторяет сам себя. Действительно, повторяемость столь характерна для процесса, что антропологи принимают ее в порядке вещей. Фактически везде они видят образцы сегментации, расширения территориальных владений, централизации, секуляризации, индустриализации, развала племенного строя, свержения монархий, роста национализма, подъема национальных движений и т.д.

Повторяемости в культурном процессе постоянны: как в простых или мелкомасштабных событиях и процессах, так и в длительной и сложной череде событий...

ЗАКОНЫ ИСТОРИИ И ЗАКОНЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Но если не существует законов «истории», то существуют ли законы культурного процесса?...

Однако я считаю, что можно показать не только то, что законы культуры существуют, но и то, что эти законы – нечто большее, нежели тавтология и тривиальность. К тому же, я бы возразил, что их уже не считают общепризнанными не столько из-за сложности культурного процесса, сколько потому, что многие антропологи не заинтересованы в формулировании таковых законов.

Перед тем, как привести примеры общих законов культуры, кажется, будет уместным предложить в целом определение собственно научного закона. Научный закон, по-моему, – это просто утверждение наличия при определенных условиях постоянной связи между двумя или более классами феномена. Утверждая, что такая трактовка закона в науке общепризнанна и поэтому не нуждается здесь в защите, представим несколько положений культурного процесса, которые квалифицируются как научные законы...

Я считаю, что и нижеследующее утверждение также представляет собой закон культуры: Когда достигнут неолитический уровень культуры, возрастает вражда и начинаются завоевания и покорения, тогда число автономных политических единиц в мире сокращается, а их размер возрастает.

Можно предложить третий закон культуры. Когда в обществе появляются (а) технические средства для производства излишков и (б) класс специалистов, способный организовывать и управлять трудом других, тогда большую часть пленных, взятых в ходе военных дейст-

вий, уже более не будут убивать, для того чтобы съесть или принести в жертву, а будут превращать в рабов.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛИРОВКА КУЛЬТУРНЫХ ЗАКОНОВ

Результаты многих недавних антропологических работ, нацеленных на выявление и формулирование периодичности в культуре, получили выражение в статистических соотношениях. Исследование связи между этими отношениями (или, более правильно, соединениями) и культурными законами очень плодотворно. Попытки выявить соотношения между культурными феноменами, конечно, не новы для антропологии, которая, начиная с Тайлора и кончая Мёрдоком, привлекала внимание исследователей культурного процесса. Однако традиционные усилия в этой области почти всегда имели два недостатка, которые в конце концов приводили в основном к одному и тому же. Во-первых, исследователи соотносили лишь отдельные факторы с изучаемым и объясняемым феноменом. И во-вторых, получив положительное соотношение, они предпочитали почивать на лаврах, а не продолжать работать и совершенствовать свои гипотезы, чтобы еще более повысить коэффициенты...

Число абсолютно правомерных утверждений относительно культурного процесса все еще остается небольшим. Но поскольку начинается широкое изучение культурного феномена «с точки зрения выявления его повторяемости», то число законов, направленных на поддержание процесса, неизбежно будет расти. И по мере этого наука о культуре, в конце концов, придет к тому, что займет подобающее ей место зрелой и уважаемой дисциплины.

Культурный процесс // В.А. Бобахо, С.И. Левикова. Культурология: Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов. – М., 2000. – С. 255 – 269.

СОРОКІН Петерим Олександрович (1889 – 1968)

Російсько-американський соціолог, філософ, культуролог. У 1923 році був висланий із Радянської Росії. Займався культурними суперсистемами, дослідженням соціокультурної динаміки. Культуру розглядав як сукупність всього створеного або визнаного певним суспільством на тій чи іншій стадії, в ході якої суспільство створює різні культурні системи: пізнавальні, релігійні, етичні, правові та. ін., головною властивістю яких є тенденція до об'єднання в систему вищих рангів.

Основні праці, в яких викладено культурологічні ідеї: «Соціокультурна динаміка» (1937), «Society, Culture and Personality» (1947), «The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook» (1957) та ін.

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) – все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации.

...Интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога, Бога вездесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека. Такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности, может быть названа *идеациональной*. Такая же, в основном сходная посылка, признающая сверхчувственность и сверхразумность Бога, хотя воспринимающая отдельные религиозные аспекты по-иному, лежала в основе интегрированной культуры Брахманской Индии, буддистской и лаоистской культур, греческой культуры с VIII по конец VI в. до нашей эры. Все они были преимущественно идеациональными.

Закат средневековой культуры заключался именно в разрушении этой идеациональной системы культуры. Он начался в конце XII в., когда появился зародыш нового – совершенно отличного – основного принципа, заключавшегося в том, что *объективная реальность и ее смысл чувственны*. Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, – реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это – эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь. Та-

ков был новый принцип, совершенно отличный от основного принципа идеациональной культуры.

Этот медленно приобретающий вес новый принцип столкнулся с приходящим в упадок принципом идеациональной культуры, и их слияние в органичное целое создало совершенно новую культуру в XII – XIV столетиях. Ее основной посылкой было то, что *объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна*; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа *идеалистической*. Культура XIII – XIV столетий в Западной Европе, так же как и греческая культура V – VI вв. до нашей эры, были преимущественно идеалистическими, основанными на этой синтезирующей идее.

Однако процесс на этом не закончился. Идеациональная культура средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее сенсорны, продолжала наращивать темп в последующих столетиях. Начиная приблизительно с XVI в. новый принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. Таким образом возникла современная форма нашей культуры – культуры сенсорной, эмпирической, светской и «соответствующей этому миру». Она может быть названа *чувственной*. Она основывается и объединяется вокруг этого нового принципа: *объективная действительность и смысл ее сенсорны*. Именно этот принцип провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и умонастроениях людей....

...Основной принцип средневековой культуры делал ее преимущественно потусторонней и религиозной, ориентированной на сверхчувственность Бога и пронизанной этой идеей. Основной принцип идеалистической культуры был частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний... Основной принцип нашей современной чувственной культуры – светский и утилитарный – «соответствует этому миру». Все эти типы: идеациональный, идеалистический и чувственный – обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и др. культур.

...Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда *одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется...*

...Ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини не создали сегодняшний кризис, а, наоборот, существующий кризис создал их такими, каковы они есть – его инструментами и марионетками. Их можно убрать, но

это не уничтожит кризис и даже не уменьшит его. Этот кризис, пока он существует, будет создавать новых Гитлеров, Сталиных, Черчиллей и Рузвельтов.

...Настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, то есть кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования. Основанные... на биологических аналогиях, все подобные теории беспочвенны. Нет единого закона, согласно которому каждая культура проходила бы стадии детства, зрелости и смерти... Что же понимается под детством общества или под старением культуры; каковы типичные характеристики каждого из возрастов; когда и как умирает данное общество и что значит смерть общества и культуры вообще... Теории, о которых идет речь, – это простые аналогии, состоящие из неопределенных терминов, несуществующих универсалий, бессмысленных заявок. Они еще менее убедительны, утверждая, что западная культура достигла последней стадии старения и сейчас находится в предсмертной агонии...

...Настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, какой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно так же как замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации. В западной культуре конца средних веков таким же образом произошла смена одной фундаментальной социально-культурной формы на другую – идеациональной на чувственную форму... Равным образом теперешнее разрушение чувственной формы никак не тождественно концу западной культуры и общества. Трагедия и хаос, ужасы и горе переходного периода окончены, они вызовут к жизни новые созидательные силы в новой интегральной форме, столь же значительной, как все пять веков эры чувственной культуры.

...Такое изменение, сколь бы болезненным оно ни было, как бы является необходимым условием для любой культуры, чтобы быть творчески созидательной на всем протяжении ее исторического развития. Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены. В противном случае было бы не несколько форм одной культуры, а единая, абсолютная, включающая в себя все формы. Когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможности и ценности. Все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям. С

другой стороны, культуры и общества, которые не изменяли форму и не смогли найти новые пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур – стерильность, непродуктивность, прозябание...

...В течение последних четырех столетий преобладающей моделью современной культуры во всех ее компонентах была чувственная форма, хотя наряду с ней существовали (как побочные) идеациональная и другие формы изобразительного искусства, религии, философии, юриспруденции, этики, образов жизни и мышления. Едва ли какая-либо культура в истории человечества была полностью и совершенно интегральной. Термин «доминантная форма интеграции» не означает абсолютно монопольного преобладания, ведущего к полному исключению других форм культуры.

Это означает, что только те культурные и социальные формы, которые интегрированы в одну чувственную форму, могут разрушиться... Правда, эти явления, безусловно, составляют основной массив всей культуры Запада, однако тем не менее они охватывают не все социально-культурные феномены, составляющие эту культуру как единое целое. Не интегрированные в чувственную форму компоненты могут продолжать свое существование и даже успешно функционировать...

...Теперешние наши трудности происходят от разрушения чувственной формы западной культуры и общества, которая началась в конце XII в. и постепенно заменила собой идеациональную форму средневековой культуры. В период своего восхождения и расцвета она создала наиболее великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры... Ни одна из конечных форм... не вечна... Ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей нынче в период своего заката... Замена одной фундаментальной формы культуры другой – идеациональной на чувственную, и наоборот. Такие изменения очень редки... В течение трех тысячелетий... это случилось только четыре раза. Но... кризис... производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре...

КРИЗИС ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная формы изящных искусств

...[Искусства]... являются наиболее чувствительным зеркалом, отражающим общество и культуру, составной частью которых являются. Каковы культура и общество, таковыми будут и изящные искусства.

Если культура преимущественно чувственная, чувственными будут и ее основные изобразительные искусства... Так как западная культура преимущественно чувственная, а кризис заключается в разрушении ее основной сверхсистемы, то и современный кризис изобразительных искусств демонстрирует разрушение чувственной формы нашей живописи и скульптуры, музыки, литературы, драматургии и архитектуры...

...Каждая из трех основных культур – идеациональная, идеалистическая, чувственная – имеет свою собственную форму изобразительных искусств, отличную от другой как внешними признаками, так и внутренним содержанием. Причем основные признаки каждой из трех форм изобразительных искусств следуют основной посылке каждой из этих систем культуры.

Идеациональное искусство. Как своим содержанием, так и своей формой идеациональное искусство выражает основную посылку идеациональной культуры – основная реальность-ценность есть Бог. Поэтому *тема идеационального искусства – сверхчувственное царство Бога.* Ее герои – Бог и другие божества, ангелы, святые и грешники, душа, а также тайны мироздания, воплощения, искупления, распятия, спасения и другие трансцендентальные события. Искусство вдоль и поперек религиозно. Оно мало уделяет внимания личности, предметам и событиям чувственного эмпирического мира. Поэтому нельзя найти какого-либо реального *пейзажа, жанра, портрета.* Ибо цель – не развлекать, не веселить, не доставить удовольствие, а приблизить верующего к Богу. Как таковое, искусство священо как по содержанию, так и по форме. Оно не допускает и толики чувственности, эротики, сатиры, комедии, фарса. Эмоциональный тон искусства – религиозный, благочестивый, эфирный, аскетичный.

Его стиль есть и должен быть символичным. Это... видимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Так как Бог и сверхчувственные явления не имеют никакой материальной формы, то их нельзя постичь или изобразить натуралистически... Они могут быть обозначены лишь символично. Отсюда трансцендентальный символизм идеационального искусства. Знаки голубя, якоря, оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были... лишь символами ценностей невидимого мира Бога, в отличие от голубя или оливковой ветки реального мира... Такое искусство статично по... характеру и... приверженности к освященным, иератическим формам традиции. Оно всецело интровертно, без всяких чувственных украшений, пышности и нарочитости. Оно предполагает великолепие духовности, но облаченной в ветхие одеяния. Его значение не во внешнем проявлении, а во внутренних ценностях, которое оно символизирует. Это не искусство одного профессионального художника, а творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом и со своей

собственной душой. Такое общение не нуждается ни в профессиональном посреднике, ни в каком-либо внешнем приукрашивании. Таковы грубо очерченные штрихи идеационального искусства... Оно всего лишь являет собой деривацию и выражение основной посылки идеациональной культуры.

Чувственное искусство. Его черты совершенно противоположны чертам идеационального искусства... [Оно] живет и развивается в эмпирическом мире чувств. Реальный пейзаж, человек, реальные события и приключения, реальный портрет – таковы его темы. Фермеры, рабочие, домашние хозяйки, девушки, стенографистки, учителя и другие типажи – его персонажи. На своей зрелой ступени его любимые «герои» – проститутки, преступники, уличные мальчишки, сумасшедшие, лицемеры, мошенники и другие подобные им субсоциальные типы. Его цель – доставить тонкое чувственное наслаждение: расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетичным, чувственным, постоянно ищущим нечто новое. Оно отмечено возбуждающей наготой и сладострастием. Оно свободно от религии, морали и других ценностей, а его стиль – «искусство ради искусства». Так как оно должно развлекать и веселить, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства.

Стиль чувственного искусства натуралистичен, даже подчас несколько иллюзионистичен, свободен от всякого сверхчувственного символизма. Оно воспроизводит явления внешнего мира такими, какими они воспринимаются... органами чувств. Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе воображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменчивости. Ему приходится непрерывно меняться, выстраивая цепочку прихотей и образов, так как в противном случае оно будет скучным, безынтесным и неувлекательным... Это искусство внешнего проявления... напоказ... Оно зиждется на внешней саморепрезентации. Как глупенькая, но при этом шикарная девица, оно добивается успеха, поскольку принаряжено и сохраняет... внешнюю привлекательность. А чтобы сохранить красоту, ему приходится щедро использовать пышность и внешние обстоятельства, размах, ошеломляющие приемы... Это – искусство профессиональных художников, угрожающих пассивной публике. Чем оно более развито, тем более ярким становятся его характеристики.

Идеалистическое искусство ...является посредником между идеациональной и чувственной формами искусства. Его мир частично сверхчувственный, частично чувственный, но только в самых возвышенных и благородных проявлениях чувственной действительности. Его герои то боги и другие мистические создания, то реальный чело-

век, но только в его благороднейшем проявлении. Оно намеренно слепо ко всему недостойному, вульгарному, уродливому, негативному в реальном мире чувств. Его стиль частично символичен и аллегоричен, частично же реалистичен и натуралистичен. Он спокоен, ясен, невозмутим. Художник всего лишь *primus inter pares*... Он представляет собой великолепный синтез идеационального и благороднейших форм чувственного искусства.

Эклектическое искусство есть псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой исключительно механическую смесь той или иной формы. У него нет ни внешнего, ни внутреннего единства, нет индивидуального или постоянного стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей. Это искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее псевдо, чем истинное.

2. Сдвиги в формах изобразительных искусств

История начинается с крито-микенского искусства...

Начиная с конца VI в. до н.э. мы наблюдаем упадок идеационального искусства во всех его проявлениях и генезис идеалистического искусства, которое достигает расцвета в V в. до н.э. ...Парфенон как пример этого искусства наполовину религиозен, наполовину эмпиричен...

После V в. до н.э. волна чувственного искусства резко поднялась, а волна идеационального начала спадать. В результате этого идеалистический синтез разрушился и начиная приблизительно с III в. до н.э. и по IV в. н.э. длился период господства чувственной формы искусства...

С наступлением IV в. н.э. чувственная форма греко-римской культуры претерпела сильное изменение... Более точно следует интерпретировать ее как распад чувственной формы и как окончательную замену на новую доминирующую форму, а именно на христианское идеациональное искусство, которое господствовало с VI по конец XII в.

Величайшие примеры средневековой архитектуры – соборы, церкви – все суть строения, посвященные Богу. Их внешний абрис... и фактически каждая... деталь символичны. Это воистину «Библия в камне»!... В ней (живописи) очень мало обнаженного тела, а если оно и есть, то изображение крайне аскетично. Полностью отсутствуют пейзажи, жанровые темы, реалистические портреты, сатира, карикатура или комедия. Средневековая литература происходит главным образом из Библии... Все это искусство внешне просто, аскетично, традиционно и духовно... Идеациональное искусство субъективно,

погружено в сверхчувственный мир... Это – искусство человеческой души, наедине общающейся с Богом. Оно не предназначено ни для рынка, ни для прибыли, ни для славы, ни для известности, ни для чувственного наслаждения... Отсюда – анонимность искусства. Художники составляли гильдии. Всею коммуной строили соборы и церкви. Ведущие мастера не старались закрепить свои имена за своими творениями...

В конце XII в. дают о себе знать первые признаки заката всех идеациональных изобразительных искусств, кроме музыки, упадок которой произойдет позднее. Изобразительные искусства проходят путь от идеациональной формы к идеалистической в течение всего XIII и начала XIV в... Искусство опирается на сверхчувственный мир, но все более и более начинает отражать благородные и возвышенные ценности реального мира, безразлично, относятся ли они к человеку и к гражданским институтам или к идеализированной красоте... Это – искусство идеализированных типов, крайне редко индивидуализирующее личность или событие... Она [живопись] как бы придает смертным бессмертие. Даже если она изображает смерть, то часто с открытыми глазами, как будто бы мертвые видят свет, не воспринимаемый нами; они также лишены признаков разрушения и, так сказать, физической смерти. Живопись ясна, спокойна, свободна от какой-либо фривольности, комедии или сатиры, сильных страстей или эмоций, всего того, что унижает достоинство...

Идеалистический период заканчивается в XV в. Результатом продолжающегося заката идеациональной формы культуры и восхождения чувственной формы явилось господство чувственной культуры во всех изобразительных искусствах. Это господство все возрастает и с незначительными колебаниями достигает своего апогея и абсолютно-го предела в XIX в.

...[Чувственное искусство] светское во всем и оттого стремится отразить чувственную красоту и обеспечить чувственное удовольствие и развлечение. Как таковое, это – искусство ради искусства, лишенное всяких религиозных, моральных и гражданских ценностей. Его герои и персонажи типичные смертные, а позднее ими становятся субсоциальные и патологические типы. Его эмоциональный тон страстный, сенсационный, патетический. Оно отмечено возбуждающей и чувственной наготой. Это искусство пейзажа и жанра, портрета, карикатуры, сатиры и комедии, водевиля и оперетты; искусство голливудского шоу; искусство профессиональных художников, доставляющих удовольствие пассивной публике. Как таковое, оно создано для рынка, как объект купли и продажи, зависящее в своем успехе от конкуренции с другими товарами.

По внешнему стилю оно – реалистично, натуралистично, визуально. Оно изображает окружающую реальность таковой, какой она

Эти неоспоримые факты не оставляют никакого сомнения относительно идеационального характера средневековых изобразительных искусств и светской природы искусства последних четырех веков, особенно в XVIII – XX вв...

Другой важный аспект идеационального, идеалистического и чувственного искусств – их стиль: является ли он формальным и символическим или визуальным и чувственным.

Преимущественно идеациональный (символический, иератический, формальный) стиль средневековья и в основном визуальный (чувственный) стиль последних пяти столетий налицо. В XII – XIV вв. идеациональное искусство уступает первенство сначала идеалистической, а уже после – чувственной форме. XX в. характеризуется резким спадом визуально-чувственного стиля и заметным ростом экспрессивной манеры, нарушая тем самым наметившуюся с XIII по XIX в. тенденцию.

Стили:	До X в.	X – XI вв.	XII – XIII вв.
Визуальный (чувственный)	13,4	2,3	6,0
Идеациональный (символический, формальный)	77,0	92,2	51,1
Экспрессионистический	-	-	-
Смешанный	9,6	5,5	42,9
В целом	100	100	100
Стили:	XIV – XV вв.	XVI в.	XVII в.
Визуальный (чувственный)	53,6	72,0	90,6
Идеациональный (символический, формальный)	29,2	20,3	5,9
Экспрессионистический	-	-	-
Смешанный	17,2	7,7	3,5
В целом	100	100	100
Стили:	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Визуальный (чувственный)	96,4	95,5	61,5
Идеациональный (символический, формальный)	2,5	0,3	0,7
Экспрессионистический	-	2,8	35,5
Смешанный	1,1	1,4	2,3
В целом	100	100	100

открывается нашим органам чувств. В музыке оно представляет собой комбинацию звуков, которые или услаждают, или раздражают; достигается же это посредством чисто физических качеств... В этом смысле оно отражает лишь *поверхность окружающего мира* – его внешние формы, вид и звуки, вместо того чтобы проникать в трехмерную глубину живописных предметов и в суть лежащей за поверхностью действительности. Отсюда происходит *иллюзорный* характер этого искусства. Любое полотно чувственного искусства своим ракурсом и перспективой стремится создать иллюзию трехмерной реальности, хотя и средствами двумерного пространства...

Существенная черта, отличающая идеациональное, идеалистическое и чувственное искусства, заключена в природе их тем: находятся ли они в сфере сверхчувственно-религиозной или в чувственно-эмпирической. Исходя из этой методологической посылки история европейского искусства может быть хорошо обрисована следующими цифрами.

Среди всех изученных картин и скульптур процент религиозных и светских картин по векам получается следующим.

	До X в.	X – XI вв.	XII – XIII вв.
Религиозные	81,9	94,7	97,0
Светские	18,1	5,3	3,0
В целом	100	100	100
	XIV – XV вв.	XVI в.	XVII в.
Религиозные	85,0	64,7	50,2
Светские	15,0	35,3	49,2
В целом	100	100	100
	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Религиозные	24,1	10,0	3,9
Светские	75,9	90,0	96,1
В целом	100	100	100

Цифры убедительно свидетельствуют о том, что средневековая живопись и скульптура были преимущественно религиозными. Роль религиозного фактора начала снижаться лишь после XIII в. и наконец становится совершенно незначительной в XIX и XX столетиях. Одновременно процент светских картин и скульптур, которые фактически отсутствовали в средние века, увеличивается с XIII в. приблизительно до 90 – 96% от числа всех известных картин и скульптур XIX – XX вв. ...Такая же ситуация наблюдается в музыке, литературе и архитектуре...

Эти неоспоримые факты не оставляют никакого сомнения относительно идеационального характера средневековых изобразительных искусств и светской природы искусства последних четырех веков, особенно в XVIII – XX вв...

Другой важный аспект идеационального, идеалистического и чувственного искусств – их стиль: является ли он формальным и символическим или визуальным и чувственным.

Преимущественно идеациональный (символический, иератический, формальный) стиль средневековья и в основном визуальный (чувственный) стиль последних пяти столетий налицо. В XII – XIV вв. идеациональное искусство уступает первенство сначала идеалистической, а уже после – чувственной форме. XX в. характеризуется резким спадом визуально-чувственного стиля и заметным ростом экспрессивной манеры, нарушая тем самым наметившуюся с XIII по XIX в. тенденцию.

Стили:	До X в.	X – XI вв.	XII – XIII вв.
Визуальный (чувственный)	13,4	2,3	6,0
Идеациональный (символический, формальный)	77,0	92,2	51,1
Экспрессионистический	-	-	-
Смешанный	9,6	5,5	42,9
В целом	100	100	100
Стили:	XIV – XV вв.	XVI в.	XVII в.
Визуальный (чувственный)	53,6	72,0	90,6
Идеациональный (символический, формальный)	29,2	20,3	5,9
Экспрессионистический	-	-	-
Смешанный	17,2	7,7	3,5
В целом	100	100	100
Стили:	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Визуальный (чувственный)	96,4	95,5	61,5
Идеациональный (символический, формальный)	2,5	0,3	0,7
Экспрессионистический	-	2,8	35,5
Смешанный	1,1	1,4	2,3
В целом	100	100	100

С некоторыми модификациями подобные переходы происходили в других видах изящных искусств.

В литературе мы наблюдаем, как после XII в. чисто религиозная, символичная литература сперва уступила место аллегорической словесности XIII – XIV вв., а затем – реалистической, натуралистической манере последних четырех столетий.

В музыке мы наблюдаем, как уменьшается доля простой и при этом возвышенной музыки хоралов и постепенно увеличивается доля музыки, богатой чувственными изысками...

В архитектуре развитие шло в том же самом направлении – к чувственности...

...Средние века не дали картин чувственного, сексуального характера; абсолютное большинство средневековых произведений высокодуховны и аскетичны. За последние три века, наоборот, процент преимущественно духовных картин резко падает до незначительной доли, а процент чувственных картин быстро поднимается, особенно в XVIII – XX вв. В средневековом воспроизведении обнаженной природы процент эротизма равен нулю, за последние же столетия он поднимается до 21,3% в XVII в., 36,4 в XVIII в., 25,1 в XIX в. и 38,1% в XX в. Вся схожая симптоматика явствует и из процентного соотношения для тем изученных нами картин и скульптур:

Столетия	Пейзаж	Портрет	Жанр	Эротика
До X в.	-	1,4	5,4	-
X – XI вв.	-	0,4	1,6	-
XII – XIII вв.	-	0,9	0,5	-
XIV – XV вв.	0,1	6,6	4,1	-
XVI в.	1,6	11,5	5,3	от 3 до 49%
XVII в.	2,9	17,8	14,9	в зависи-
XVIII в.	6,6	21,8	25,3	мости от
XIX в.	15,4	18,9	35,9	изучаемой
XX в.	21,6	18,0	37,4	страны

3. Современный кризис в западных изящных искусствах

[Природа кризиса]: он заключается в разрушении чувственной формы, которая господствовала в течение последних пяти столетий. Во второй половине XIX и в начале XX в. чувственное искусство достигло стадии зрелости и с этого момента постепенно становится бесплодным и внутренне противоречивым. Эта все возрастающая бессодержательность делает искусство все более и более стерильным и, следовательно, отвращает от него. Его все возрастающие внутренние

противоречия усиливают присущий ему дуализм и разрушают его единство, то есть самую его природу.

Достижения нашего чувственного искусства... Чисто с технической стороны оно более совершенно, чем чувственное искусство любого другого века и культуры...

Количественно наша культура создала творения искусства, *беспримерные и по своему объему, и по своему размеру...* Наше искусство описывает жизнь масс с невиданным до сих пор размахом. Оно проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации... Если раньше музыка, картины, скульптуры, поэмы и драмы были доступны только избранному меньшинству, которому посчастливилось оказаться в той комнате, где исполняли музыку, выставляли картины или скульптуру,... то в настоящее время почти каждый может наслаждаться симфониями, исполняемыми лучшими оркестрами; драмами, разыгрываемыми лучшими актерами... С минимальной затратой энергии каждый может оказаться наедине с любым предметом искусства. Это искусство вошло в повседневную жизнь современного человека... Красота и искусство стали рутинной принадлежностью всей западной культуры, оказавшей влияние на... все... стороны нашей социально-культурной жизни. Это бесспорно немалое достояние. Оно означает всестороннее приукрашивание всей жизни и культуры человека.

Другим значительным достоинством нашего искусства является его *бесконечное многообразие* – типичная черта любого чувственного искусства. Оно не ограничено каким-либо одним стилем или сферой, как искусство всех предшествующих эпох. Оно так богато своим разнообразием, что на любой вкус можно найти встречное предложение... Все стили наравне друг с другом присутствуют в нашем искусстве...

Недуги нашего чувственного искусства. ...Наше чувственное искусство включает в себя самые вирусы распада и разложения. Эти патологические вирусы суть врожденные... Во-первых, функция давать наслаждение и удовольствие приводит чувственное искусство на стадию разрушения оттого, что одна из его базовых социально-культурных ценностей низводится до простого чувственного наслаждения уровня «вино – женщины – песня». Во-вторых, пытаясь изображать действительность такой, какой она открывается нашим органам чувств, искусство постепенно становится все более и более иллюзорным, не отражающим суть чувственного явления, то есть ему суждено стать поверхностным, пустым, несовершенным, обманчивым. В-третьих, в поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала как необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от обычных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-

культурной действительности к социальным отстойникам и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности. В-четвертых, его чарующее разнообразие побуждает к поиску еще большего многообразия, что приводит к разрушению гармонии, единства, равновесия и превращает искусство в океан хаоса и непоследовательности. В-пятых, это многообразие вместе со стремлением дать людям больше наслаждений стимулирует все возрастающее усложнение технических средств, что в свою очередь приводит к их логическому завершению, а это – вред, наносимый внутренним ценностям и качеству изобразительных искусств. В-шестых, чувственное искусство... – это искусство, создаваемое для публики профессионалами. Такая специализация... приводит на последних стадиях развития чувственной формы к отдалению художника от его репрезентативной общности...

Искусство Греции до III в. до н.э. и искусство средних веков никогда не опускалось до уровня развлекательного и потребительского... Оно было величественным, спокойным, поучительным и облагораживающим, религиозным и идеалистическим, интеллектуально, морально и социально вдохновляющим. Оно полностью игнорировало негативное начало в человеке и мире, который его окружает. Ничего грубого, вульгарного, уничтожающего человеческое достоинство или патологического не находило в нем места... Творчество [художника] для него самого выступало службой, обращенной к Богу и человечеству, исполнением его религиозного, социального, морального и художественного долга.

...[Современное] искусство постепенно становится товаром, произведенным в первую очередь для продажи... ради релаксации, потребления, развлечения и удовольствия, для стимуляции усталых нервов и сексуального возбуждения... Оно обслуживает рынок, а потому не может игнорировать его запросы... Искусство само не может избежать вульгаризации. Вместо того чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы... Оно вынуждено фактически пренебрегать всеми религиозными и моральными ценностями, так как они редко бывают «развлекательными» и «забавными»... Поэтому оно все более и более отстраняется от культурных и моральных ценностей и постепенно превращается в пустое искусство, эвфимистично названное «искусство ради искусства»; оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще – *безнравственно, антирелигиозно и антисоциально...*

Как коммерческий товар для развлечений искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды. Но любой товар на рынке относительно недолговечен... И если современному художнику не хочется голодать, ему не следует создавать вечные ценности, независимые от прихотей и капризов

времени. Он неизбежно тем самым становится рабом рыночных отношений, «производящим» свои «товары» в угоду спросу. Такая атмосфера... ведет к массовой продукции преходящих «хитов» и недолговечных «бестселлеров». Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязанным вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации. Эти дельцы, навязывающие свои вкусы публике, влияют тем самым и на ход развития самого искусства...

Как чистое средство развлечения, современное искусство, естественно, переходит в иной статус. Из царства абсолютных ценностей оно опускается до уровня производства ценностей товарных... Искусство становится всего лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки и им подобным...

...Божественные ценности искусства умирают и во мнении публики. Граница между истинным искусством и чистым развлечением стирается: стандарты истинного искусства исчезают и постепенно заменяются фальшивыми критериями псевдоискусства. Таковы первые признаки разрушения искусства, художника и самого человека, заключенные в развитии чувственного искусства. *Второй недуг чувственного искусства проявляется в его тенденции становиться все более и более поверхностным в отражении и воссоздании самого чувственного мира...*

...Основные цели чувственного искусства – развлекать, доставлять удовольствие, возбуждать или расслаблять людей... Основные чувственные ценности из-за многократного повторения стали терять свою прелесть и новизну, становились скучными и банальными.

Без новизны же искусство теряет свою развлекательную ценность. Чтобы сохранить привлекательность, искусство вынуждено в подобных условиях со все возрастающей скоростью переходить от одного объекта, события, стиля, модели к другим... Отсюда – все прогрессирующая поверхностность чувственного искусства на поздних ступенях развития периода разрушения. ...Для того чтобы успешно «продаваться» на рынке, чувственному искусству приходится поражать публику, быть сенсационным... Искусство приступает к поиску экзотичного, необычного, сенсационного. Вместе с постоянно меняющимися капризами рынка это приводит на поздних ступенях развития к искусственному отбору тем и персонажей. Вместо типичных и существенных тем оно выбирает такие аномальные и пустые темы, как преступный мир, сумасшедшие, нищие, «пещерные люди» или «шикарные женщины»...

Описанный выше недуг ведет, в свою очередь, к третьему: *к болезненной концентрации чувственного искусства на патологических типах людей и событиях...* В греческом и средневековом искусстве если некогда и вспоминали о монстрах, дьяволах, порочных лич-

ностях или негативных явлениях жизни, то лишь для того, чтобы сильнее оттенить позитивные ценности. ...Искусство... придавало бессмертие умершим, избегало всего прозаического и посредственного, а также всего негативного и патологического. Это... искусство... напоминает ему [человеку] о его божественной природе и о значимости его миссии на земле.

...Возвышающиеся и идеализирующие направления искусства начинают исчезать и постепенно заменяются их противоположностями... Современное искусство делает бессмертных смертными, освобождая их от всего божественного и благородного. Более того, оно игнорирует почти все высокое и благородное в самом человеке, в его социальной жизни, культуре, садистски заостряя внимание на всем посредственном и в особенности негативном, патологическом, антисоциальном и получеловеческом... «Герои» избираются из прозаических, патологических или негативных типажей. Все это имеет место и по отношению к событиям, которые они изображают...

...Все области современного искусства демонстрируют преувеличенную склонность к *сатире и карикатуре*... Все и вся... высмеивается и унижается. Мы искренне наслаждаемся таким унижением... Наше искусство сексуально неуравновешенное, извращенное, а подчас и садистское...

...Современное искусство – преимущественно музей социальной и культурной патологии. Оно сконцентрировано в полицейских моргах, в убежищах преступников, на половых органах, оно действует главным образом на уровне социального дна... Четвертый недуг: *многообразие чувственного искусства постепенно приводит его ко все возрастающей непоследовательности и дезинтеграции*... Серьезна его [искусства] *внутренняя, или духовная, бессвязность*...

...Художник, обладающий богатым ассортиментом технических средств в своем распоряжении, не способен правильно их использовать, поскольку эти средства довлеют над ним...

...Волна имитаций... имитация стилей... В особенности мы имитируем искусство негров, крестьянства всех стран, геральдическое искусство средневекового дворянства, иератическое искусство древнего Египта, классическое искусство Греции и искусство Возрождения. Такой поток изоциренных имитационных стилей превращает современное искусство в космополитический музей, репрезентирующий все безграничное многообразие стилей и направлений...

...Разрушение проявляется и *во все возрастающем подчинении качества количеству, внутреннего содержания и гения техническим средствам и приемам*... Когда же оно не может опереться на свое качественное превосходство, оно обращается к количественному. Отсюда – *болезнь колоссальности*... ...Количественная мания величия

обычно идет во вред качеству... Колоссальность неизбежно ведет к ухудшению качества... Разрушение вызывается стремлением нашей культуры подменить цели средствами, гениальность автора техникой. Декадентские периоды... отмечены подменой целей средствами, таланта – социальной тренировкой в мастерстве... Техника исполнения становится альфой и омегой искусства... Возрастающая скудость художественных, научных, религиозных и философских достижений – возмездие за обожествление технических средств. Чем больше внимания техническим средствам, тем больше пренебрежения к фундаментальным, базовым, конечным ценностям... Наше техническое мастерство обратно пропорционально способности создавать гениальные и долговечные шедевры.

Профессиональный характер чувственного искусства, хоть и благо при определенных условиях, оборачивается на стадии разрушения настоящим недугом... Когда искусство становится профессиональным, художник отделен от публики, приобретая полную свободу от контроля проповедуемых ценностей, тогда ситуация уже чревата опасностью кризиса... Художник, который помпезно провозглашает свою мнимую независимость, фактически становится детищем коммерческого бизнеса или босса, и тогда ему приходится отвечать их требованиям, какими бы вульгарными они ни были.

...Профессионализм в искусстве приводит к унификации... Такая унификация совпадает с эпохой разрушения чувственной культуры... В конечном итоге это приводит к искусственному контролю над художниками и их творческой деятельностью со стороны невежественных политиканов, к недооценке художественных ценностей как таковых, к подавлению всего того, что противоречит пристрастиям боссов...

...Импрессионизм... представляет собой конечную границу развития чувственного искусства. Его лозунгом было отражение поверхности чувственной реальности, какой она предстает нашим органам чувств в данный момент. Сюжет был совершенно несуществен...

...Модернисты открыто выступали против упаднического чувственного искусства... Они восстают против искусства, низведенного до уровня инструмента наслаждения и развлечения... Модернизм расходится со всеми основополагающими характеристиками разрушающегося чувственного искусства...

...Следующее заключение: современное искусство – это один из переходов от дезинтегрирующего чувственного искусства к идеациональной или идеалистической форме. Как таковой, модернизм лишь революционный *vis – a – vis* [визави, напротив, лицом к лицу] доминирующей чувственной форме. В нем еще не определились какие-либо ясные цели, тогда как его негативная программа очевидна, как, впрочем, ясной бывает негативная программа любой революции до того, как появляется положительная программа. Если стиль модернистского

искусства совершенно отстранен от стиля чувственного искусства, то его содержание по-прежнему остается полностью чувственным. Модернизм пытается отобразить что-либо сверхчувственное или идеалистическое. Мир, с которым он имеет дело, в основе своей материалистичен. Модернистское искусство стремится изобразить не Бога, а материю во всей ее трехмерной реальности. Его протест не во имя Бога или какой-либо другой сверхчувственной ценности, а во имя материального мира, против призрачной поверхностной материалистичности чувственного искусства...

...Они [модернисты] главным образом разрушители, а не творцы. Они процветают только в условиях, специфических для переходного периода... Чувственное искусство уже выполнило свою миссию... Разложение идет сейчас в полную силу... После мук и хаоса переходного периода рождающееся новое искусство – возможно, идеациональное – увековечит в новом облике неувыдаемый *élan* [порыв] человеческой культуры.

КРИЗИС В СИСТЕМАХ ИСТИНЫ: НАУКА, ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

...Три главные системы истины соответствуют нашим трем сверхсистемам культуры, а именно: идеациональной, идеалистической и чувственной системам истины и знания. Идеациональная истина – *это истина, открываемая милостью Божией* через его глашатаев (пророки, мистики, «отцы церкви»), обнаруживаемая сверхчувственным способом посредством мистического опыта, прямого откровения, божественной интуицией и вдохновением. Такая истина может быть названа *истиной веры*. Она непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях. Чувственная истина *суть истина чувств*, постигаемая органами чувственного восприятия...

Идеалистическая истина *есть синтез двух других истин, то есть синтез, созданный нашим разумом*. В отношении чувственных явлений она признает роль органов чувств как источника и критерия достоверности или недостоверности любого утверждения. По отношению к сверхчувственным явлениям она заявляет, что их познание невозможно посредством чувственного опыта; напротив, постичь ее возможно, лишь обращаясь к прямому откровению Бога. Человеческий разум... соединяет в единое целое истину чувств, истину веры и истину разума...

...С изменением доминирующей сверхсистемы культуры система истины подвергается соответствующим изменениям...

Сорокин П. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1999. – С. 427 – 504.

ТОЙНБІ Арнольд Джозеф (1889 – 1975)

Англійський історик, філософ, соціолог, суспільний діяч. Творець концепції всезагальної історії розвитку культури, теорії коловороту локальних цивілізацій, які змінюють одна одну. Наукову діяльність розпочав з вивчення первісного суспільства. Перекоаний в багатоманітності форм соціальної організації людства, кожна з яких має свою систему цінностей, навколо яких складається повсякденне життя – від самих грубих його проявів до високих злетів творчості.

Основні праці: «Осягнення історії» (1962), «Christianity and Civilization» (1946) та ін.

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Известно, что обращение с людьми или животными как с неодушевленными предметами может иметь катастрофические последствия. Почему же нельзя предположить, что подобный образ действия не менее ошибочен и в мире идей? Почему мы должны считать, что научный метод, созданный для анализа неодушевленной природы, может быть перенесен в историческое мышление, которое предполагает исследование людей в их деятельности?..

...Тот факт, что «великих держав» было больше, чем одна, свидетельствует о неспособности ни одной из них стать полностью универсальной. Однако каждая великая держава успешно оказывала постоянное влияние на жизнь общества, так что в некотором смысле она могла рассматривать себя как ось, вокруг которой вращается весь мир; и каждая великая держава надеялась также заменить собой весь мир, поскольку она была замкнута и самодостаточна. Претензии эти распространялись не только на область экономики и политики, но также и на область духовной культуры. Такой образ мышления, характерный для населения великих держав, постепенно распространялся и на представителей стран меньшего калибра, и скоро все западные нации – от самых больших до самых малых – отстаивали суверенное право самим организовывать свою жизнь и быть независимыми от всего остального мира. Это требование выдвигалось столь настойчиво и принималось столь широко, что самое существование и единство западного мира оказались под сомнением. Возникла глубинная внутренняя потребность ощутить Жизнь как целостность, противоположную видимой повседневной изменчивости...

...Мировая арена была захвачена великими державами, каждая из которых представляла собой замкнутый универсум. Характерной особенностью обществ нового века является взаимозависимость государств. Некоторые из них (напр., доминионы Британской метрополии)

не являются полностью независимыми единицами, другие (напр., Чехословакия, Австрия, Венгрия) лишены морского побережья, у третьих отсутствует ярко выраженная и подлинно оригинальная национальная культура. К тому же в этом новом мире даже великие державы стали казаться меньше и индустриализм, вышедший на мировую арену, стал тормозить их экономическое развитие. Все государства в равной степени начинают сознавать, что не могут самостоятельно выжить экономически, и либо резко протестуют против военной, финансовой, тарифной, миграционной политики, либо обращаются за помощью. К техническим международным организациям...

...В наш век главным в сознании общества является осмысление себя как части более широкого универсума, тогда как особенностью общественного самосознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом...

...Чем дальше в глубь исторического времени обращаемся мы, тем менее значительным становится факт изолированности... Таким образом, справедливо утверждение, что любая схема феодальной системы в Англии выглядит непонятной, или неумопостигаемой, до тех пор, пока в общую картину не включаются, по крайней мере, Франция и Скандинавия. Что касается Ренессанса, то как в политическом, так и в культурных аспектах это было дуновение жизни из Северной Италии...

Пространственный диапазон общества... Границы его обнаружены нами в пересечении трех планов социальной жизни – экономического, политического и культурного, – причем каждый из этих планов имеет свои границы распространения, зачастую не совпадающие с границами исследуемого нами общества. Например, экономический план современного общества, несомненно, охватывает всю освоенную человеком поверхность нашей планеты. Вряд ли существует хотя бы один обитаемый уголок на Земле, с которым Великобритания не обменивалась бы товарами или услугами. В политическом плане также можно констатировать носящую глобальный характер взаимозависимость...

Однако как только мы переходим к культурному плану, действительные связи общества, к которому принадлежит Великобритания, с остальным миром окажутся куда скромнее. В сущности, они ограничиваются странами Западной Европы, Америки и некоторыми странами южных морей с католическим и протестантским населением. Но стоит пристальнее взглянуть в культуру этих народов, как мы обнаружим заметное влияние на них русской литературы, дальневосточной живописи, индийской религии.

Если мы станем рассматривать пересечения в более ранних временных точках, то увидим, что во всех трех планах географические границы общества прогрессивно сужаются...

...Обращаясь к 775 г., мы обнаруживаем, что количество и основные черты обществ на карте мира не претерпели с течением веков

особых изменений. В сущности, мировая карта остается неизменной со времени возникновения западного общества. В борьбе за существование Запад стал доминировать в экономическом и политическом планах, но он не смог полностью обезоружить соперников, лишив их исконно присущей им культуры...

Итак, исследуя общество, именуемое нами «западным», мы обнаружили, что оно проявляет тенденцию к постоянному расширению. Однако... за время существования оно так и не добилось доминирующего положения в мире во всех его трех планах – экономическом, политическом и культурном.

...Прежде всего отметим наличие двух типов связи: отношения между общинами в рамках одного общества и отношения между обществами в рамках более крупной единицы...

Непрерывность истории – наиболее привлекательная из всех концепций, построенная по аналогии с представлением классической физики. Однако нам придется скрепя сердце критиковать ее. В самом деле, что здесь имеется в виду? Если имеется в виду, что «непрерывность истории» – это частный пример непрерывности Жизни, то это хотя и безупречный, но все-таки трюизм. Жизнь действительно непрерывна. От амебы – к позвоночным, от обезьяны – к человеку, от родителей – к ребенку в семье. Связь во всех этих случаях безусловна, хотя и разнородна. Однако, понимая и принимая непрерывность Жизни, мы не проясняем, что такое Жизнь. Мы вряд ли поймем природу Жизни, если не научимся выделять границы относительной дискретности вечно бегущего потока... Другими словами, понятие непрерывности имеет значение только как символический, умозрительный образ, на котором мы вычерчиваем восприятие непрерывности во всем реальном многообразии и сложности. Попробуем применить это общее наблюдение к исследованию Истории. Предполагает ли термин «непрерывность истории» в общепринятом смысле, что масса, момент, объем, скорость и направление потока человеческой жизни постоянны или если не буквально постоянны, то изменяются в столь узких границах, что поправкой можно пренебречь?..

При изучении временных отношений... необходимо различать две степени непрерывности: между последовательными периодами и фазами в истории самих обществ. Особо следует выделить непрерывность второго ряда, ибо она представляет собой значительный феномен.

Можно было бы выразить качественное различие между этими двумя видами непрерывности с помощью аналогии из человеческой жизни. Главы истории любого отдельно взятого общества напоминают последовательные ступени опыта человека. Так, связь между одним обществом и другим напоминает отношения между родителями и ребенком... При сравнении непрерывности жизней родителей и ребенка

с непрерывностью опыта в жизни того или иного индивидуума нельзя отрешиться от того непреложного факта, что рождение и смерть воздвигают глубокую пропасть между индивидуумами.

...Нами было идентифицировано 19 обществ... Исследуя основания каждого отдельного общества, в одних случаях мы обнаруживаем, что оно состоит в сыновнем родстве с более древним обществом благодаря наличию вселенской церкви. В других случаях такая связь не просматривается. Итак, мы определили, что вселенская церковь является основным признаком, позволяющим предварительно классифицировать общества одного вида. Другим критерием для классификации обществ является степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло. Сочетание этих двух критериев позволяет найти общую меру для размещения обществ на одной шкале, с тем чтобы определить место каждого из них в непрерывном процессе развития.

Попытка классификации по критерию религии выстроила следующий ряд: во-первых, общества, которые никак не связаны ни с последующими, ни с предшествующими обществами; во-вторых, общества, никак не связанные с предшествующими, но связанные с последующими; в-третьих, общества, связанные с предшествующими, но менее непосредственной, менее интимной связью, чем сыновнее родство через вселенскую церковь, связью, обусловленной движением племен, в-четвертых, общества, связанные через вселенскую церковь с предшествующим обществом сыновними узами; в-пятых, общества, связанные с предшествующими связью более глубокой, чем отечески-сыновняя, а именно: через передаваемую с незначительными изменениями или вообще без них организованную религию правящего меньшинства. Внутри группы родственно связанных обществ можно различить две подгруппы в зависимости от того, принадлежит ли источник творческой силы внутреннему пролетариату отеческого общества, создавшего универсальную церковь, или же этот источник чужеродного происхождения. Первоначальная классификация дает следующие результаты:

Общества, полностью независимые

египетское

андское

Общества, родственно связанные

китайское

минойское

шумерское

майяское

Общества инфрааффилированные

индское (?)

хеттское

сирийское
эллинское (?)

Аффилированные общества I

(сыновне родственны с помощью церкви чужеродного происхождения, игравшей роль куколки)

западное
православное
дальневосточное

Аффилированные общества II

(сыновне родственны с помощью церкви местного происхождения, игравшей роль куколки)

иранское
арабское
индуистское

Супрааффилированные общества

вавилонское
юкатанское
мексиканское

Выстраивая классификацию по территориальному признаку, что применимо только к родственно связанным обществам, можно выделить следующие группы: во-первых, общества, прародина которых не совпадает полностью с территорией предшествующего отеческого общества; во-вторых, общества, границы которых в общем совпадают с границами универсального государства отеческого общества; в-третьих, общества, территория которых полностью включена в территорию отеческого общества (см. таблицу).

Итак, попытаемся обобщить результаты и вывести единую классификацию. Получается следующая последовательность:

египетское + андское
китайское + минойское + шумерское + майяское
сирийское
индское + хеттское + эллинское

западное
православное христианское (в России) + дальневосточное (в Кореи и Японии)

православное христианское (основное) + дальневосточное (основное)

иранское
арабское + индуистское
мексиканское
юкатанское
вавилонское.

В результате этих классификационных операций количество обществ увеличилось с 19 до 21 (православное христианское общество и дальневосточное распались надвое в соответствии с местонахождением).

Таблица

Отечески-родственное общество	Сыновне-родственное общество			
	несовпадающее	частично совпадающее	полностью совпадающее	
			с самой широкой областью	с прародиной
Китайское	дальневосточное в Корее и Японии сирийское	индское + хеттское мексиканское	дальневосточное (основное) эллинское	вавилонское юкатанское
Минойское				
Шумерское				
Майяанское	православное христианское в России	иранское западное	индуистское арабское православное христианское основное	
Индское				
Сирийское Эллинское				

...Эти общества ничего не объединяет, кроме лишь того, что они предстают как «интеллигибельные поля исторического исследования», образуя род, вбирающий в себя 21 общество одного вида. Общества этого вида принято называть «цивилизациями», чтобы отличить их от «примитивных обществ», которые также представляют собой «интеллигибельные поля исторического исследования» в том смысле, в каком этот термин был ранее определен нами.

Число известных цивилизаций невелико. Нам удалось выделить только 21 цивилизацию, но можно предположить, что более детальный анализ вскроет значительно меньшее число полностью независимых цивилизаций – около 10. Известных примитивных обществ значительно больше...

Однако сравнивать цивилизацию с примитивным обществом – это все равно, что сравнивать слона с кроликом.

Примитивные общества обладают сравнительно короткой жизнью, они ограничены территориально и малочисленны. Жизнь цивилизаций, список которых едва достигает двузначного числа, наоборот, более продолжительна, они занимают обширные территории, а число людей, охватываемых цивилизациями, как правило, велико. Они имеют тенденцию к распространению путем подчинения и ассимиляции других обществ – иногда обществ собственного вида, но чаще всего примитивных обществ. Жизнь примитивных обществ, подобно жизни кроликов, часто завершается насильственной смертью, что особенно неизбежно при встрече их с цивилизациями. Что касается численного неравенства, то, если бы можно было составить перепись населения всех живых цивилизаций, мы обнаружили бы, что каждая из цивилизаций-левиафанов объединяет в себе большее число людей, чем все примитивные общества, вместе взятые, со времени появления человеческого рода...

Наши критики могут отрицать сопоставимость выявленной ранее 21 цивилизации на том основании, что они не совпадают во времени. Если 7 из них – живые общества, то остальные 14 – мертвые. По меньшей мере 3 из них – минойское, египетское и шумерское общества – существовали на «заре истории». Эти 3 цивилизации, а возможно, также и другие, отделены от ныне живущих длительным периодом исторического времени.

Здесь можно возразить одно: время относительно, и период, прошедший со времени появления ранних цивилизаций до наших дней, период, составляющий менее шести тысяч лет, должен быть соотнесен с соответствующей временной шкалой. Рассматривая отношения между цивилизациями во Времени, мы убедились, что максимальное число сменяющих друг друга поколений в любом случае не превышало трех; и в каждом случае суммарный срок их жизни не достигал шести тысяч лет, ибо последний этап каждой из целей цивилизаций – цивилизация ныне существующая. Если бы мы, соответствуясь с признанными авторитетами в области исследования различных форм Жизни, спросили, можно ли в принципе сравнивать между собой представителей вида в пределах трех последовательно сменяющих друг друга поколений, то ответ был бы положительным, ибо известно из наблюдений, что новое видовое отличие возникает не ранее чем в четвертом поколении.

Тот факт, что в нашем обзоре цивилизаций не зафиксирован ни один случай с большим числом последовательных поколений, чем три, и если учесть также, что общее число цивилизаций едва превышает 20, позволяет сказать, что они еще очень молоды. К тому же абсолютный возраст цивилизаций в сравнении с их сестринским видом – примитивными обществами – весьма мал. Однако у нас есть основания полагать, что человеческий род существует в течение нескольких

сотен тысяч лет, а примитивные общества – сверстники самого Человечества, поскольку общественная жизнь – необходимое условие жизни человека.

Теперь ясно, что контрдовод, который мы пытаемся опровергнуть, основывается просто на ошибке в рассуждении. «Историческое время», которое кажется пропастью между цивилизациями, находящимися на противоположных полюсах временной оси, на самом деле совпадает с временем, прошедшим с момента возникновения первого представителя вида до настоящего времени. Человек превратился в Человека, создав примитивное общество. Если возраст Человечества равняется приблизительно 300 тыс. лет, то возраст цивилизаций, отождествляемый до сих пор с длительностью человеческой истории, равен менее чем 2% данного отрезка. На этой временной шкале жизни все выявленные нами цивилизации распределяются не более чем в три поколения обществ и сосредоточены в пределах менее пятой части времени всей жизни Человечества. С философской точки зрения жизнь их протекает в одно и то же время.

...Цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением... Ни одна из идентифицированных нами 21 цивилизации не преодолела еще всю улицу до конца, и 14 из них постигла беда, когда они, нарушив правила, повернули вспять. Одни из них сталкивались с другими, другие же останавливались ввиду реальной угрозы для окружающих. Что же до тех 7 цивилизаций, которые существуют и сегодня, то трудно сказать, которая из них в состоянии достичь конца улицы, какие из них все еще норовят развернуться, а какие строго соблюдают правила движения.

...Независимые цивилизации появились благодаря мутации примитивных обществ, а родственно связанные цивилизации – через отделение от предшествующих цивилизаций...

Негативный фактор, который следует учитывать при анализе того длительного периода, что охватывает время существования примитивных обществ, – это сила инерции. Сила инерции, воплощенная в обычае, хорошо объясняет задержку человечества на примитивном уровне приблизительно на 300 тыс. лет. Однако почему же примерно 6000 лет назад некоторые индивиды направили свои усилия на то, чтобы преодолеть эту инерцию и перевести состояние Инь в активность Янь? Чем мощнее сдерживающая сила инерции, тем больший импульс следует ожидать от силы с обратным вектором, и, каков бы ни был источник этой силы, именно он запустил маховик человеческой жизни...

Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние.

Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста.

...Цивилизация существует благодаря постоянным усилиям человека... Предоставленные сами себе народы, обитавшие в жарких центральноафриканских джунглях, оказались лишенными естественного стимула и в течение тысячелетий оставались в застывшем состоянии на примитивном уровне.

Стимулы роста можно разделить на два основных вида: стимулы природной среды и стимулы человеческого окружения. Среди стимулов природной среды можно выделить стимул «бесплодной земли» и стимул «новой земли»...

...Пять типов вызова: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов ударов, вызов давления и вызов ущемления...

...Территориальная экспансия приводит не к росту, а к распаду...

...Милитаризм... является... наиболее общей и распространенной причиной надломов цивилизаций. Милитаризм надламывает цивилизацию, втягивая локальные государства в междуусобные братоубийственные войны...

...Географическая экспансия выражает притязания одного общества на владения другого; успех подобных притязаний приводит к ассимиляции, а социальная ассимиляция является результатом «культурного облучения».

Известно, что белый свет разлагается на составляющие цвета. Подобно этому, лучи, которые излучает духовная энергия общества, также состоят из отдельных элементов – экономических, политических и культурных.

В случае успешной ассимиляции материальные экономические факторы обычно действуют первыми. Афганец и эскимос стремится завладеть каким-либо привлекательным западным изделием, например ружьем, швейной машиной или граммофоном. Принимая незнакомый инструмент за игрушку, абориген не обязан принимать вместе с этими предметами иностранные институты, идеи, этос. Если бы афганцу сказали, что он может взять британское ружье только в том случае, если признает британскую конституцию, обратится в англиканство, освободит своих домашних женщин, то, безусловно, условия показали бы ему неприемлемыми.

Он скорее вернет ружье и удовлетворится оружием своих предков, чем изменит стародавние обычаи. Экспансионизм цивилизации затруднен проникновением ее в чужую цивилизацию. Иными словами, лучи ее не развернулись в спектр и имеют слишком резкое свечение. Это та форма, когда экономические, политические и культурные элементы в обществе диффузно сливаются друг с другом. Подобное состояние характерно для цивилизации на стадии роста. Одной из отличительных черт растущей цивилизации является то, что она представляет собой на этом этапе некое единое социальное целое, в котором экономический, политический и культурный элементы объединены внутренней гармонией растущей социальной системы. С другой стороны, когда общество надламывается и начинает распадаться, одним из симптомов этой социальной болезни является разделение культурного, политического и экономического элементов, что порождает болезненный диссонанс...

Возможно... социальный распад представляет собой более благоприятное условие для географической экспансии, чем социальный рост...

Общество, переживающее упадок, стремится отодвинуть день и час своей кончины, направляя всю свою жизненную энергию на материальные проекты гигантского размаха, что есть... стремление обмануть агонизирующее сознание, обреченное своей собственной некомпетентностью и судьбой на гибель...

Люди, объединенные определенной системой общественных отношений, являются, как правило, наследниками одной и той же культуры, и поэтому было бы странно, если бы на общий вызов не последовало схожих ответов...

Растущие цивилизации отличаются от примитивных обществ поступательным движением за счет творческого меньшинства... Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь...

Характерным типом индивида, действия которого превращают примитивное общество в цивилизацию и обуславливают причину роста растущей цивилизации, является «сильная личность», «медиум», «гений», «сверхчеловек»; но в растущем обществе в любой данный момент представители этого типа всегда находятся в меньшинстве. Они лишь дрожжи в общем котле человечества...

Для того чтобы побудить инертное большинство следовать за активным меньшинством, недостаточно лишь силы духа творческой личности. Освоение высоких духовно-нравственных ценностей предполагает способность к восприятию «культурной радиации», свободный мимезис как подражание духовно-нравственному порыву избранных носителей нового.

...Каждая цивилизация создает свой индивидуальный художественный стиль. И при попытках определить границы какой-либо цивилизации... эстетический критерий оказывается самым верным и тонким...

...Общество не является видом или родом. Более того, оно не является организмом. Каждое общество – это представитель некоторого вида из рода *обществ*... Это род Ното.

...Цивилизации, которых уже нет, не являются «жертвами судьбы», и посему живая цивилизация, как, например, западная, не может быть априори приговоренной к повторению пути цивилизаций, уже потерпевших крушение. Божественная искра творческой силы заложена внутри нас...

...Если лучи социального влияния, исходящие от растущей цивилизации, можно уподобить белому свету, вобравшему в себя все цвета, то лучи, исходящие от распадающейся цивилизации, можно сравнить с радугой, образуемой в результате дисперсии. В приложении к социальному излучению три составляющие «белого света» – это политика, культура и экономика.

Пока все три элемента соединены в едином потоке, действие их происходит в одном направлении и примерно на одинаковое расстояние, однако впоследствии происходит дифференциация. Поскольку двигательная сила экономического элемента оказывается наиболее мощной, характер общества распадающейся цивилизации все больше смещается в сторону чисто экономического развития. Иногда наблюдается при этом увеличение политического влияния. Все это укладывается в рамки ранее установленного нами закона, согласно которому экспансия цивилизации является признаком ее распада. Мы замечали также, что усиление экономического и политического влияния сопровождается снижением культурного влияния. При сравнении распадающегося общества с растущим становится очевидным, что по мере роста экономической мощи происходит потеря нравственной силы распадающегося общества.

Выделенные нами три элемента в жизни общества имеют отнюдь не равное значение. Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации. Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чужой социальной структуры, с которой она имеет контакты. Для цивилизации, находящейся в поле воздействия чужой культуры, культурное влияние оказывается куда более благодатным и полезным, чем заимствования в экономическом или же политическом плане. Обратно выражаясь, политические и экономические подарки, которые

щедрой рукой рассыпает вокруг себя распадающаяся цивилизация, оказываются дурными семенами, брошенными в заросшее сорняками поле.

...Отчужденное и лишенное иллюзий варварское общество начинает с пренебрежением относиться к культуре своего соседа, но вместе с тем оно может продолжать заимствовать его социальные институты и технические достижения. Этот процесс всегда имеет многосторонний характер, и фактически продолжается взаимообогащение и в области культуры. Кроме того, правящее меньшинство, с которым варвары имеют дело, насаждает свои стандарты силой, а сила эта опирается на диктаторский режим и развитую военную технологию...

...Если культурные границы растущей цивилизации воспринимаются как двери, гостеприимно распахнутые для двустороннего движения, то военные границы распадающейся цивилизации можно сравнить с забором, наглухо перекрывающим входы и выходы...

Некоторая трансформация является неизбежным следствием проникновения культуры одного общества в культуру другого, но степень и характер трансформации варьируются в зависимости от обстоятельств. Изменения носят минимальный характер, когда излучение культуры идет от растущего общества к статистическому, еще не вступившему в фазу строительства цивилизации; максимальные же изменения для взаимодействия цивилизованных обществ, когда обе цивилизации находятся в процессе распада... Источник излучения – это цивилизация, находящаяся в процессе распада, а варвары резервуара, находящегося за пределами границ, – это представители нецивилизованного общества, сопротивляющиеся культурной экспансии соседней цивилизации вовсе не потому, что они стремятся защитить свою собственную культуру, а лишь в силу враждебного отношения к чужой культуре, которая, надломившись, утратила свою былую привлекательность.

Трансформация энергии происходит благодаря процессу разложения. Вторгающаяся культура разлагается на составные части, синтезируясь затем в ином порядке. Цивилизацию, находящуюся в процессе роста, можно определить как цивилизацию, у которой культурные компоненты гармонически сочетаются в единое целое. Распадающуюся цивилизацию можно по этому же принципу определить как цивилизацию, элементы которой рассогласованы. Расщепление культуры, таким образом, – это симптом социального недомогания, причина которого не в том, что цивилизация воздействует на чужое общество, а в том, что она сама пережила надлом и начала распадаться. Компонентами культуры общества являются экономический, политический и собственно культурный элементы. Когда одна культура вторгается в другую, проникающая сила каждого из элементов прямо противоположна его социальной ценности. Так, экономический элемент

воспринимается чужой культурой с наибольшей готовностью, за ним следует политика, а на последнем месте оказывается культурный элемент. И в этом причина того, что разложение интегральной культуры кончается социальной катастрофой. Война и торговля – вот два главных канала отношений между распадающейся цивилизацией и ее внешним пролетариатом. Причем господствующая роль принадлежит войне.

...Максимальное число цивилизаций, которые нам удалось нанести на культурную карту, равнялось 37. Географически их можно разделить на две группы – цивилизации Старого Света и цивилизации Нового Света. До сравнительно недавнего времени они были разделены между собой. Затем цивилизации Старого Света можно было бы подразделить по признаку поколений. Максимальное число установленных нами поколений равняется трем. Подобное разделение цивилизаций явно ограничивает возможное число географических контактов между современниками. Однако оно все же больше, чем общее число цивилизаций. Цивилизации-современницы могут иметь более одного контакта за свою историю. Наблюдаются, кроме того, хронологические пересечения цивилизаций, принадлежащих к различным поколениям, а сохранившиеся реликты или диаспора мертвой цивилизации, случается, сохраняют свои черты, будучи включенными в иное общество. Следует добавить, что фактором, чрезвычайно увеличивающим число контактов и конфликтов между цивилизациями, стало взаимопроникновение цивилизаций Нового и Старого Света в результате открытия Америки в XV веке...

...Платой за успешную агрессию становится проникновение в культуру победившей цивилизации экзотической культуры ее жертв. Внутренний пролетариат победившего общества с готовностью воспринимает элементы чуждой культуры, в результате чего нравственная пропасть между отчужденным пролетариатом и бывшим доминирующим меньшинством еще более углубляется.

...Элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте. С другой стороны, стоит чужеродным элементам утвердиться в новом окружении, они обретают тенденцию привлекать к себе другие элементы своей собственной культуры.

Второй ступенью контактов между двумя современными цивилизациями становится тенденция создания общей культурной формы через реинтеграцию культурных элементов, ранее разобщенных. Этот процесс встречает сопротивление со стороны противоположной тенденции – препятствовать всякому проникновению чуждых культурных элементов, а если и пропускать их, то в минимальных дозах. Когда какой-либо чужеродный элемент проник в структуру, преодолевая напряжение системы, он увлекает за собой другой элемент, также изо-

лированный и оторванный от своей культурной среды. Сопротивление болезненному процессу внедрения элементов чужой культуры в социальное тело абсолютно неизбежно. Однако столь же неизбежно и окончательное поражение. Рекомендация искаженных элементов тяготеет к созданию новой целостности, а не просто к механическому соединению, поскольку культуре свойственно стремиться к самоструктурированию. Общество ассимилирует воздействующую на него силу. Единственное, на что ему остается надеяться, – это замедлить процесс реинтеграции. Однако на деле такая тактика обычно не приостанавливает агонии собственной культуры...

...Вторгшийся иностранный культурный элемент невозможно выхолостить, лишив его тем самым опасной способности притягивать к себе другие элементы своей культуры. Однажды завоевав определенное место в сфере сообщества, чужеродный культурный элемент укореняется там и, обрастая другими, родственными себе элементами, чувствует себя вскоре хозяином положения. Если воспринимающая сторона не в состоянии нейтрализовать эти вкрапления, остается единственная надежда – попытаться перехитрить врага... Сражаться с более сильным противником его же собственным оружием. Причем, не ожидая нападения, выйти ему навстречу с распростертыми объятиями...

Когда две или более цивилизаций вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными силами... Цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть...

Наименее жесткой формой бесчеловечности поражены представители агрессивной цивилизации, в культуре которой религия занимает главенствующее место. В обществе, где жизнь не секуляризирована, унижение принимает форму религиозной беспричастности...

...Одной из форм бесчеловечности можно считать утверждение культурной дискриминации в обществе, которое секуляризировало свою культуру. В современном мире различные националистически настроенные проводники западной культуры склонны проводить различие между Цивилизацией с большой буквы и «варварами», или «дикарями», которых Запад облагодетельствовал в разных местах земного шара. Такое отношение привело к политическому и культурному патернализму в колониальных империях Запада, отрицанию гражданских прав подчиненных народов и возвело культурный барьер, который нельзя преодолеть простой магической формулой, превращающей язычника в верующего...

Ультразападный и китайский образцы жизни потенциально саморазрушительны. Западный образ жизни взрывоопасен; китайский (имеется в виду традиционный китайский образ жизни) – окаменел. При всей противоположности оба эти образа жизни несут в себе нечто

неизбежное для судеб человечества. Если нынешнее доминирование Запада будет продолжаться, что наиболее вероятно в свете последних событий, а значит, будет продолжаться и процесс объединения и слияния культур, то, возможно, западный динамизм соединится с китайской стабильностью в сбалансированных пропорциях, а это в свою очередь породит новый образ жизни, который не только даст человечеству возможность выжить, но и гарантирует ему благополучие...

Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 14 – 642.

ДАНИЛЕВСЬКИЙ Микола Якович (1822 – 1885)

Російський публіцист, соціолог, етнограф, природодослідник, філософ, культуролог, ідеолог слов'янофільства. Творець теорії культурно-історичних типів людства. Прихильник дискретного характеру історії. Розглядав історію як зміну самобутніх, еквівалентних за цінністю великих і малих культур. На основі внеску того чи іншого народу культурний розвиток людства розрізняв народи-творці, народи-руйнівники і народи, яким не притаманна ні позитивна, ні негативна роль.

Основні культурологічні погляди викладено в праці «Росія і Європа» (1871).

РОССИЯ И ЕВРОПА

Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку...

...Всеми живущему, как отдельному неделимому, так и целым видам, родам, отрядам животных и растений, дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть... История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают – и умирают не от внешних только причин...

...Формы исторической жизни человечества... не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам. Поэтому ...только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами: древняя, средняя и новая история. Это деление есть только подчиненное, главное же должно состоять в отличии культурно-исторических типов,

так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития...

...Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся...

Итак, естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее деления от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться... ...Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский, или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составляющие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключающееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные – от типов, или цивилизаций, преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного другому, как материалы для питания или как удобрение (то есть обогащение разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами) той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип. Таковыми преемственными типами были: египетский, ассирийско-вавилонно-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский. Так как ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изживается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменивших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская, – хотя бы эти последние и одни равнялись всем им продолжительностью жизни. Вот, мне кажется, самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя. Однако же эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности про-

явлений человеческого духа, в чем, собственно, и заключается прогресс...

Но и эти культурно-исторические типы, которые мы назвали положительными деятелями в истории человечества, не исчерпывают еще всего круга ее явлений... В мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогли испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и, разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество. Назовем их отрицательными деятелями человечества. Иногда, впрочем, и зиждательная и разрушительная роль достается тому же племени, как это было с германцами и аравитянами. Наконец, есть племена, которым не суждено ни зиждательного, ни разрушительного величия, ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов – культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собою разнообразие и богатство их, но сами не достигают до исторической индивидуальности. Таковы племена финские и многие другие, имеющие еще меньше значения. Иногда нисходят на эту ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы в ожидании, пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их, в смеси с другими элементами, в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа. Так случилось, например, с народами, составляющими Западную Римскую империю, которые и в своей новой форме, подвергшись германскому образовательному принципу, носят название романских народов.

Итак, или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала – вот три роли, которые могут выпасть на долю народа...

ЗАКОН 1. Всякое племя, или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой... составляет самобытный культурно-исторический тип, если вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

ЗАКОН 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

ЗАКОН 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

ЗАКОН 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

ЗАКОН 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу...

...Передавать цивилизацию какому-либо народу – очевидно, значит заставить этот народ до того усвоить себе все культурные элементы (религиозные, бытовые, социальные, политические, научные и художественные), чтоб он совершенно проникнулся ими и мог продолжать действовать в духе передавшего их с некоторым, по крайней мере, успехом, так, чтобы хотя отчасти стать в уровень с передавшим, быть его соперником и вместе продолжателем его направления...

Неужели же историческая деятельность, результаты, достигнутые жизнью одного культурно-исторического типа, остаются совершенно бесплодными для всех остальных ему современных или последующих типов? Неужели должны типы эти оставаться столь же чужды один другому, как, например, Китай для остального мира? Конечно, нет... Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому; но из этого не следует, что они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача...

Самый простейший способ этого распространения есть пересадка с одного места на другое посредством колонизации...

Другая форма распространения цивилизации есть прививка, и обыкновенно это и разумеют под передачей цивилизации... Почка, вставленная в разрез древесной коры, или черенок, прикрепленный к свежему срезу ствола, нисколько не изменяют характера растения, к которому привиты. Дичок остается по-прежнему дичком, яблоня – яблоней, груша – грушей. Привитая почка или черенок так же сохраняют свою природу, только черпают нужные им для роста и развития соки через посредство того растения, к которому привиты, и перерабатывают их сообразно своему специфическому и формационному, или образовательному, началу. Дичок же обращается в средство, в служебное орудие для лелеемого черенка или глазка, составляющих как

бы искусственное чужеродное растение, в пользу которого продолжают обрезать ветви, идущие от самого ствола и корня, чтобы они его не заглушили. Вот истинный смысл прививки... Надо быть глубоко убежденным в негодности самого дерева, чтобы решаться на подобную операцию, обращающую его в средство для чужой цели, лишаящую его возможности приносить цветы и плоды своеобразно... Как бы то ни было, прививка не приносит пользы тому, к чему прививается, ни в физиологическом, ни в культурно-историческом смысле.

Наконец, есть еще способ воздействия цивилизации на цивилизацию... Это есть действие, которое мы уподобим влиянию почвенного удобрения на растительный организм, или, что то же самое, влиянию улучшенного питания на организм животный. За организмом оставляется его специфическая образовательная деятельность; только материал, из которого он должен возводить свое органическое здание, дополняется в большем количестве и в улучшенном качестве, и результаты выходят великолепные; притом всякий раз – результаты своего рода, вносящие разнообразие в область всечеловеческого развития, а не составляющие бесполезного повторения старого, как это неминуемо должно произойти там, где один культурно-исторический тип приносится в жертву другому посредством прививки... Только при таком свободном отношении народов одного типа к результатам деятельности другого, когда первый сохраняет... всю свою самобытность, – может быть истинно плодотворно воздействие завершенной или более развитой цивилизации на вновь возникающую. Под такими условиями народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, то есть выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности. Все же остальное... не может быть предметом заимствования, а может быть только принимаемо к сведению... по... той причине, что при разрешении этого рода задач цивилизация не могла иметь в виду чуждых ей общественных начал и что, следовательно, решение их было только частное, только ее одну более или менее удовлетворяющее, а не общеприменимое...

Пятый закон культурно-исторического движения состоит в том, что период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается. Под периодом цивилизации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип, – вышедший из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц..., – проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды,

свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период... когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они не успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в апатии самодовольства (как, например, Китай) или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал... был неполон, односторонен, ошибочен или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути – в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в апатию отчаяния. Так было в римском мире во время распространения христианства. Впрочем... вторая форма не может быть продолжительна и переходит в первую, если после иссякновения нравственного принципа жизни народы не сметаются внешними бурями, не обращаются снова в первобытную этнографическую форму быта, из коего снова может возникнуть историческая жизнь...

Если период цивилизации бывает относительно так краток, то зато предшествующее ему время – и особенно древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от сродственных с ним племен, – бывает чрезвычайно длинным. В этот-то длинный подготовительный период, измеряемый тысячелетиями, собирается запас сил для будущей сознательной деятельности, закладываются те особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности...

Если этнографический период есть время собирания, время заготовления запаса для будущей деятельности, то период цивилизации есть время растраты – растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания, но все-таки растраты; и как бы ни был богат запас сил, он не может... не оскудеть и не истощиться – тем более что во время возбужденной деятельности, порождающей цивилизацию и порождаемой ею, живетса скоро. Каждая особенность в направлении, образовавшаяся в течение этнографического периода, проявляясь в период цивилизации, должна непременно достигнуть своего предела, далее которого идти уже нельзя или... откуда дальнейшее поступательное движение становится уже медленным и ограничивается одними частными приобретениями и усовершенствованиями. Тогда происходит застой в жизни, прогресс останавливается, ибо бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а еще более во всех направлениях разом) есть очевидная невозможность... Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, то есть надо, чтобы

вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа.

Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития...

Переход как из этнографического состояния в государственное, так и из государственного в цивилизационное, или культурное, обуславливается толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении...

...Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности и ограниченности национального, для вступления в области существенности и всеобщности – общечеловеческого...

...Для коллективного же и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного (то есть разноплеменного) выражения и разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития...

Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал или... идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем. Культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам, или племенам, человеческого рода. Семь таких племен, или семейств народов, принадлежат к арийской расе. Пять из них выработали более или менее полные и совершенно самостоятельные цивилизации; шестое – кельтское, лишенное политической самостоятельности еще в этнографический период своего развития, не составило самобытного культурно-исторического типа, не имело свойственной ему цивилизации, а обратилось в этнографический материал для римского, а потом, вместе с его разрушенными остатками, для европейского культурно-исторического типа и произведенных ими цивилизаций. Славянское племя составляет седьмое

из этих арийских семейств народов. Наиболее значительная часть славян (не менее, если не более, двух третей) составляет политически независимое целое – великое Русское царство... Славяне, подобно своим старшим на пути развития арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию, – что славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом, – такой же культурно-исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе... Цивилизация не передается... от народов одного культурного типа народам другого. Ежели они по внешним и внутренним причинам не в состоянии выработать самобытной цивилизации, то есть стать на ступень развитого культурно-исторического типа..., то им ничего другого не остается, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал, в средство для достижения посторонних целей, потерять свой формационный, или образовательный, принцип и питать своими трудами и потом, своею плотью и кровью чужой, более благородный прививок, и чем скорее это будет, тем лучше...

...Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает... Цивилизация, или... культурно-исторический тип, не только может считаться новым и самобытным, но и имеющим весьма большое значение в общем развитии человечества, ежели бы даже относительно положительной науки он и не произвел ничего нового, ничего самобытного, а шел бы только по старому, правильно пробитому пути...

...Ни одна культура не может быть вечною, и ежели бы все разом проливали свет свой, то все разом (или почти разом) и померкли бы, и мрачная ночь варварства распространилась бы над всей землей, так что новой культурной жизни не у чего бы было и зажечь свой светильник... Поэтому... ежели вызывается культурная жизнь нового исторического типа, то, должно быть, жизнь старого угасает. Но в этом ли и главное объяснение вражды, инстинктивно чувствуемой прежним историческим деятелем к новому – предшественником к преемнику?...

Различия в характере народов, составляющих самобытные культурно-исторические типы, те различия, на которых должно основываться различие в самих цивилизациях, составляющих существенное содержание и плод их жизненной деятельности, могут быть подведены под следующие три раздела: 1) под различия этнографические; это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов; 2) под различия руководящего ими высшего нравственного начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художест-

венной, так и со стороны общественно-политического строя; 3) под различия хода и условий исторического воспитания народов... Политическая самостоятельность... – условие, без которого, как свидетельствует история, цивилизация никогда не начиналась и не существовала, а поэтому, вероятно, и не может начаться и существовать...

Общих разрядов культурной деятельности в обширном смысле этого слова (не могущих уже быть подведенными один под другой, которые мы должны, следовательно, признать за высшие категории деления) насчитывается не более не менее четырех, а именно:

1. **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНАЯ**, объемлющая собою отношения человека к Богу, – понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНАЯ**, В ТЕСНОМ ЗНАЧЕНИИ ЭТОГО СЛОВА, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, **ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ – НАУЧНОЕ**, во-вторых, **ЭСТЕТИЧЕСКОЕ – ХУДОЖЕСТВЕННОЕ** (причем, конечно, к внешнему миру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, **ТЕХНИЧЕСКОЕ – ПРОМЫШЛЕННОЕ**, то есть добывание и обработка предметов внешнего мира, применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира достигнутым путем теоретическим.

3. **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ**, объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. Наконец –

4. **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ**, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно – применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их...

Первые культуры: египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую мы можем по всей справедливости назвать первичными, или аутохтонными, потому что они сами себя построили, так сказать, сосредоточив на разных точках земного шара слабые лучи первобытной догосударственной деятельности человечества. Они не проявили в особенности ни одной из только что перечисленных нами сторон человеческой деятельности, а были, так сказать, культурами подготовительными, имевшими своею задачей выработать те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе. Все было в них еще в смешении; религия, политика, культура,

общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности...

Религия выделилась как нечто особенное и вместе высшее только в цивилизации еврейской и была всепроницающим ее началом. Только религиозная деятельность еврейского народа осталась заветом его потомству. Религия эта была беспримесная, а только сама налагала на все свою печать, и все остальные стороны деятельности оставались в пренебрежении; и в них евреями не произведено ничего заслуживающего внимания их современников и потомства...

Подобно тому как еврейская культура была исключительно религиозна, тип эллинский был типом культурным, и притом преимущественно художественно-культурным. Перед эту сторону развития отступали все остальные на задний план. Можно даже сказать, что в самом психическом строе древних греков не было пригодной почвы, на которой могла бы развиться экономическая, политическая и религиозная стороны человеческой деятельности. Этому, столь богато одаренному в культурном отношении, народу недоставало ни экономического, ни политического, ни религиозного смысла. Об общественно-экономической стороне развития нечего много распространяться...

В политическом отношении греки не могли даже возвыситься до сознания ПОЛИТИЧЕСКОГО единства своего племени, хотя они и сознавали себя особою культурною единицей в противоположность всем остальным народам-варварам...

Подобным же образом и религиозное учение греков выказывает отсутствие истинного религиозного смысла и чувства. Их религиозное мировоззрение одно из самых мелких и жалких и совершенно недостойно народа, занимающего такое высокое место в философском мышлении. Из трех сторон религии, которыми она удовлетворяет трем сторонам человеческого духа – догматики, этики и культа, – только этот последний, соответственно художественной организации греков, имеет действительное значение...

Все эти религиозные сказания служили лишь материалом для воплощения художественной фантазии греков и возводились при посредстве ее в художественные типы прекрасного, без всякого таинственного и нравственного значения. Сообразно с таким значением греческой религии и носит она на языке всех народов название мифологии по преимуществу, то есть мифологии, которая не служит оболочкою чему-то высшему – сокровенному, а заключает в себе уже все свое содержание и есть сама себе цель, – одним словом, есть тело без души. Религия греков есть, собственно говоря, поклонение самодовлеющей красоте... Нравственность их заключалась единственно в чувстве меры, которое и есть все, что может дать эстетическое мировоззрение. Но это чувство меры – скорее основной принцип искусства религиозное, сущность которого всегда зак-

религиозное, сущность которого всегда заключается в самопожертвовании.

Столь же односторонен, как греческий и еврейский культурно-исторические типы, был и тип римский, развивший и осуществивший с успехом одну лишь политическую сторону человеческой деятельности. Политический смысл римлян не имеет себе подобного...

Таким образом, цивилизации, следовавшие за первобытными аутохтонными культурами, развили каждая только одну из сторон культурной деятельности: **ЕВРЕЙСКАЯ** – сторону **РЕЛИГИОЗНУЮ**, **ГРЕЧЕСКАЯ** – **СОБСТВЕННО КУЛЬТУРНУЮ**, а **РИМСКАЯ** – **ПОЛИТИЧЕСКУЮ**. Поэтому мы должны характеризовать культурно-исторические типы: еврейский, греческий и римский – именами **ТИПОВ ОДНООСНОВНЫХ**.

Дальнейший исторический прогресс мог и должен был преимущественно заключаться как в развитии четвертой стороны культурной деятельности – общественно-экономической, так и в достижении большей многосторонности посредством соединения в одном и том же культурном типе нескольких сторон культурной деятельности, проявлявшихся доселе отдельно. На эту более широкую дорогу, более сложную ступень развития и выступил тот тип, который под именем европейского, или германо-романского, главнейшим образом занял историческую сцену после распада Западной Римской империи...

Всем этим великим задаткам не суждено было, однако же, осуществиться вполне, и препятствием к сему послужили насильственность их энергического характера и павшее на благоприятную почву сильное влияние римского властолюбия и римского государственного строя... Церковный деспотизм в соединении с деспотизмом феодальным, коренившимся в насильственности германского характера, и с деспотизмом схоластики, коренившимся в подбострастном отношении к формам древней науки, обратил всю историю Европы в тяжкую борьбу, окончившуюся тройкою анархией: анархией религиозною, то есть **ПРОТЕСТАНТИЗМОМ**, думавшим основать религиозную достоверность на личном авторитете; анархией философскою, то есть **ВСЕОТРИЦАЮЩИМ МАТЕРИАЛИЗМОМ**, который начинает принимать характер веры и мало-помалу замещает в умах место религиозного убеждения; анархией политико-социальною, то есть **ПРОТИВОРЕЧИЕМ МЕЖДУ** все более и более распространяющимся **ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕМОКРАТИЗМОМ** и **ЭКОНОМИЧЕСКИМ ФЕОДАЛИЗМОМ**. Так как эти анархии суть предвестники и орудия разложения, то и не могут, конечно, считаться живыми вкладами в общую сокровищницу человечества; и германо-романский культурно-исторический тип не может считаться успешным представителем ни религиозной, ни общественно-экономической стороны культурной деятельности.

Напротив того, с политической и собственно так называемой культурной стороны результаты исторической жизни Европы громадны. Народы Европы не только основали могущественные государства, распространившие власть свою на все части света, но и установили отвлеченно-правомерные отношения как граждан между собою, так и граждан к государству. Другими словами, они успели соединить политическое могущество государства с его внутреннею свободою, то есть решили в весьма удовлетворительной степени обе стороны политической задачи...

Еще выше и обильнее плоды европейской цивилизации в собственно культурном отношении. Методы и результаты европейской науки находятся вне всякого сравнения с совершенным всеми остальными культурными типами, не исключая даже греческого. Таковы же плоды и промышленной, технической деятельности. Со стороны искусства, хотя народы Европы и должны уступить пальму первенства грекам по степени совершенства достигнутых результатов, они, однако же, значительно расширили его область и проложили в ней новые пути. По всем этим причинам должны мы усвоить за германороманским культурно-историческим типом название ДВУОСНОВНОГО ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА, с преимущественно научным и промышленным характерами культуры, в тесном смысле этого слова...

...Славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, сторон, которые вырабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма не полном соединении. Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным ЧЕТЫРЕХОСНОВНЫМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ТИПОМ. Особенно оригинальною чертою его должно быть в первый раз имеющее осуществиться удовлетворительное решение общественно-экономической задачи...

...На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоем...

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 33 – 509.

СКОВОРОДА Григорій Савич (1722 – 1794)

Видатний український письменник, філософ. На думку Г.С. Сковороди, вся дійсність (всесвіт, людина, символічний світ Біблії) складається з двох «натур»: вічної, єдиної, невидимої «божественної» натури і видимої, роздрібленої, минущої «матерії». Щастя та справжнє блаженство людини – не в гонитві за швидкоплинними благами зовнішнього світу, а в єднанні з джерелом буття – вічною божественною природою.

Основні праці: «Сад божественных песней» (1753 – 1785), «Басни Карьковскія» (1769 – 1774), філософські трактати та діалоги, серед яких – «Наркісс» (1769 – 1771), «Разговор пяти путников о истинном счастье в жизни» (1773), «Икона Алквіадская (або «Израелскій змії»)» (1775 – 1776).

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ КО ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВІЮ Глава 1-я О БОГЕ

Весь мір состоит из двух натур: одна – видимая, другая – невидимая.

Видимая натура называется тварь, а невидимая — бог.

Сія невидимая натура, или бог, всю тварь пронизает и содержит; вездѣ всегда был, есть и будет. Напримѣр, тѣло человеческое видно, но пронизающій и содержащій оноє ум не виден.

По сей причине у древних бог назывался *ум всемірній*. Ему ж у них были разные имена, напримѣр: натура, бытіє вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна и проч...

А у христіян знатнѣйшія ему имена следующие: дух, господь, царь, отец, ум истинна. Послѣднія два имена кажутся свойственнее протчих, потому что ум, вовся есть невещественен, а истина вѣчным своим пребыванієм совсѣм противна непостоянному веществу. Да и теперѣ и в нѣкоторой землѣ называется бог *иштен*. Что касается до видимой натуры, то ей также не одно имя, напримѣр: вещество, иди матерія, земля, плоть, тѣнь и проч.

Сковорода Г.С. Начальная дверь ко христіанскому добронравію // Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К., 1983. – С. 115 – 119.

ДІАЛОГ. ИМЯ ЕМУ – ПОТОП ЗМІИН

Глава 2-я

ДИАЛОГ, ИЛИ РАЗГЛАГОЛ

Суть же три мыры. Первый есть всеобщій и мыр обительный, гдѣ все рожденное обитает. Сей составлен из безчисленных мыр-мыров и есть великій мыр. Други два суть частныи и малыи мыры. Первый мікрокозм, сирѣчь — мырик, мирок, или человек. Второй мыр символичный, сирѣчь Библиа. Во обительном коем-либо мырь солнце есть оком его, и око убо есть солнцем. А как солнце есть глава мыра, тогда не дивно, что человек назван мікрокосмос, сирѣчь маленькій мыр. А Библиа есть символичный мыр, затым что в ней собрания небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятіе вѣчныя натуры, утаенныя в тлѣнной так, как рисунок в красках своих.

Сковорода Г.С. Діалог. Имя ему – потоп зміин // Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К., 1983. – С. 338 –372.

КОСТОМАРОВ Микола Іванович (1817 – 1850)

Видатний український історик, фольклорист, діяч національно-визвольного руху. Один із засновників Кирило-Мефодіївського товариства у Києві. Основоположник народницького напрямку в українській історіографії. Обстоював самостійність української нації й окремість українського історичного процесу, який є втіленням вільнолюбного демократичного руху українського народу.

Основні праці: «Книги буття українського народу» (1848), «Дві руські народності» (1861).

КНИГИ БУТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

<...> По многих летах стало в Слов'янщині три неподлеглих царства: Польша, Литва і Московщина. Польша була в поляків і кричали поляки: «У нас буде рівність і свобода». Але поробили панство і одурів народ польський...

Московщина була з москалей... і запановав над Московщиною цар, а той цар узяв верх, кланяючись і ноги цілюючи хану татарському бусурману і с бусурманами закріпив народ москалей. І одурів народ московський, і попав у ідолопоклонство, бо царя свого назвав земним богом і усе, що цар робив, теє уважав за добре, так уже цар Іван у

Новгороді душив та топив по десятку тисяч народу за один день, а літописці, розказуючи теє, звали його христолюбивим.

А в Литві були литв'яки, та ще була й Україна. І Україна, поєднавшись с Польшею як сестра з сестрою, як одно плем'я слов'янське також с другим людом слов'янського братства; вони не сотворили ні царя, ні пана, а сотворили братство-козацтво... і незабаром були б усі на Вкраїні козаками, себто вільні і рівні, не мали над собою царя і пана, тільки бога єдиного... і всякий чужестранець, заїхавши тудя, дивувався, що ні в одній стороні на світі не було такого братства, такої віри, нігде муж не любив так щиро своєї жони, а діти родителей. <...>

І хотіла Україна... жити по-братерськи з Польшею, але Польша жодним побитом не хотіла покинуть своє панство. Тоді Україна пристала до Московщини... так щоб жити укупі, зарівно, як колись буде віки між слов'янськими людьми. Але скоро побачила Україна, що попалась в неволю, вона по своїй простоті ще не знала, що то єсть цар, а цар московський значе усерівно, що ідол і мучитель. І одбилась Україна од Московщини, і не знала бідна, куди їй схилити голову. Бо вона любила і Польшу, і Московщину, як братів своїх і не хотіла з ними розбрататися, хотіла вона, щоб всі три жили вкупі в союзі... Але сього не второпали ні ляхи, ні москалі. І бачать ляхи і москалі, що нічого не зроблять з Україною, і сказали між собою: не буде вона ні тобі, ні мені, роздерли її пополам, по ліву сторону Дніпра москалеві, по праву – ляхові.

...цар Петро положив сотні тисяч козаків в канавах і на костях їх збудував собі столицю. А цариця Катерина – німка, курва всевітня, безбожниця явна – доконала козацтво...

І так пропала Україна, але так здається. Вона не пропала... Лежить у могилі Україна, та не мертва, бо уже приходить голос і пробудить. ...вона скоро прокинеться і крикне на всю широку Слов'янщину, і почують крик її. І встане Україна, і буде непідлеглою Річчю Посполитою в союзі слов'янським.

Костомаров М.Г. Книги буття українського народу //Історія філософії України. Хрестоматія. – К., 1993. – С. 316 – 317.

ДВІ РУСЬКІ НАРОДНОСТІ <Україна, українці>

<...>На Україні-Русі не видно й найменшого змагання підвертати під себе чужинців, або щоб тих чужоземців, що сиділи поміж українським народом, привподобити до тубільців... В Українців не було вдачі насилувати, нівелювати, не було політики; не було холодного вирахування, не було твердості на шляху до визначеної собі мети.

<Українська релігійність, національна толерантність>

...Українці, перейнявши від греків нову віру, не перейняли від них тої неприхильності до західної церкви, що водилась у Греції. ...в уяві Українця католик не являвся йому ворогом... Отой дух терпимості, брак національної пихи, перейшов і в характер козаччини й живе й досі в народі. ...Походи козаків на Турків і Кримців викликав не сліпий фанатизм до невірних, а помста за напади, за полон українських людей... Українець із обережності кривди не забуває, але він не мстивий... Але ж нехай тільки він замітить, що чужовірний, або чужинець починає глумитися над його власними святощами, в нього ворожнеча спалахує ще сильніше, ніж у Москаля. Видима річ: коли даєш волю другим і шануєш їх, то це натурально вимагати й собі такої ж волі й обопільної поваги...

Український народ... насправді лишився вірним до своєї церкви більш, ніж Великоруси і він усе охоплював більш духа її, ніж форму.

<Росія, росіяни>

...Громадською стихією Москви є загальність («общинность»), знищення особистості, навпаки тому як на Україні..., де принцип особистості раз-у-раз виявляв свою живучість.

<Релігія в Росії>

...В релігійності Великорусів визначається та риса, що стала відмінною їх прикметою, а потім виступила як суперечність тому релігійному світоглядові, який стався на Україні: ...нахил до обрядів, до формул, зосередження на зверхніх формах... Вони вважали себе за єдиний на весь світ вибраний щодо віри народ і через те не дуже легким духом дихали на одновірні народи – на Греків, Українців. Якщо тільки хоч трохи що було не схоже на їх народність – то в Москалів заслуговувало на погорду, вважалось за єресь, і на все не своє вони дивились згори.

<Община і власність у росіян і українців>

...В розумінні Українця – громада – цілком не те, що Великорусів мір. Громада це добровільне товариство людей; хто хоче – належить до громади, а не хочить – виходить з неї... Великорус розуміє, що мір – є немов абстрактний вислів загальної волі, котра проковтує особисту самостійність кожного...

...Українець любить працю більш, аніж Великорус, і він завжди визначається цим тоді, коли тільки є воля для його праці.

<Громадське життя у росіян і українців>

...у вдачі українського народу переважає особиста воля, а в великоруським переважає загальність. ...в політичній сфері Українці здібні були створити поміж собою добровільні товариства, зв'язані не більш, як того вимагала щоденна потреба, й міцні настільки, наскільки існування їх не шкодило незмінному праву особистої волі; Великоруси старалися спорудити на вікових підвалинах міцне загальне тіло, проникнуте єдиним духом. Перше прямування вело до федерації, але не вдало довести її до кінця; друге повело до одновладдя й до міцної монархії: довело до першого, і збудувало другу...

<Російська філософія>

...великоруська філософія, спізнавши потребу громадської єдності, визнала, що на жертву їй треба віддати особистість, що це умова всякої загальної справи, й повірила народну волю на волю своїх підручників, оддаючи освячення успіху вищому виразові мудрості, і таким шляхом прийшла у свій час до формул: «Бог да цар во всем!», формули що визначає остаточний триумф панування загальності («общинности») над особистістю.

Костомаров М.Г. Дві руські народності. // Історія філософії України. Хрестоматія. – К., 1993. – С. 317 – 322.

НЕЧУЙ-ЛЕВИЦЬКИЙ Іван (1838 – 1918)

Видатний український історик, етнограф, літературознавець, мовознавець. Багато зробив для популяризації історичних знань серед народу. Першим виконав і подав системний огляд української міфології.

Основні праці: «Унія і Петро Могила, київський митрополит» (1875), «Перші київські князі Олег, Ігор, Святослав і святий Володимир і його потомки» (1876), «Татари і Литва на Україні» (1876), «Український гетьман Богдан Хмельницький і козаччина», (1878), «Українські гетьмани Іван Виговський та Юрій Хмельницький» (1879), «Руїна на Україні. Українські гетьмани Дорошенко, Многогрішний та Самойлович», «Світогляд українського народу (Ескіз української міфології)» (1876).

СВІТОГЛЯД УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ (Ескіз української міфології)

Український народ один з менших синів в сім'ї індо-європейських народів.

Основа давньої української міфології така сама, як у всіх арійських народів: то були небесні з'явища, котрі більш од усього вразили фантазію і мисль народу. Небо, засіяне зірками, сонце, місяць, зоря, хмари, дощ, вітер, роса, грім, блискавка – все те поперед усього звертало на себе увагу, зачіпало фантазію і розбуджувало мисль дужче і раніше, ніж земля і все, що на землі. Ще більше зачіпала людську мисль зміна літа й зими, тепла й холоду, дня й ночі, світла й темряви, вічна й незмінна боротьба на небі світлих і темних сил. Чорні снігові хмари, страшні холодні вітри здавались народові лихими силами; ясне сонце, тепло, грім і блискавка здавались добрими, світлими силами, котрі мусіли усе боротись з своїми темними лихими ворогами, подаватись, слабіти і навіть умирати, але котрі все-таки після всього переважували темні сили і знов з'являлись і воскресали перед людськими очима, розливаючи життя на землю.

...Ціль давньої української віри, як і в інших народів, була практична, а в основі давнього українського поганства був людський егоїзм. Давній український народ славив світлі небесні сили, годив темним силам, щоб пригорнути до себе ласку неба, щоб присилувати всі сили служити його практичним цілям...

Форма, в якій склалася давня українська міфологія, були реальні образи, взяті на землі, бо земля була в давнього чоловіка, як кажуть, під носом, а небо – під лісом. Молода слабосильна душа не могла ще думати логічними мислями і мусіла кликати собі до помічі фантазію. Давні люди мусіли думати, гадати формами картин а не душ: тим-то у всіх народів релігія попереджала філософію й науку. Всі образи для своєї релігії давні Українці мусіли брати з природи, котра обгортувала їхнє життя з усіх усюдів, як і всі народи з давніх давен в своїй міфології переносили поперед усього землю на небо. Тим-то й вийшло так, що все в міфології, що справді діється на небі, все те ніби діялось десь на землі.

Найдавніші українські міфи були в геоморфічній і певно в зооморфічній формі, хоч зооморфічних міфів засталось дуже мало. Небо здавалось давнім Українцям то полем, то морем, то просто кленовим листком, на котрому написані сонце, місяць і зорі; хмари здавались лісами, дібровами, скелями, ватагою чи турмою овець, товаром; зорі здавались густими копами на полі, або листом на воді; сонце соколом, блискавка терном або терновим огнем. Антропоморфні міфи в українській міфології виступають вже дуже виразно, хоч вони й не розвинулись так широко, як у інших давніх народів. Чим вище який-небудь народ піднявся розвитком свого життя, тим він утворював собі вищу антропоморфічну міфологію, переносючи форми сімейні, побутові і соціальні на рід небесних богів. Генерації богів з повними родами, цілі історії богів, цілий небесний мир духів творив собі той народ, котрий мав вищі побутові й соціальні форми життя. Окрім того, народ кладе на своїх богів печать своєї національності. Хто не впізнає

самих таки Греків в грецьких богах, естетично-матеріальних, хитрих, лукавих Олімпійцях? Грецький Олімп то сама Греція, перенесена з Гелляди на високе небо, бо кожний народ творить собі богів, на себе глядячи, і по своєму смаку, дає їм форми по своєму психічному характеру. В українській міфології ми бачимо давні форми побуту пастушого і патріархально-хліборобського. По усних народних творах можна гадати, що український народ переніс з землі на небо форму сімейного побуту: між колядчаними божествами найясніше й найчастіше виступають: батько-господар, мати-господиня, дочка-панна, син-красний панич...

Форми українських міфів мають одну характерну прикмету: вони дуже близькі до природних форм. Ми не бачимо в народній фантазії охоти до негарних, неестетичних велетенських міфічних образів, до тих величезних, страшних, головатих та ротатих богатирів з страшними антинатуральними інстинктами, які любить німецька і великоруська міфологія. Український народ в своїх міфах держить міри; його фантазія не любить переступати за границі ненатуральних форм; вона любить правду і естетичність, навіть, можна сказати, вже геть-то описує красу міфічних образів такими фарбами, як в християнських акафістах описується краса християнських святих, так що вже автор не знає, й до чого прирівняти їхню красу і святе життя.

Найбільший матеріал для висліджування української міфології дають колядки і щедрівки, котрі співають на Різдво, против св. Василя чи нового року...

Колядки й щедрівки були релігійно-обрядовими піснями, котрі співали на празники богів світла й тепла; то були ніби догматики, тропарі й кондаки в честь світлих небесних сил... Після колядок і щедрівок мають багато міфічного елементу самі обряди на Різдво, на св. Василя, на водохрещу, весняні ігри, веснянки, купальські пісні, приказки і народне знахарство. Казкам для висліджування міфології ми даємо найменше ваги. Хоч у них основа міфологічна, але зате багато усякого побічного елементу, побутового, християнського, жартівливого, морального: в них багато вигадок гулячої і вольної фантазії народу. Будувати на казках давню міфологію все одно, що писати історію якого-небудь народу на основі історичних романів...

Весною, починаючи од Великодня, дівчата і хлопці граються в весняні ігри і при тім співають веснянок. Всі весняні ігри вигадані на міфічній основі: вони стосуються до світлих і темних небесних сил; в них ми бачимо копію з того, що діється весною на небі і на землі. Можна гадати, що в давні часи весняні ігри були початком релігійного культу, а може й самим культом, котрий у християнські часи став іграшкою, як деякі язичеські давні боги стали навпісля нечистою силою. Не дурно ж весняні ігри молодіж справляє на цвинтарі й кругом церкви і починає на самий Великдень.

У всіх весняних іграх ми примічаємо три головні форми руху дівчат і хлопців: кружків, поплутаний і рух двох противних рядів. Найбільша фігура руху в весняних іграх кружкова. Дівчата і хлопці беруться за руки, роблячи кружок, крутяться доконечне за сонцем і співають веснянок. Так грають в Короля, Кострюба, Ящура, Зайчика й Перепілочку. В деяких іграх дівчата і хлопці сплітаються руками, ставлять на руках хлопчика або дівчинку і так ходять кругом церкви, як наприклад в Володарі. Кружкова форма весняних ігор то копія руху небесних світил кругом неба. Прототипом всіх весняних ігор кружкової форми, де найясніше виявляється міфічна ідея, можна назвати гру в Короля чи в Царенка. Дівчата й хлопці беруться за руки і роблять кружок чи город крутячись за сонцем. Серед города стає дівчина і зветься царівною, а за городом ходить парубок і зветься царів син. Дівчата співають, щоб царенко приступив близенько, поклонився царівні низенько, узяв її з ряду. Таку само тему ми бачимо в тих колядках, де Громовик Іван царевич руйнує ворожий город царя Ворота і добуває собі царівну. Дівчина царівна – то сонце на небі весняної пори, а царів син – бог Громовик, що розбиває зимові хмари і визволяє сонце. Кружковий рух в Королі кругом дівчини-царівни пригадує той широкий танець на луках кругом тернового огню, в котрому ходить міфічний княжевич Іванко з соколом на голові і з гусями в руках. Може в давні часи дівчата й хлопці славили в веснянках саме сонце і вже після натомість почали славити дівчину-царівну...

Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу (Ескіз української міфології). – К., 1992. – С. 3 – 81.

ДРАГОМАНОВ Михайло Петрович (1841 – 1895)

Видатний український вчений, історик, літературознавець, фольклорист, публіцист, соціолог, філософ. Займався етнографічними та фольклористичними дослідженнями, вів активну наукову та культурно-просвітницьку діяльність. За пропаганду соціалізму його було звільнено з Київського університету. Змушений був оселитися в Женеві. З 1889 року і до кінця життя обіймав посаду професора вищої школи (пізніше – університету в Софії). Велику увагу приділяв аналізу «українського питання», виведенню української нації на європейський рівень культури.

Основні праці: «Пропаший час. Українці під Московським царством (1654-1876)» (1876), «Переднє слово (до "Громади" 1878)» (1878), «Шевченко, українофіли й соціалізм» (1878).

«Чудацькі думки про українську національну справу»(1891).

ШЕВЧЕНКО, УКРАЇНОФІЛИ Й СОЦІАЛІЗМ

<...> Діло в тім, що між великим англійським бунтом (the greath rebellion) і великою французькою революцією (la grande revolution) у передових людей у Європі порвалась укінець віра християнська й виробилась думка про природний і безупинний поступ в історії.

<...> Мало того, все, що ми знаємо про українофільство петербурзьке 60-х років, показує, що в ньому не було не тільки революціонерів, але навіть скільки-небудь політичних людей, людей із системою політичної праці. Правда, один між ними, Костомаров, мав велику силу в освічених громадян у всій Росії, і його не забуде історія й зросту думок про державно-громадські справи в Росії: він зворушив думки про народоправство, про союзність (федералізм), про мужицтво (чернь). Тільки ж те зробив він як історик минулого, а не як суддя теперішнього й порадник громади в теперішніх справах...

Драгоманов М.П. Шевченко, українофіли й соціалізм // Літературно-публіцистичні праці : У 2 т. – К., 1993. – Т 2. – С. 7 – 133.

ЧУДАЦЬКІ ДУМКИ ПРО УКРАЇНСЬКУ НАЦІОНАЛЬНУ СПРАВУ

Звівши до купи всі ці приклади, як італійські, так і німецькі, правдолюбива людина мусить прийти до того, що сама по собі думка про національність ще не може довести людей до волі й правди для всіх і навіть не може дати ради для впорядкування навіть державних справ. Треба пошукати чогось іншого, такого, що б стало вище над усіма національностями та й мирило їх, коли вони підуть одна проти другої. Треба шукати всесвітньої правди, котра б була спільною всім національностям...

Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу // Літературно-публіцистичні праці : У 2 т. – К., 1993. – Т 2. – С. 312– 367.

ПРОПАЩІЙ ЧАС

Українці під Московським царством (1654 – 1876)

<...> переглянемо, що ми самі, українці, виграли за останні двісті років, як пропадали наші старі «негідні» порядки, а зводились нові, московські і петербурзькі, буцімто європейські. ...що ж нам була за користь з того, що і ми перетерпіли жорстокість Петра I, остервенілість Меншикова і німців біронових, дурості Павла I, солдатське звірство Аракчеєва, холодну самоволю Миколи I, про котрих українці ці навіть не можуть сказати, що це були «свої собаки, котрих ми ж самі

вигодували», бо в нас позаду не було ніякого Івана IV. Та й самі ці петербурзькі самовольники і нівечники натури чоловічої ніколи не вважали нас, українців, за і своїх і коли случалось, давили нас з більшою злістю, менш жаліли «безмозглих, упрямих хохлів», ніж своїх «руських». Хіба допомоглось що-небудь і великорусам од того, що терпіли рядом з ними і «браття черкаси», вмерти за котрих обіцялись батьки їх тоді, як Хмельницький прохавсь у підданство «царя Восточного»? На що ж було руйнувати ті права крайові, ті виборні уряди, які були колись на Україні, коли тепер освічені люди думають, що без краєвих прав та виборних урядників обійтись не можна? Двісті років мучення, поки царі доконали старі українські порядки, пропали, значить, даремне!

<...> Вигода України двісті років назад була в тім, що вона через війну з татарами, через повстання проти Польщі мала ще земський вольний, воєнний стан і виборний уряд, – вже тоді, як скрізь по більшій часті європейських земель військо було вже не земське, а королівське, вербоване, котре слухало тільки королів та князів, коли вже уряд чиновничий узяв майже скрізь гору над виборним. ...Од того можна думати, що в Україні мала б з'єднатись старосвітська вольність вояцька з новою, всенародною, про котру вже турбувались освічені люди в Європі, можна було ждати, що те, що завелось на Україні само по собі, буде піддержане нарочитою думкою, бо й на Україні тоді вже чули й писали, наприклад, про Голландську республіку, котра також одбилась од королів іспанських, як Україна одбилась от королів польських.

<...> От до якого то царства прилучилась наша Україна! Була вона мов новонароджена земля вольна, хоть і мала вже погані зерна, як початок кріпацтва, хоть воля її не була ще вкорінена в народ наукою; котра б показала, що іменно і треба людям зоставатись вольними та правитись тільки виборними. Нічого дивуватись, з його самовольним царем, з кріпацтвом, жившого без науки, – то царська самоволя заїла вольності українські; московське боярство помогло зрости на Україні зернам кріпацтва, а просвіта почала на Україні рости дуже тихо, тим тихше, що невеличка частина українських письменних людей розділилась і на Московщину; вольним же думкам, котрі росли вже в Європі укупі з наукою і звідти переходили й до нас, тепер поставлений був тин царською та чиновницькою самоволею. А якби тепер серед українського народу з'являлись думки та заміри стати против зросту неволі, то вже тепер вони мусили б вдаритись не тільки об тих своїх людей, котрим вигідна була неволя людська, але й об московський уряд і військо, а то і об народ, котрий розумів діло так, що українці чинять зраду, коли не слухають «нашого царя» і т. д.

От через це усе після Хмельницького до самих часів Катерини ми бачимо, як замість того, щоб розростатись тому доброму, що було в козацьких українських порядках, воно топчеться царями або схне, – а зле поливається, розростається.

Драгоманов М.П. Пропащий час. Українці під Московським царством (1654 – 1876) // М.П. Драгоманов. Вибране. – К., 1991. – С.559 – 575.

ФРАНКО Іван Якович (1856 – 1916)

Видатний український письменник, учений, філософ, громадський діяч. У 1893 році захистив докторську дисертацію у Віденському університеті.

Основні праці: «Наука й її становище щодо працюючих класів» (1878), «Мислі о еволюції в історії людськості» (1881 – 1882), «Найновіші напрямки в народознавстві. Доповідь на першому місячному зібранні Товариства Народознавства 28 лютого 1895 року» (1895).

НАУКА Й ЇЇ СТАНОВИЩЕ ЩОДО ПРАЦЮЮЧИХ КЛАСІВ

В історії людства ми бачимо два великі факти, що дивують нас своєю незвичайною силою і разом з тим вони такі важливі для поступу, як ніякі інші. Факти ці: винахід письма і винахід друку. Обидва ці факти стоять, як величезні верстові стовпи на гранях великих історичних епох. Тисячі, може, навіть сотні тисяч років жила людина, злиденна і слабка в боротьбі за існування зі старшими і сильнішими суперниками – дикими звірами допотопового часу (мамонти, мастодонти і динотерії) і після потопу (леви, гієни, печерні ведмеді й інші). Не маючи відповідної зброї проти них, не знаючи сил природи, що далеко пізніше мали стати до її послуг, первісно вона мусила рятуватися утечею перед іклами і кігтями цих велетнів і живитися з дня на день нужденною сирою рослинною їжею. Вічна тривога, вічна загроза смерті гнали її з місця на місце, перешкоджали їй скупчуватись у більші гурти для спільної допомоги. Нам, що вирости в теперішніх обставинах, в конституційній державі, навіть важко собі уявити цей страшний стан первісної людини, що передував історичним, відомим нам часам. Однак відблиски і спогади про це страшне життя залишилися аж до наших днів у казкових оповіданнях про страшних звірів і драконів, що пожирали людей, і в не менш страшних та кривавих віруваннях про богів, які знаходимо в усіх дикунів, про богів, що так само, як ці казкові дракони, вимагали людських жертв і крові.

Довгі тисячі літ терпіли й боролись первісні люди, доки більше їх розмноження і чимдалі тісніше згуртування не привело повільно до скотарства, а згодом і до рільництва. Це був тільки початок історії, відомої нам також не цілком докладно. Тільки великий винахід – винахід письма розганяє відвічну темноту і кладе початок справжній історії. Письмо дає можливість людям зберігати свої думки для нащадків і передавати їх своїм сучасникам, хоч би й віддаленим на сотні миль: письмо, закріплюючи думки окремих людей, робить можливим розвиток мислення, подаючи одному в короткім часі те, над чим інший думав і працював ціле життя, і таким чином дає йому можливість починати дальшу працю з того місця, де зупинився його попередник. Коротко кажучи, винахід письма став підвалиною усїєї людської культури, наймогутнішим рушієм поступу, що без нього людина не могла б пізнавати послідовно і ґрунтовно закони природи і залишилася б на всі часи не владарем її, а злиденним рабом.

Винахід письма відразу спричиняє величезний поворот у розвитку людства. З одного боку, допомагає людині набувати чимдалі більшого знання, а це в свою чергу допомагає їй підкорювати собі сили природи, використовувати їх, а з другого боку, прискорює розподіл людей на класи, віддаючи в руки одних виключно владу і здобування дальшого знання, і прирікаючи інших виключно на тяжку механічну працю, щоб прогнати не лише себе, а клас непрацюючих. Ще раз повторюю, що винахід письма прискорив цей поділ, але не породив його; поділ існував уже раніше, і причину його треба шукати в найдавніших часах, коли людина була змушена боротися за своє існування тільки за допомогою фізичної сили, і коли в цій боротьбі вона не відрізняла, чи бореться з людиною, чи з твариною. На початку сильніший убивав і з'їдав слабшого ворога, пізніше (за часів рільництва, отже досягши вже вищого ступеня розвитку), підкорював його собі і використовував до важких робіт нарівні з домашніми тваринами...

Письмо стає основою і початком поступу, розвитку наук і систематичного дослідження природи. Але кожна наука, якщо вона хоче бути справжньою наукою, а не шахрайством, мусить спиратися на життєві спостереження, а за перших початків людського розвитку таких спостережень і фактів ще зовсім не було нагромаджено...

В кількох словах подамо зміст найважливіших ознак часів, що передували винаходу друку, бо тільки чітка картина тих часів дасть нам належне уявлення про величезне значення цього винаходу. Ознаки ці такі:

- 1) Винахід письма стає основою і головною умовою розвитку точних наук, дозволяючи різним людям нагромаджувати наукові матеріали і даючи можливість пізнішим дослідникам починати з того місця, де зупинились попередники.
- 2) З цією метою він прискорив посередньо поділ людей на працюючих фізично і на працюючих тільки розумово, щоб

цим останнім дати можливість віддаватися науковим дослідженням.

- 3) Історична доба, що передувала винаходів друку, це доба кривавих воєн, переселення народів, що серед них кипить найстрашніша боротьба за існування, з одного боку, а з другого, людство вибирає собі найсильніших, щоб вони були розповсюдниками поступу.
- 4) Звідси висновок, наука і знання за цієї доби могли бути в користуванні тільки небагатьох людей, тоді як величезні маси були зайняті здобуванням і розчищуванням ґрунту під засів майбутньої освіти.

З часу винаходу друку минає лише четверте століття – лише один момент в історії – а подивімося на наслідки, що він їх дав.

Франко І. Я. Наука й її становище щодо працюючих класів // Вибрані твори в 20 т.– К., 1956. –Т.19. – С. 18 – 32.

МИСЛІ О ЕВОЛЮЦІЇ В ІСТОРІЇ ЛЮДСЬКОСТІ

І в економічному і в політичному згляді середньовікові порядки показують характер мішаний. З одного боку, громадська рівність і спільність напівдиких племен; з другого боку, невольничче підданство (*Leibeigenschaft*), власність приватна і власть монархічна – витвори розбитої старинної культури, відживши на її руїнах. З тих різнорідних складників виробилися основні суспільно-політичні установи середніх віків. Вся земля в державі вважається первісною власністю держави, а згідно її представника, цісаря (і то не власністю особистою, а власністю корони). Цісар, а згідно корона, се верховний вузол в державі, в котрім сходяться всі її ниті. О один ступінь нижче від нього стоять рівні і вольні його дружинники (*sodales*), шляхта, колишні завойовники. Вони обов'язані особисто служити державі (короні) в воєнній ділі, а щоб могли сповняти свою службу належито, а також в нагороду за попередні услуги, дістають від цісаря (корони) землю в посідання і вжиток (*feudum*) на такий час, доки триватиме їх служба, а згідно, доки житиме їх рід, по чім земля переходить знов на пряму власність корони. Ті дружинники, одержавши великі простори землі в часове ленне (*Lehn* від *leihen*, позичити) посідання, ділять своє ленно знов на частки, котрі на таких самих умовах дають в ленне посідання своїм дружинникам, обов'язаним служити їм, а з ними й державі. Ті знов можуть оп'ять свої кусники давати в ленне посідання ще меншим вольним дружинникам і т.д.

Міста ті рідко бували в посіданні поєдинчих ленників; найчастіше вони оставались в прямій власності корони під зарядом цісарським. Праця ремісницька і наукова, купецтво і промисел в містах, усе було зорганізовано також на взір тої феодальної драбини, яка панувала в

цілій державі. Заряд міста, а також суд був в руках бурми́стра і радних (лавників), вибраних міщанами. Кожне ремесло було зорганізовано в цехи, купці в гільдії, а заклади наукові мали також свої відповідні організації (буршеншафти). Кожна така організація мала свої тісно означені права і обов'язки, мала означену зверхність, свої суди і т.д.

З того побіжного Оверка середньовікових феодальних порядків можемо вже бачити, чим різнилися вони від порядків старинних, і куди повинен був піти дальший їх розвиток.

Кожна доба історична, се дерево. Коренем воно стоїть глибоко в минувших часах, а його крайні парості вростають також далеко в будуще. Ми бачили, що в нашій, капіталістичній, добі живе ще чимало паростей минувших часів. Сучасна наука відкриває в нашій житті останки не тільки середньовічних, але й безмірно давніших, первісних діб історичних. Але ми бачили також немало розростаючихся зародів нового віку в нашій житті. Запевно, що не тільки цікава, але і безмірно важна річ, зібрати ті зароди в одну цілість, відгадати з них напрям будущого розвитку і виробити собі бодай в приближенні вірний образ будущої суспільності. Звісна річ, те будуще впорядкування не потребує бути всюди однакове, – в подробицях воно безперечно буде відмінне в кожному краю, у кожного народу, – тож ми в своїх думках не потребуємо вдаватися в подробиці.

Франко І.Я. Мислі о еволюції в історії людськості // Вибрані твори в 20 т. – К., 1956. – Т.19. – С. 63 – 112.

НАЙНОВІШІ НАПРЯМКИ В НАРОДОЗНАВСТВІ **Доповідь на першому місячному зібранні Товариства** **Народознавства 28 лютого 1895 року.**

Назва «народознавство» (по-німецькому *Volkskunde*, по-англійському *folklore*) означає, властиво, щось більше, ніж те, що становить обсяг нашої науки. Бо пізнати народ, це значить пізнати людей, що заселяють певну територію, отже, пізнати їхній стан теперішній і минулий, їхні фізичні та духовні прикмети, їхні установи та економічний стан, їхні торговельні відносини та духовні зв'язки з іншими народами, – тому в обсяг народознавства входили б і такі науки, як політична історія, історія розвитку інституцій, історія наук та історія промислу, все, розуміється, в меншій обсязі, оскільки це відноситься до певного даного народу. Безумовно, що в остаточних наслідках наших шукань і дослідів народознавство спирається на ці науки та зі свого боку доповнює їх своїми висновками.

З практичних причин мусимо дещо обмежити обсяг народознавства, а саме через більш стисле означення поняття народу. Під народом не розуміємо тут цілої маси, що заселяє даний край, але тільки ті нижчі верстви, що відносно найменше підпали

культурним змінам, що найбільше зберегли сліди давніших епох розвитку. Зрозуміло, що чіткої границі тут провести не можна, тому що такі сліди, фрагментарні прояви цивілізації, ми зустрічаємо не раз і у вищих, більш освічених верствах народу, а врешті, те, що сьогодні є предметом вірування, переконання й звичаїв тих вищих верств, по якимось часі може стати власністю нижчих верств, а тим самим і предметом народознавства. Як бачимо, з цього боку обсяг народознавства не є чітко означеним. Однак, щоб там не було, треба пам'ятати, що ми маємо тут перед собою тільки одну частину тої великої, цілком новочасної науки, що зветься історією культури людського роду і містить у собі, стягає до себе й об'єднує в одну органічну цілість усі науки, всі галузі людського знання.

Може нам удасться краще визначити обсяг народознавства, коли ми порівняємо його з іншими спорідненими науками. Візьмімо, наприклад, право. Певна річ, що те римське чи німецьке право, що вчать по наших університетах, систематично оброблене, пояснене і яке викладають тисячними способами, до обсягу нашого народознавства не належить. Але коли, з одного боку, питаємо про його початок, то напевно відшукаємо його в звичаях, правових поглядах і народних установах римлян чи німців, – а тому джерела його лежать у царині народознавства, а, з другого боку, – серед нашого народу знайдемо аналогічні погляди й правові звичаї, відмінні від тих, що в нас сьогодні панують, однак, не менше живі, сильні й тривкі, а тим самим належать вони до царини народознавства. Візьмім іншу науку, наприклад, географію. Певна річ, що новіші досягнення географії, поміри, досліді ґрунту теорії про взаємний зв'язок між кліматом та історією народів, що живуть у даних околицях, мусимо їх залишити, як царину спеціальної сучасної науки, географії, і до народознавства вони не належать, хоч з-поміж нашого народу могли вийти знамениті мандрівники й географи. Але простий народ має також і свої поняття про землю, сушу й моря, ріки й краї, поняття, може, більше зближені до Гомерових, ніж до сучасних понять освіченої верстви; ця народна географія без найменшого сумніву буде належати до царини народознавства.

Те саме явище можна завважити і в інших науках. Сучасній медицині, науковій, вселюдській, такій, що її утворили спільною працею численні покоління й найвизначніші одиниці цього фаху всіх культурних народів, відповідає в кожного народу народна медицина, відмінна від наукової і щодо методу, заходів і щодо основних поглядів на суть хвороб. Сучасній, штучній (художній) літературі відповідає в кожного народу окрема усна література, традиційна, основана на інших естетичних поглядах і пристосована до того, щоб задовольняти інші духовні потреби, ніж наші сучасні. Те саме можна сказати й про промисел, а також і про товариські звичаї, про етичні погляди, як також і про релігійні вірування. Отже, кожна з цих великих царин нашого

пізнання начебто ділиться на дві, відмінні між собою, частини: одна частина є власністю освічених верств, що йдуть уперед в історичнім розвитку, а друга є власністю маси...

У міру досліджування старих азійських літератур відкрито літературні джерела багатьох усних переказів і повістей, що живуть в устах нашого народу, відкрито шляхи, якими вони до нас зайшли, і внаслідок цього констатовано міжплемінні зв'язки і культурні впливи, які вправді мали місце в так звані історичні часи, але про які помимо цього з писаних джерел дотепер ми нічого не знали. Це дало початок новій теорії, новій народознавчій школі, т. зв. міграційній, що її властиво сьогодні далеко краще назвати можна б історичною.

Творцями цієї школи були історики літератури Денлоп (Dunlop), Лібрехт (Liebrecht), Люазлер-Делонтан (Loisleur-Deslongchamps) і лінгвісти, як Бенфей (Benfey). Виступили вони спочатку, як реакція проти односторонніх висновків символістів і метеорологів школи Грімма та Крейцера, не відмовляючи їм зовсім цілковитої рації буття, але підкреслюючи, що в деяких галузях народознавства, головню в тих, що стосуються більше літературної творчості, ніж до обсягу вірувань та інституцій, теорії символістичні та солярно-метеорологічні не мають права на буття, що твори ці (пісні, казки, билини, байки про звірів і т. ін.) треба студіювати в безпосереднім зв'язку з аналогічними літературними творами за допомогою порівняльно-літературного методу. Вражаюча подібність багатьох цих творів у різних народів, різноманітність і різнобарвність комбінацій при відносно невеличкій кількості основних мотивів в очах цих учених були незаперечним свідоцтвом про те, що ці мотиви переносились, мандрували з країни до країни, від народу до народу...

Майже рівночасно з розвитком міграційно-історичної школи, головню в Німеччині та Франції, з'явилося в Англії та Північній Америці кілька праць, що мали незвичайно важне значення в історії розвитку нашої науки. Вступивши в безпосередні зносини з багатьма варварськими племенами, а також запанувавши над Східною Індією, англійці були змушені в своїх колоніях і заморських посілостях зазнайомлюватися зі способом життя, інституціями та традиціями тих племен. Це вже не були принагідні записки мандрівників, які нотували те, що випадково вдалося стріннути, це були дослідження, ведені для державних цілей, а тим самим із цілим державним апаратом. Початок для таких досліджень дали американці, які ще в 30-х роках (XIX в.) улаштували велику анкету щодо червоношкірих племен, які живуть на території Сполучених Штатів... Американський учений Морган проводить багато років серед диких ірокезів, а його спостереження над формами сім'ї в цих дикунів стають підставою новіших соціологічних дослідів. Уже перед тим німецький учений Бахофен (Bachofen), на підставі величезної ерудиції та стислого дослідження творів старих письменників, дійшов до теорії матриархату, що, на його думку,

танував у стародавніх народів, до патріархату, та й пізніше залишив по собі багато слідів. Наукові рутинери відкинули його висновки, але дослідження Моргана, Мена, Мак-Ленана й багатьох інших учених доказали її остаточно, відкривши ще кілька інших форм сім'ї, що передували матріархатові. Про міграцію цих форм побуту з одної країни до другої, з Америки до Індії, Сибіру, Австралії й доісторичної Європи, очевидно, не було й мови, тут поставало певне припущення, що ці первісні форми суспільного устрою, так подібні до себе в різних країнах і в різних племен, були наслідком однакового устрою людської здачі.

В такий спосіб утворилася т. зв. антропологічна школа, що її найзнаменитішими репрезентантами, крім згаданих учених, є Леббок (Lubbock), Тейлор (Tylor) і Спенсер. Подібність в устрої, установах (інституціях), віруваннях, звичаях і заняттях різних первісних племен пояснюють ці вчені однаковістю людської вдачі, яка на певному ступні розвитку виливається в такі, власне, форми буття – як, напр., з куль можна вкласти таку, і не іншу піраміду. Щоправда, найбільш обережні вчені цієї школи – Тейлор і Спенсер ставлять досить широкі межі цій однакові, признають значну дозу відмінностей у цих в основному однакових формах, признають, врешті, й те, що всіх подібностей, які ми стрічаємо в цій сфері, не можна брати під одну мірку, тому бувають між ними подібності випадкові, звані дарвіністичним терміном коінциденціями розвитку, т. є. подібності, що їх викликали подібні причини, але які виходять із різних основ...

Антропологічна школа має величезні заслуги в досліджуванні початків людської культури і назавжди зостанеться при своєму праві в цій царині...

Оце є ті дві великі школи народознавства, що тепер панують – кожна в своїй спеціальній царині. Я вважаю їх за рівноцінні, боротьбу між ними вважаю непотрібною; навпаки, в певних випадках, напр., при студіюванні обрядів і весільних пісень і т. ін., т. є. пісень, тісно зв'язаних з обрядами, а обрядів, зв'язаних із піснями, комбінацію обох методів вважаю за конче потрібну.

Франко І.Я. Найновіші напрямки в народознавстві. Доповідь на першому місячному зібранні Товариства Народознавства 28 лютого 1895 року // Вибрані твори в 20 т. – К., 1956. – Т 19. – С. 143 – 154.

Леся УКРАЇНКА (1871 – 1913)

Леся Українка (Лариса Петрівна Косач), видатна українська поетеса і громадський діяч. Добре знала історію, світову літературу і мистецтво, була обізнана з різними філософськими системами.

Основні праці: «Утопія у белетристиці» (1906), «Замітки з приводу статті» «Політика і етика» (1903), «Про театр» (1907), «Малорусские писатели на Буковине» (1900), «Заметки о новейшей польской литературе» (1901), «Європейська соціальна драма в кінці XIX століття. Критичний огляд» (1901), «Новейшая общественная драма» (1900 – 1901).

МАЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НА БУКОВИНЕ

В наше время наряду с колоссальным развитием так называемых «мировых» литератур замечается одно интересное явление: литературы маленьких народов, даже небольших этнографических групп, начинают все громче и увереннее подымать голос, защищая свое «право меньшинства». С этим голосом уже принуждена считаться, так или иначе, критика мировых литератур. Вопрос о праве на существование той или другой из маленьких литератур решается не столько теорией, сколько практикой, т.е. присутствием в данной литературе сильных или оригинальных талантов...

Леся Українка. Малорусские писатели на Буковине // Зібрання творів у дванадцяти томах. – К. 1977. – Т. 8. – С. 62 – 75.

ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

<...> Попробуем изложить взгляды Пшибышевского, насколько они поддаются изложению.

В основу положен принцип «искусство для искусства», искусство же само не есть ни «красота», ни «часть познания»; к нему неприложима ни одна из доньше созданных эстетических формул. «Искусство есть воссоздание того, что вечно, независимо от всяких изменений и случайностей, от времени и пространства, следовательно: оно есть воссоздание сущности, т.е. души, притом души, где бы она ни проявлялась: во вселенной ли, в человечестве или в отдельном индивидууме».

«Искусство поэтому есть воссоздание жизни души во всех ее проявлениях, независимо от того, хороши ли они или дурны, прекрасны или безобразны»...

«Искусство не имеет никакой цели, – оно само в себе цель, оно абсолютно, так как оно отражение абсолютного: души».

«И так как оно абсолютно, то оно не может быть заключено ни в какие рамки, не может быть слугой никакой идеи, – оно власть, оно источник, из которого вышла вся жизнь».

Искусство, сколько-нибудь служащее общественности или морали, не есть искусство, – это *biblia pauperum* (Книга убогих (лат.)), заменяющая учебники недомысленным и необразованным людям.

Особенно низко стоит «искусство демократическое, искусство для народа», так как оно служит плебейскому стремлению сделать доступным то, что по самой природе вещей мало доступно.

«Народу не искусство нужно, а хлеб, когда у народа будет хлеб, то он сам себе найдет дорогу»...

Что может изображать неограниченно свободный артист в своих творениях? Казалось бы, ответ ясен: все. Какими приемами может он пользоваться? Казалось бы, какими угодно: ведь он абсолютно свободен!

А между тем он не имеет права изображать толпу и обращаться к ней – это дело агитатора; не имеет права входить в художественное общение с каким-нибудь определенным человеческим обществом – это дело ученого; не имеет права обращать внимание ни на политику, ни на всякие «внешние перемены» в жизни народа, а может только основываться на «неизменном и вечном» расовом отличии одного народа от другого (должно быть, знать о том, что раса тоже не вечна и не неизменна – тоже дело ученого); не имеет права создавать идеалов, должен только исследовать душу, быть натуралистом-метафизиком (это выражение не принадлежит Пшибышевскому, но да позволено будет употребить его здесь), изображать только «обнаженную душу» в ее обнаженнейших состояниях; не имеет права изображать вещей, а только чувства, из них только бессознательные, так как только в них проявляет себя «абсолют», отыскивание таких чувств позволено даже называть стремлением к идеалу; особенно строго воспрещается свободному артисту иметь что бы то ни было общее с «реализмом», к которому относится «все до сих пор существовавшее искусство» (за очень немногими гениальными исключениями), потому что этот реализм есть «бездорожье души»...

Что касается девиза «искусство для искусства», то он «так же хорош, как и всякий другой», только «если бы, например, я сказал нищим, калекам и хромым, что бог для бога, а не для них, то я отнял бы у них единственную опору и утешение». Впрочем, «в искусстве всякие теории и выводы не имеют ни малейшего значения», – все дело в практике, а на практике мы видим, что «новое» направление создало «литературу самых низких инстинктов без всякого критического выбора» (совершенно то же говорили в свое время противники позитивного натурализма), сами же «свободные артисты» продали себя всяким набобам – кто же может лучше платить? – и наложили на себя невидимые цепи, «обманывая свет теориейками о независимости». Да если бы даже их искусство действительно заслуживало этого названия (хотя бы только в виде «отрывка искусства»), то, раз для его понимания необходима роскошная

обстановка, не лучше ли подождать с пропагандой его до того времени, «когда в жизни не будет голых калек, оборванных ребятишек и швеек с красными веками»? – артист, видящий все это и работающий только для виновников всей этой нужды, должен обладать каменным сердцем. Если эти артисты боятся прозы жизни, то напрасно, так как «только хороший поэт ценит надлежаще прозу». Если же эти артисты служат только горсти избранных, из презрения к «подлой черни» – человечеству, которое, однако же, обращается с ними вежливо, несмотря на их высокопарную ругань, то пусть эти «сверхлюди» устроят отдельное государство, работают там сами на себя, не брезгуя никаким трудом, чтобы ни в ком из «черни» не нуждаться, а в свободное от занятий время пусть предаются «чистому искусству». Тогда покинутое человечество, быть может, упадет на колени и в сокрушении сердечном будет слушать «голос, гремящий с высоты»...

Леся Українка. Заметки о новейшей польской литературе // Зібрання творів у дванадцяти томах. – К., 1977. – Т. 8. – С. 100 – 127.

ВИННИЧЕНКО Володимир Кирилович (1880 – 1951)

Видатний український письменник, публіцист, політичний громадський діяч, автор більшості актів УНР. Як політичний діяч він еволюціонує від «культурно-національної автономії» у складі Російської федерації до відродження української державності. Після встановлення в Україні радянської влади у 1919 році від'їздить за кордон.

Основні праці: "Відродження нації" (1920), "Спостереження непрофесіонала. Марксизм і мистецтво" (1913).

ВІДРОДЖЕННЯ НАЦІЇ

БОРОТЬБА ЗА ДЕРЖАВНІСТЬ УКРАЇНИ

<...> Історію відродження української нації з моменту вибуху Великої Російської Революції по сьогоднішній день можна поділити на чотири доби...

...1. **Доба Центральної Ради.** З двома періодами: 1) Період революційної організації державности й морально-правової влади, 2) Період юридично-правової державности.

2. **Доба Гетьманщини.**

3. **Доба Директорії.**

4. **Доба Отаманщини.**

В основу цього поділу покладено ролі тих чи інших соціальних верств під час цих моментів.

Чинником доби Центральної Ради є вся свідомо національна демократія без різниці клас.

Доба Гетьманщини одзначається пануючою роллю клас буржуазних і реакційних.

Під час доби Директорії головна роль переходить до клас революційних – пролетаріату сільського й мійського.

Головним чинником доби Отаманщини є елемент військовий, ідеологічно репрезентуючий дрібне національне міщанство, а в акції своїй автократичний...

<...> Оголосити творіння державности легко, але ж треба серйозно вдуматись, що то значить, яка то велетенська робота, яких усиль вона вимагає, яких сил, якої кількості людей, знаття, досвіду, матеріальних засобів.

Бо що то значить наша, національно-українська державність? То значить, що всі органи державного управління й господарства мають бути насамперед утворені на Україні, там, де їх зовсім не було до сього часу. Це не переформування старих, організованих, пристосованих до життя віками апаратів, не заміщення одних людей другими. Ні, творити все з самого початку, з самих дрібничок, творити в місяць-два те, що в других землях утворювалось десятками віків. Творити ці органи, не маючи ніякої мілітарної сили й маючи в той же час проти себе й мілітарну, й поліційну, адміністративну силу старої держави, маючи проти себе ворожість усієї неукраїнської людності...

Але нашою метою, істотною, ґрунтовною метою була не сама державність. Наша мета була – відродження, розвинення нашої національності, пробудження в нашому народі своєї, національної гідности, почуття необхідности рідних форм свого розвитку, здобуття сих форм і забезпечення їх. Державність же є тільки засіб для сеї істотної цілі. І через це самий процес здобування сеї державности вже мав би служити пробуджуючим, наштовхуючим і усвідомляючим фактором. Чи вигралось би чи програлось, а процес був би все одно й він уже сам викупив би й покрив би всі можливі нещасті.

...І ще раз кажу: злиття з працюючими, творчими класами українського народу, черпання своєї сили тільки з цього великого джерела й праця тільки для його, от – це робило Центральну Раду такою могутньою.

<...> ...Пролетарська держава, яка народжується з революції, має на меті усунути всякі форми утиску, всякі форми підлеглости, нерівности, всякі явища, які стоять на перешкоді вільному, всебічному розвитку людини.

...національний утиск, національна нерівність чи підлеглість тісно, глибоко, органічно пов'язана з утиском, підлеглостью і нерівністю соціальною й економічною. І коли ми, руські комуністи, хоч в якійсь

мірі піддержуємо нерівність або підлеглість національну, то це значить, що ми піддержуємо підлеглість соціальну й економічну, це значить, що руський пролетаріат перебірає на себе функції знищених руських паразитарних буржуазних кляс що-до визиску українського робітництва й усього укр. народа.

<...> історія показала українству всю безплідність, усю шкодливість і навіть злочинність намагання убгати відродження української нації в неприродні для неї, огидні її соціальним прагненням форми. Ті люди, які, йдучи за своїми власними клясовими сімпатіями й інтересами, хотять утворити українську державність клясово-буржуазну, – шкодливі й злочинні фантасти: вперед треба мати ті буржуазні кляси, а тоді з ними творити ту державність. Коли ж вони знають самі, що цих кляс немає, що процес витворення їх є справою цілих поколінь, а все ж таки намагаються іменно таку державність утворювати й ради неї боряться проти національної робітничо-селянської державності, коли ради цього валяються в ногах світових насильників і злочинців і продають за поміч у цій боротьбі свій народ, то їм місце тільки на лаві народного суворого суду.

Відродження української нації в національній сфері йшло й ітиме в гармонії з соціальним визволенням. Це є аксіома трьохлітнього досвіду нашої революції.

Винниченко В.К. Відродження нації: В 3 т. – К., 1990. – Т. 1 – С.9 –348.

СПОСТЕРЕЖЕННЯ НЕПРОФЕСІОНАЛА. МАРКСИЗМ І МИСТЕЦТВО

<....> І що таке мистецтво, наука, політика і інші прояви людського духа? Се є засоби в боротьбі за існування, се досвід людей, який нотується чи в парламентських законах, чи в точних формулах науки, чи в образах письменників, чи в догматах моралі й релігії.

Але ми знаємо, що боротьба ся, на жаль, велася людськостю не тільки з ворожими силами природи, а й між собою, що засоби ці вироблялись не тільки на опановання тими силами, але й на панування над чоловіком. Історія – се боротьба кляс. І само собою, хто переможець в тій боротьбі, того й воля, того й закони, тому належить все, що він здобув у боротьбі. І також само собою, що, здобувши, переможець, як я сказав, всіма силами старається удержати за собою здобуте, зробити стан свого панування незмінним, абсолютним, вічним. Він всі засоби вживає для сього, всі, які тільки може дати йому наука, політика, зброя, гроші, й само мистецтво. Переможець велить їм говорити те, що йому потрібне, велить вірити в те, що йому користне, велить гіпнозувати себе і всіх. І по глаголу його так і діється весь час, як довго існує переможець. На думання людей, навіть на їх

почуваннях лежить віковичне тавро догматизму, абсолютности, дух їхній має нахил до покори, до фаталізму.

Багато говорять про свободу мистців. Мистець – се, мовляв, незалежний ні від кого, вільний, безсторонній творець. Смішне, наївне, самообманне базікання!

Мистець також людина. Він так само родиться, живе і виховується, як всі інші люди. Псіхіка його складається тим самим законом, що й других людей. І так само, – хоче він того, чи не хоче, знає, чи не знає, – а мусить відбивати в своїх творах свій спосіб думання, почування, свій погляд на світ, на людей і на їхні відносини. А сей спосіб є той, який він виніс з своєї родини, з свого осередку, в якому жив, з комбінації тих інтересів, які панують над ним. І по творах його, навіть по формі їх ми легко можемо пізнати, як і чим жив той «вільний» творець.

І, вільно чи не вільно, а в праці більшости сучасних мистців одбивається воля й закон переможця. Ми бачимо, наприклад, як в творах багатьох письменників видатну роль грає ідея фатума. Більш щирі, живі, з елементами боротьби в своїй псіхіці – ставлять сю ідею з обуренням, з протестом, з бунтом. Вони не хочуть миритися з існуючим злом, з законом вічності його. І в бунті своєму кидають виклик всьому, що вважають за первопричину того зла.

Другі – пасивні, з нахилом до покори, з духом слабким і нещирим – тільки скиглять, тільки складають побожно руки перед Долею, Розумом, перед Незмінним, Непереможним і т. п...

Хто такі, повторюю, більшість сучасних письменників? Се – переважно люди з кляси переможців, люди, які просякли способом думання пануючих. Як, наприклад, кожна людина родиться з ідеями причинности, врослими в людську псіхіку за багатоміліонний час її істотності на землі, – так чоловік із кляси переможців з дитинства росте в ідеях вічності, фатальности й святости існуючого й милого переможцеві порядку речей. А порядок сей, ся фатальність такі безперспективні, такі обмежені, нудні, так давлять живу душу, що не дивно, коли найбільш чулі стогнуть, бунтуються і кленуть Фатум.

У нас, в українців, правда, таких бунтарів мало. Наші «шляхотні, поранкові, поетично-зажурені» і всякі інші самотники задовольняються поганесеньким ряденцем, яким обгортають свої мимоволі демократичні постаті. На плащ переможців у них нема сил і права, бо вони, на їхній жаль, переважно сини мужиків, сини суто-мужичої нації. Скільки є змоги, вони фарбують свої рядення в романтичні, демонічні, сатанистичні, «символістичні» кольори, але то так убого і смішно виглядає, що соромно стає навіть за ці демонізми та самотности.

Винниченко В.К. Спостереження непрофесіонала. Марксизм і мистецтво // Історія філософії України. Хрестоматія. –К., 1993. – С.426-429.

ОГІЄНКО Іван
(1882 – 1972)

Видатний український історик, культуролог, письменник, політичний і релігійний діяч. В 1920 р. змушений був емігрувати за кордон. В 1940 році був хіротонізований, отримав ім'я Іларіона, з 1951 року очолював греко-православну церкву. Досліджував різні відгалуження культури України – мову, міфологію, вірування, освіту, науку, мистецтво.

Найвідоміші його культурологічні праці: «Українська культура» (1918), «Складання української мови» (1937–1938), «Українська церква» (1942), «Історія української літературної мови» (1950), «Слово про Ігорів похід» (1949), «Князь Костянтин Острозький і його культурна праця» (1958), «Українська церква за час Руїни» (1956).

УКРАЇНСЬКА КУЛЬТУРА

...Чи ми ж справді маємо право на вільне життя, чи ми маємо право на ту автономію, якої так настирливо домагаємось ось уже більше двох віків? Чи народ наш – окремий народ, чи він має свою культуру – культуру оригінальну, своєрідну? Чи в минулому єсть у нього своя історія, своє життя? Чи справді нам потрібні окремі школи з нашою мовою, окремі університети, чи може це тільки наші вигадки, як про все це тепер кажуть несвідомі люде?...

...І не дивлячись на всі перешкоди, що завше горою ставали йому на дорозі, народ український утворив своє власне життя, утворив велику своєрідну культуру. І можна тільки дивуватись, дивуватись і благоговіти, як це народ наш незвичайно тернистим шляхом досяг такої великої культури.

Український народ з давніх-давен запосів собі велике, просторе місце...

У який бік життя не поглянемо, скрізь побачимо, як оригінально, своєрідно складав свою культуру народ український.

Скрізь, на всьому поклав цей народ свою ознаку, ознаку багатой культури й яскравої талановитості. Візьмем його пісню: її утворив народ наш такою, як ніхто з інших народів, і хіба тільки серби мають таку ж саму пісню. Наші пісні – це тихий рай, це привабливі чари, ті чари, що всім світом признано за ними.

...Народ український, утворивши власну свою музику, утворив своє самостійне музичне знаряддя; згадаймо нашу ліру, кобзу, торбан і т.ін...

І який би бік життя ми не взяли, скрізь побачимо, що народ наш виявляє себе окремим, своєрідним народом, народом з самостійною культурою. Народ український утворив свої звичаї, як от – родини,

Христини, похорон, свої вірування й переконання, утворив свої обставини життя, зачісування кіс («хохол» чи «оселедець»), свій музичний інструмент (бандура, ліра, торбан), свої страви, свій танок, – і все таке, що надає йому оригінальності і відрізняє від інших народів, було колись, у нас був навіть свій календар, і рік наш не припадав до московського.

В самій мові нашій одбився дух нашого народу, по коренях слів можна довідуватись і про культуру нашу. Давнє слово наше «дружина» (супруга) яскраво показує про стан нашої жінки, про те, що вона друг своєму чоловікові, тоді як загальнослов'янське «жена» значить тільки «рождающая».

Або наш вираз: ми кажемо «одружитися з нею», або «оженитися з нею»: тут жінка відразу стає рівноправно поруч з чоловіком; цей вираз – «оженитися з нею» далеко культурніший від московського: «жениться на ней»...

А наша мова українська, чарівна наша мова, всім світом вже знана за одну з найзручніших, наймелодійніших мов. Серед слов'янських мов наша мова найбагатша на лексику, найвиразніша на синтактику. Синоніміка нашої мови найбагатша, і ми маємо деколи на один вираз десятки слів; от скажімо, на вираз говорити ми маємо: говорити, казати, балакати, мовити, гомоніти, гурорити, повідати, торочити, точити, базікати, цвенькати, бубоніти, лепетати, жебоніти, верзти, плести, ґерґотати, бормотати – і кожне слово має свій власний відтінок... Наша мова донесла чистою силою старовини, і тому без знання нашої мови нема знання мов слов'янських...

Україна ніколи не лякалась західної культури, і західний вплив широкою річкою вільно котився до нас. Кращі люди наші часто їздили до закордонних університетів кінчати там своє виховання, – їздили вже й в XVI віці, а в XVII віці це стало ділом звичайним. Так, за кордоном навчались наші письменники: М. Смотрицький, Касіан Сакович, Петро Могила, Сильвестр Косов, Ісає Трофимович, Ігнатій Старушич, Тарасій Земка, Інокентій Гизель, Феофан Прокопович і багато, багато інших. Українці навчались в університетах Падуанським, Лондонським, Лейденським, особливо в Геттінгенським, навчались в університетах Паризьким, Празьким; училися в Гданьську, Кенігсберзі, в Римі і по інших місцях...

Народна література наша по праву посідає перше місце серед світової літератури. Творча продукція народу нашого дуже велика, – він утворив силу пісень, казок, переказів, оповідань, легенд, прислів'їв, загадок і т. ін...

...Культура наша давня, велика, оригінальна, самостійна, і серед слов'янських народів посідає почесне, одне з перших місць...

Народ наш створив велику культуру, і міг сподіватись, що такою ж великою понесе її і далі. Проте культуру нашу було перервано, її глибшому розвитку силою заступили дорогу...

А ні один народ не знає такого тернистого шляху, якого зазнали українці. Ми завше несли на Москву свою культуру, свою науку, несли з щирим серцем освічених людей, а сама Москва тільки й марила, що про русифікацію. Вона завше дивилась на нас оком дужчого силою, дивилась, як на завойований народ. Культуру нашу віками брали, охоче приймали й самих нас, проте завше тільки й марили, аби й нас зробити своїми рабами, аби звести нашу мову, аби звести всі притаманні одміни наші, щоб не було видно, звідки береться культура на Москві, щоб показати, що українці – той же само московський народ, а мова наша – тільки наріччя їхньої...

...Русифікація зносила нашу культуру, руйнувала наші звичаї, марудила нашу пісню, робила перевертнів навіть з народу. Свідомість українська падала, історія забувалася, притаманні ознаки наші нищились...

Мова – це наша національна ознака, в мові – наша культура, ступінь нашої свідомості.

Мова – це форма нашого життя, життя культурного й національного, це форма національної організації. Мова – душа кожної національності, її святощі, її найцінніший скарб... Звичайно, не сама по собі мова, а мова як певний орган культури, традиції. В мові – наша стара й нова культура, ознака нашого національного визнання.

Мова – це не тільки простий символ розуміння, бо вона витворюється в певній культурі, в певній традиції. В такому разі мова – це найясніший вираз нашої психіки, це найперша сторожа нашого психічного я...

І поки живе мова – житиме й народ, яко національність. Не стане мови – не стане й національності: вона геть розпоршиться поміж дужчим народом...

От чому мова завжди має таку велику вагу в національному рухові, от чому ставлять її на перше почесне місце серед головних наших питань...

Огієнко І. Українська культура: Коротка історія культурного життя українського народу. – К., 1992. – С. 12 – 141.

ЛИСЯК-РУДНИЦЬКИЙ Іван (1919 – 1981)

Відомий історик, культуролог. Майже все своє свідоме життя провів за межами України. Аналізуючи події української історії, виходив з факту існування у кожного народу свого національного характеру, який визначається «комплексом культурологічних вартостей», правилами поведінки та системами звичаїв, що притаманні кожній окремій нації. Національний характер виступає як поєднання рис, з

одного боку, поширених серед багатьох народів, а з другого – властивих лише окремій історичній спільноті. Для української історії, на його думку, характерне існування двох традицій – західної (соціально-політичної) та східної (християнсько-духовної), синтез яких найяскравіше проявляється в період Київської Русі та козацької держави XVII століття.

Основна праця: «Україна між Сходом і Заходом» (1973).

УКРАЇНА МІЖ СХОДОМ І ЗАХОДОМ

<...>Заголовок цієї доповіді говорить про те, що Україна перебуває «між Сходом і Заходом». Але яке значення даємо цим поняттям, «Схід» і «Захід», у застосуванні до української історії?..

У формулі «Україна між Сходом і Заходом» поняття «Захід» стосується Європи в цілому. Україна «західня» остільки, поскільки вона становить органічну складову частину європейської спільноти народів. І тут не йдеться про простий факт фізичної географії. Для історика Європа – це щось більше, ніж великий півострів євразійського суходолу; вона – сім'я народів, які, незважаючи на політичну роз'єднаність та часті жорстокі антагонізми в минулому, поділяють спільну спадщину. Не все, що географічно розташоване в Європі, належить до неї історично. Наприклад, колишня Оттоманська імперія, що впродовж кількох століть обіймала велику частину європейського континенту, напевне не входила до складу європейської культурної спільноти. Це саме стосується мусульманських держав середньовічної Іспанії. Більшість істориків згідна теж у тому, що Московщину – Росію 14 – 17 століть не слід уважати за європейську по своїй суті країну. Загально відомо, що «європеїзація», чи пак «окциденталізація», Росії наступила щойно внаслідок реформ Петра I. Але навіть багато російських мислителів вважали цю європеїзацію проблематичною.

Україна ніколи не пережила доби насильного й раптового «узахіднення», аналогічної з царюванням Петра в російській історії. І в цьому аж ніяк нема нічого дивного. Країна, що від своїх початків була суттєво європейською, – і в цьому значенні «західною», – не потребувала асимілюватися до Європи шляхом наглого, революційного перевороту. Проте європейський характер України скріплювався завдяки впливам і контактам з іншими європейськими країнами. З котрою частиною європейської спільноти підтримувала Україна найтісніші зв'язки? Не з атлантийською, себто західноєвропейською, зоною. Щоправда, ще з часу Київської держави існували стосунки між Україною й Францією та Англією, що їх можна простежити теж в усі інші епохи української історії; але вони завжди залишалися радше спорадичними. Коли модерні українці говорять про «Західню Європу», вони на ділі звичайно мають на думці простір, що більш відомий під іменем Центральної Європи, себто землі з

німецькомовним населенням, від Північного моря до наддунайської долини. Німцям судилося репрезентувати, – добре або зле, – «Захід» в очах українського народу.

Ще тіснішими були зв'язки з країнами, що положені на схід від німецької етнічної території, що для них у науковій літературі викувано термін «Середньо-Східна Європа» (Ostmittel-Europa, Fast Central Europe): Чехія, Угорщина, Польща, – особливо остання. Крім цього, треба згадати про балтицькі й скандинавські обшири: Литву, що з нею Україна впродовж двох століть, від половини 14 до половини 16, перебувала у прямому політичному зв'язку, Швеція, звідки вийшов стимул до створення Київської держави...

...А тепер візьмемо під розгляд не західні, а східні елементи.

...Серед народів східної половини європейського континенту спостерігаємо одну чудну, майже настирливу звичку: намагання робити вигляд, що вони цілком західні, та заперечувати наявність будь-яких незахідних (точніше, незахідноєвропейських) рис у їхньому національному обличчі. «Польща – забороло західньої, католицької культури»; «чехи – єдина слов'янська нація з західнім життєвим стандартом»; «Угорщина, – що її Золота Булла одночасно з англійською Великою Хартією»; «румуні – горді нащадки римських легіонерів». Такі твердження доводиться зустрічати часто. Не хочу казати, що вони фактично незгідні з правдою, – принаймні до якоїсь міри. Проте від них тхне ментальністю бідняків, що люблять нахвалятися своїми багатими родичами.

Але вернімося до нашого українського конкретного випадку. Я стверджував суттєво західній, себто європейський характер України. Але це не значить, що я заперечую існування сильних незахідних елементів в українському національному типі. Під впливом сил, що променювали зі Сходу, загальноєвропейські прикмети зазнали змін, – хоч вони не були знищені й заступлені іншими.

Але яке значення має в контексті української історії поняття «Схід», «Орієнт»? Цей термін застосовують до двох зовсім різних історичних об'єктів: з одного боку, до світу східного християнства й візантійської культурної традиції, та, з другого боку, до світу євразійських кочовиків...

Почнемо від Сходу євразійських номадів. Предки українського народу були від непам'ятних часів землеробами... Здається, що між скитськими й сарматськими чабанами й войовниками та протиукраїнськими хліборобськими племенами існували своєрідні симбіотичні взаємини... Починаючи гунською навалою в 4 стол. по Х р. і кінчаючи зруйнуванням Києва монголами в половині 13 століття, кілька великих хвиль євразійських кочових орд, переважно тюрського походження, кидалися одна по одній прибоєм на українські землі. Але з поділів Монгольської імперії виникло, як одна з держав-спадкоємиць, Кримське ханство, що в 15 стол. стало васалом Оттоманської Порти.

Національним промислом кримських татарів було людоловство. Україна зазнавала майже щорічних татарських набігів, що приносили їй невимовне горе. Можна сказати без помилки, що боротьба проти татарської загрози становила центральну проблему в українській історії, аж до часу ліквідації Кримського ханства за панування Катерини II...

По-перше, українське хліборобство, на відміну від згаданих країн Близького Сходу, завжди належало до європейського, індивідуального типу...По-друге, в Україні не було чіткого, визначеного самою природою, розмежування між землями хлібороба й кочовика...

...Зате у випадку України границя впродовж віків коливалася то в цей, то в той бік. Слов'янська хліборобська колонізація раз-у-раз вирушала на підбій Дикого поля, намагаючися стати міцною ногою на берегах Чорного моря; це були завоювання як плуга, так і меча... Але ці передові позиції хліборобської культури періодично заливали хвилі номадизму. Кому пощастило врятуватися від смерті або полону, тому доводилося шукати порятунку в більш захисних північних і західних сторонах, прикритих лісами, горами й болотами. Але татарські набіги деколи доходили навіть до цієї безпечнішої зони. Ця вікова, епічна боротьба скінчилася щойно в другій половині 1 стол., коли після остаточного знищення Кримського ханства українське селянство тривало заселило понтійські степи.

Який вплив на формування українського національного типу можна приписати цим зв'язкам з євразійськими кочовиками? Це був передусім могутній гальмівний чинник. Велетенські втрати в людях, матеріальних добрах і культурних цінностях, що їх потерпіла Україна, очевидні. Тут треба особливо підкреслити знищення міст. Київська Русь уже подала розвинене міське життя. Але під час великої монгольської навали в 13 стол. ці городські центри систематично зрівнювано з землею. Мусимо теж згадати про перерізання торговельних шляхів, що відіграло велику ролу в занепаді квітучої культури середньовічної Русі. Цей занепад почався вже навіть до появи татарів, як наслідок грабіжницьких дій їхніх попередників, печенегів і половців...

...Другий бік – це внутрішнє перетворення українського суспільства підо впливом того виклику, що його ставило Дике поле... Українською людиною пограниччя був козак, що в 16-17 століттях став репрезентативним типом свого народу. Треба зауважити, що навіть у тих областях України, наприклад, Галичині, що фактично не були охоплені козацьким рухом, знаходимо незчисленні народні пісні, що прославляють козаків. У своїй суті козацтво було організацією військової самооборони населення загрожених пограничних земель. Воно становило авангард української селянської колонізації, але при цьому воно теж запозичило багато тактичних засобів і звичаїв від своїх ворогів-татарів. (Подібно американські піонери багато дечого

навчилися від індіан). Однак згодом військова організація, що спонтанно виросла на пограниччі, почала ступнево відігравати щораз важливішу роль теж у житті осілого запілля. Україна, що раніше входила до складу великого князівства Литовського (т.зв. Литовсько-Руська держава), після Люблінської унії (1569) опинилася під пануванням Польщі. Польська річпосполита була неспроможна забезпечити своїм українським провінціям ефективну охорону проти постійної татарської загрози... Польські намагання знищити козацьку військову організацію приводили до напруження, що постійно зростало й нарешті в 1648 році вибухло великою революцією... Революція 1648 року теж спричинилася до прийняття нової національної назви. Слово «Україна» означає, на думку багатьох, «погранична земля» й спершу стосувалося справді пограничної смуги, що в ній коренилася козаччина...

Підсумовуючи цю частину доповіді, можемо зробити наступні висновки. «Схід» євразійських номадів мав подвійний вплив на формування українського національного характеру: по-перше, як гальмуючий чинник на шляху нормального поступу країни, по-друге, через сильну оборонну реакцію з боку українського народу. Проте, це ще не робило самої України євразійською. Іншими словами, євразійська кочова стихія діяла на український народ ззовні, але вона не була «інтерналізована», вона не стала складовою частиною українського національного типу. Другий великий східний вплив, – грецька (візантійська) релігійна й культурна традиція, – діяв зовсім відмінним способом: з середини, формуючи саму духовність суспільства...

Але деякі новітні українські історики, – наприклад, визначний дослідник середньовічної та церковної історії С. Томашівський, думають, що вибір Володимира був трагічною, епохальною помилкою. Бо через прийняття християнства в його східній постаті Русь-Україна засудила себе на духовний застій і безплідність та замкнула собі шлях до того, щоб стати повноправним членом європейської спільноти. Цей погляд перегукується з відомою теорією Арнольда Тойнбі, який у своїй схемі «цивілізацій» світу рисує гостру поділову лінію між «західною цивілізацією», що обіймає католицькі й протестантські нації Європи, разом з їхніми заморськими відгалуженнями, «східньо – християнською цивілізацією», себто середньовічною Візантією й її модерним спадкоємцем Росією.

Що можемо сказати на ці теорії? Передусім мусимо тямити, що вибір, зроблений Володимиром, не був випадковий. Він був передрішений тією обставиною, що українські землі належали до сфери променювання грецької й гелліністичної культури вже добрих півтора тисячоліття до хрищення Руси. Починаючи з 7 століття перед Хр., побережжя південної України й Криму було засіяне грецькими колоніями... Київська держава, що народжувалася, від самого початку

й ще довго до своєї християнізації підтримувала різноманітні зносини з візантійським світом...

...Пересадження багатої грецько-візантійської культури, – почасти запозиченої прямо з Царгороду, а почасти присвоєної в її болгарській версії, – на сприйнятливий ґрунт молодого слов'янської країни дало спонуку до швидкого культурного розквіту Київської Русі, яким вона себе прирівняла до відносно найбільш розвинених частин тогочасної Європи. Правда, візантійство, незважаючи на весь свій блиск і вишуканість, на довшу мету зраджувало деякі разючі прояви кволості. Воно було радше статичним, і йому бракувало того надзвичайного динамізму й творчої снаги, що їх латинське християнство розгорнуло після 1000 року, у романську і готичну епохи. Однак ми маємо право зробити наступне гіпотетичне твердження: здається правдоподібним, що коли б не наїзди кочовників, Київська Русь була б спромоглася на те, щоб перебороти візантійську статичність та дотримати кроку з загальним європейським прогресом...

У цьому місці можемо знову підхопити нитку наших попередніх висновків стосовно західного первня в українському національному типі. Київська держава відзначалася наступною знаменною прикметою: вона поєднувала переважно східню, грецько-візантійську релігійну й культурну традицію з переважно західною суспільною й політичною структурою. Багатозначний факт, що політичний візантинізм залишився цілком чужий Київській Русі. (Візантійська теократія згодом прищепилася в Московському царстві, в часи його піднесення, де вона сполучилася з державною організацією, зформованою на зразок орієнтального деспотизму Золотої Орди). У домонгольській Русі, – як на середньовічному Заході та на відміну від Візантії й Москви, – державна й церковна влади були не злиті, а розділені, причому кожна з них була автономною у своїй власній сфері. Державність Києва носила на собі виразну печать Духа свободи. На це склалися наступні чинники: суспільний лад, що його характеризували договірні відносини; пошанування прав і гідності індивідуума; обмеження монархічної влади князя боярською радою й народним вічем; самоуправне життя міських громад; територіяльна децентралізація на квазіфедеративний кшталт. І цей свободолюбний європейський по своїй суті, дух притаманний і українським державним організаціям пізніших епох. Галицько-Волинська держава 13-14 століть виразно еволюціонувала до феодального устрою. Дозрілий фєвдалізм, включно з фєвдальним парламентаризмом, знаходимо в Литовсько-Руській державі 14-16 століть. Козацька держава 17-18 століть посідала становий устрій (Ständestaat, society of estates). І це не був випадок, що в 19 стол., – в добу, коли Україна була політично асимільована Росією, – всеросійський лібералізм і конституціоналізм знаходив собі найсильнішу підпору власне в українських провінціях імперії. Коли б встояла відроджена 1917 року самостійна українська

держава, вона, певно, була б примістилася в складі західних конституційних форм. Українська громадськість у своїй більшості бажала демократичної республіки з соціалістичним забарвленням, а консервативна меншість схилилася до конституційної монархії...

Приходимо до наступного висновку. Україна – розташована між світами грецько-візантійської й західньої культур і законний член їх обох – намагалася на протязі своєї історії поєднати ці дві традиції в живу синтезу...

РОЛЯ УКРАЇНИ В НОВІТНІЙ ІСТОРІЇ **Постановка проблеми**

<...>Україна – типowo східноєвропейська країна, бо її історія до високого ступеня позначена браком тяглости, дисконтинуїтетом. Це твердження стосується передусім державної організації та високої культури – тієї, що її носієм є звичайно провідні суспільні верстви. Саме ця «надбудова» в першу чергу падала під ударами ворожих сил та несприятливих обставин; низові суспільні клітини (сім'я, сільська громада) та народна культура виявляли більшу відпорність на історичні лихоліття...

Новітня українська державність 20 віку не була простим продовженням або відновленням козацької держави 17-18 століть, а очевидно тим менше Київської та Галицької Руси. З другого боку, не вільно не добачити тих ланок, що пов'язують національне *risorgimento* 19 століття з козацькою добою. Початки новітнього національного руху лежали в тих областях України, де козацькі традиції були найсильніші, і більшість провідних постатей первісно вийшла з нащадків козацької старшини. Символи й ідеї, що походили з козацької традиції, відіграли важливу роль ще навіть у роки революції 1917 року...

Починаючи з 1840-их років, аж до революції 1917 року тягнеться безперервний ланцюг груп та товариств, – оформлених або неоформлених організаційно, – що посвятили себе ідеї культурного й політичного відродження України як відрубної нації... Плідним завданням, що його досі не зуміла повністю виконати історична наука, було б крок за кроком дослідити шлях, пройдений українським національним рухом, як Ян Кухажевський та Франко Вентурі дослідили шлях розвитку російських революційних рухів...

Таким чином можемо ствердити, що центральна проблема в новітній українській історії – це постання нації, перетворення етнічно мовної спільноти на самосвідому політичну й культурну спільноту...

...Формування нації в основному завершилося в революційні роки 1917-20. Упродовж останніх чотирьох десятиліть центральний мотив в українській історії – боротьба нації за збереження свого існування під чужинецьким пануванням та за відновлення її свободи й незалежності...

Регіональні різновиди

Дореволюційна Україна не посідала територіальної єдності...

...Щодо основних земель, то були вони наступні: в Росії – Лівобережжя, Слобожанщина, південна Україна та Правобережжя; в Австрії – Галичина й Буковина...

Лівобережна Україна (себто територія на схід від Дніпра) відповідала площі колишньої автономної Козацької держави, так званої Гетьманщини... 1835 року відмінено традиційне українське право (т.зв. Литовський статут), а в 1831-35 роках скасовано міську самоуправу, побудовану на магдебурзькому праві. Лівобережне дворянство, що складалося з нащадків колишньої козацької старшини, декілька разів пробувало відновити автономний лад... Ідеологічне та організаційне оформлення українства відбулося під знаком не історичного легітимізму, а народництва. Проте, лівобережні губернії, Полтавська й Чернігівська, продовжували відігравати роль географічного ядра українського руху...

Українське культурне відродження знайшло свій перший важливий центр далі на схід, на Слобожанщині. У 17 столітті ця територія належала до Московського царства, але була майже безлюдна. Її заселили втікачі з Подніпров'я, що принесли з собою козацький устрій. Слобідські козацькі полки перебували під прямим контролем центрального уряду, і вони не брали участі в бурхливій політичній історії Гетьманщини. Але столиці Слобожанщини, Харкову, судилося стати 1805 року місцем осідку першого модерного університету на українських землях...

Південна (Степова) Україна складалася з колишніх земель Запорізької Січі та володінь кримських татар і Туреччини. У 18 столітті це було ще переважно не заселене «Дике поле», і ця територія ще довго зберігала в 19 столітті свій окраїнний характер. Поруч з українцями, ця земля приваблювала ще чимало різних інших поселенців: росіян, німців, греків, болгарів...

...Правобережжя було політично й господарсько зв'язане з Польщею, тоді як Гетьманщина і Слобожанщина мали своє обличчя, звернене до Московщини.

Історичну індивідуальність Правобережжя (території на захід від Дніпра) визначала обставина, що навіть після анексії Росією 1793 року польська шляхта залишилася соціально панівним елементом у цьому краю і в значній мірі зберегла цю позицію аж до 1917 року... Неспроможність поляків та українців поладнати їхні розходження та виробити спільну політичну поставу супроти Росії фатально заважила на дальшій долі обох народів...

Лисяк – Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом // Історія філософії України. Хрестоматія. – 1993. – С. 511 – 541.

З М І С Т

Передмова	3
Бердяєв Микола Олександрович (1874 – 1948).....	5
О культуре.....	5
Воля к жизни и воля к культуре.....	10
Духовное состояние современного мира.....	16
Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники).....	19
Фромм Еріх (1900 – 1980).....	24
Революция надежды.....	25
Тоффлер Олвін (1928).....	25
Футурошок.....	26
Манхейм (Мангейм) Карл (1893 – 1947).....	29
Диагноз нашего времени.....	30
Фейблман Джеймс Керн (1904).....	33
Теория человеческой культуры.....	34
Фрейд Зігмунд (1856 – 1939).....	55
Будущее одной иллюзии.....	55
Недовольство культурой.....	58
Юнг Карл Густав (1875 – 1961).....	60
Архетипы коллективного бессознательного.....	60
Хейзінга Йохан (1872 – 1945).....	63
НОМО LUDENS Опыт определения игрового элемента культуры.....	63
Ясперс Карл (1883 – 1969).....	68
Истоки истории и ее цель.....	68
Хайдеггер Мартін (1889 – 1976).....	82
Вопрос о технике.....	82
Вернадський Володимир Іванович (1863 – 1945).....	87
Несколько слов о ноосфере.....	87
Шпенглер Освальд (1880 – 1936).....	92
Закат Европы.....	92
Человек и техника.....	104
Ніцше Фрідріх (1844 – 1900).....	114
Рождение трагедии из духа музыки (Предисловие к Рихарду Вагнеру).....	114
Карнейро Роберт Леонард (1927р.).....	116
Культурный процесс.....	116
Сорокін Петерим Олександрович (1889 – 1968).....	123
Кризис нашего времени.....	124
Тойнбі Арнольд Джозеф (1889 – 1795).....	141
Постижение истории.....	141
Данилевський Микола Якович (1822 – 1885).....	155

Росія і Європа.....	155
Сковорода Григорій Савич (1722 – 1794).....	167
Начальна дверь ко християнському добронравію.....	167
Діалог. Ім'я йому – потоп змін.....	168
Костомаров Микола Іванович (1817 – 1850)	168
Книги буття українського народу.....	168
Дві руські народності.....	169
Нечуй-Левицький Іван (1838 - 1918).....	171
Світогляд українського народу (Ескіз української міфології).....	171
Драгоманов Михайло Петрович (1841 – 1895).....	174
Шевченко, українофіли й соціалізм.....	175
Чудацькі думки про українську національну справу.....	175
Пропавший час. Українці під Московським царством.....	175
(1654 – 1876).....	175
Франко Іван Якович (1856 – 1916).....	177
Наука й її становище щодо працюючих класів.....	177
Мислі о еволюції в історії людськості.....	179
Найновіші напрямки в народознавстві. Доповідь на першому місячному зібранні Товариства Народознавства 28 лютого 1895 року.....	180
Леся Українка (1871 – 1913).....	183
Малорусские писатели на Буковине.....	184
Заметки о новейшей польской литературе.....	184
Винниченко Володимир Кирилович(1880 – 1951).....	186
Відродження нації.....	186
Спостереження непрофесіонала. Марксизм і мистецтво..	189
Огієнко Іван (1882 – 1972).....	190
Українська культура.....	190
Лисяк-Рудницький Іван(1919 – 1981).....	192
Україна між Сходом і Заходом.....	193

ПАРАФІЙНИК НАДІЯ ІВАНІВНА
ПРИЛУЦЬКА АЛЛА ЄВГЕНІВНА

УКРАЇНСЬКА І ЗАРУБІЖНА КУЛЬТУРА
Частина I
Теорія культури

Редактори: В.М. Коваль, Л.О. Кузьменко

Зв. план, 2002

Підписано до друку 15.11.2002

Формат 60x84 1/16. Папір офс. № 2. Офс. друк.

Ум.-друк. арк. 11,2. Обл.-вид. арк. 12,62. Т. 700 прим.

Замовлення 558. Ціна вільна

Національний аерокосмічний університет ім. М.Є. Жуковського
"Харківський авіаційний інститут"
61070, Харків-70, вул. Чкалова, 17
<http://www.khai.edu>
Видавничий центр "Х А І"
61070, Харків-70, вул. Чкалова, 17
izdat@khai.edu